

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

ЧАСТЬ ХХІХ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1806 года.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учреж-
деннаго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ , 1806.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Мужъ разсержителъ.

(Окончаніе.)

На другой день Маркизъ получилъ отъ сына письмо слѣдующаго содержанія:

„Вы открыли тайну моего сердца; она не могла вамъ понравиться — я весьма жалѣю о томъ. Совѣсь не упрекаю васъ ни въ чемъ; смѣю сказать вамъ безъ околнчностей, что въ поступкѣ вашемъ сомноу ничего не вижу, кромѣ несправедливости. Вы напрасно назвали меня *неблагодарнымъ*; я люблю, почишаю васъ, и признаю ваши благодѣянія, изъ которыхъ главнѣйшее состоитъ въ томъ, что вы дали мнѣ хорошее воспитаніе, предохранившее меня отъ суевѣрія и предрасудковъ. Вамъ было угодно сдѣлать меня питомцемъ и ученикомъ

комъ Природы; я воспользовался всѣми вашими наставленіями. Могли ль вы называть меня *тудовищемъ* за то, что я покорился непобѣдимой силѣ красоты и прелестей? *Умѣренныя* *спрасны* образуютъ людей обыкновенныхъ (*); развѣ хотите вы, чтобы я былъ просполюдимомъ? Чувство есть душа страстей. Но какъ чувство отъ насъ не зависитъ, ибо мы любимъ и ненавидимъ, сами не зная, почему и отъ того это дѣлается: слѣдственно никого не надлежитъ обвинять въ преступленіи (**). Я долженъ былъ не нарушать вашего спокойствія — и не нарушалъ его; я ни передъ кѣмъ не хвалился, что меня любящъ, никому не открывалъ моей тайны. Чего еще можете требовать отъ человека, одержимаго жестокою страстію? Вы конечно не станете прощивуполагать мнѣ площаднаго правила: *Не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь*; мы оба читали въ твореніяхъ нашего божественнаго Философа, что сіе правило выводится изъ *умствованія о справедливости*, но что законъ естественный говоритъ только: *дѣлай себѣ добро такъ, чтобы другому какъ можно меньше отъ того было зла* (***) . Ни что не извиняетъ оскорбительнаго вашего поступка со мною. Ахъ! обиды, которыя

(*) См. *О духѣ* Гельв. (**) Тамъ же (***) Ж. Ж. Руссо. *Разсужденіе о неравенствѣ людей*.

терплю отъ васъ, доказываютъ истину философскаго изреченія: Родители перестаютъ любить дѣтей своихъ, достигшихъ возраста независимости (*). Я не буду посѣщать васъ; надѣюсь однакожь, что вы не захопите мучительски управлять ни моими склонностями, ни поведеніемъ. Прошу не забыть, что всякая зависимость противна справедливости; что сынъ отъ отца столько зависитъ, сколько сей отецъ своихъ предковъ (**), и что дѣтская любовь не есть обязанность всегдашняя, нереложная. Наконецъ, дозволюте сказать: все отлице, на которое отецъ имѣетъ право, въ томъ состоитъ, что съ нимъ обходятся какъ съ поттеннымъ непріятелемъ (***) . Пребываю къ вамъ съ поттеніемъ,“ и проч.

Сіе письмо, дерзкое и нечестивое, привело въ шрешъ Маркиза. Онъ начитывалъ въ книгахъ всѣ упоминаемыя здѣсь правила, даже многія изъ нихъ одобрялъ, не входя въ дальнѣйшія разсужденія; но теперь, когда примѣнили къ нему сіи правила, когда собственной сынъ его ссылался на нихъ, Маркизъ почувствовалъ, сколь онъ мерзки, ненавистны. Несчастной Философъ терпѣлъ жестокія обиды отъ двухъ дѣтей, кошо-

(*) О дѣлѣ.

(**) См. Кодексъ Природы.

(***) См. Нравы.

рымъ по крайней безрассудности своей дѣлъ прошивъ себя оружіе. Позднее раскаяніе, бесполезныя жалобы довершили его несчастье. Онъ немедленно послалъ нарочнаго въ Парижъ, и спустя нѣсколько времени, Бельмонъ получилъ отъ Министра повелѣніе отправиться въ другой полкъ, находившійся въ Рошели. Бельмонъ, перзасемый бѣшенствомъ, вмѣсто того чтобъ повиноваться, скрылся, и прислалъ изъ своего убѣжища письмо къ Юліи, наполненное гнѣвомъ и страшными угрозами; на концѣ сказано было, что *если Юлія не поклянется разорвать всѣ связи, презрѣть всѣ должности, кромѣ любви; то онъ ударится головою о камень, такъ что брызги крови долетятъ до Юліи.* Маркиза, при всей Философіи своей, испугалась такой дикой любви, показала письмо мужу, и просила у него защиты отъ сумасшедшаго любовника. Маркизъ, вопреки благородному образу мыслей своихъ, выпросилъ у Министра бланкетъ за Королевскимъ подписаніемъ (*lettre - de - cachet*); Бельмона отвезли въ отдаленную крѣпость. Однакожь отъ Юліи скрыли сей случай; ибо прежде Маркизъ часто при ней вооружался прошивъ сихъ бланкетовъ. Юлія думала, что Бельмона проводили въ Рошель; спустя нѣсколько времени сказали ей, что онъ отправился въ Западную Индію. Маркиза жила шесть мѣсяцовъ въ Туреньской провинціи — и не скуча-

да, потому что Полковникъ того полку, въ которомъ служилъ Бельмонъ, былъ молодъ и любезенъ; онъ успѣлъ совершенно изгладить Виконта Мервиля въ памяти Юліи. По приѣздѣ въ Парижъ, Маркиза уже не поропилась къ Графинѣ С * * ; не только не чувствовала желанія видѣться съ Виконтомъ, но даже боялась повспрѣчатся съ нимъ. Общество, нѣкогда любимое, и сама Графиня * *, уже больше не нравились Маркизѣ. Философы почтшають дружество связью, основанною на одной корысти; только любовь и страсть ко славѣ у нихъ бывають постоянны. Они увѣряють, что умной теловѣкъ, предвидя минуту, когда двое друзей перестанутъ быть взаимно полезными, по вычисленію можетъ предузнать эпоху разрыва, подобно Астроному, которой предсказываетъ затмѣніе (*).

Маркизъ имѣлъ у себя искренняго друга; это былъ внукъ стараго Графа Оржимона, немного чѣмъ моложе Маркиза; онъ находился при войскѣ три года въ Америкѣ, и за пять мѣсяцовъ передъ симъ приѣхалъ въ отечество для полученія наслѣдства послѣ своего дѣда, которой въ прошедшемъ году умеръ. Графъ Оржимонъ не задолго передъ тѣмъ женился на одной придворной дѣвицѣ, родственницѣ Маркизовой; сіе супружество еще тѣснѣе связало старинную

(*) Гельвецій. О душѣ.

дружбу, Графу Оржимону наступилъ тридцатой годъ. Бывъ воспитанъ родителями умными и просвѣщенными, онъ всегда хранилъ по глубокое почтеніе къ Религии, которое необходимо приводилъ, и въ самое короткое время, къ совершенной увѣренности. Имѣя великую душу, добрыя склонности, онъ не находилъ ничего ужаснаго въ строгомъ наблюденіи правилъ и ученія вѣры: усовершенствованная добродѣтель, подкрѣпляемая утѣшительною надеждою, возвышала чувства его и питала воображеніе; ему казалось, что планъ жизни, умомъ просвѣщеннымъ начертанный по благороднымъ понятіямъ, конечно не заключалъ въ себѣ ничего низкаго, и готовилъ, вопреки непостоянству счастья, судьбу возжелѣнную и славную. Небесный свѣтъ озарилъ его еще въ младенческомъ возрастѣ; сердце его естественно стремилось къ добродѣтели. Лишь только онъ узрѣлъ ее, тотчасъ рѣшился узнать ее совершеннѣе, а узнавши, поклялся вѣчно слѣдовать ей законамъ; за каждымъ шагомъ на семъ счастливомъ пути его мнѣніе становилось шверже; онъ никогда не уклонялся въ сторону, и шелъ посплоянно. Графъ Оржимонъ имѣлъ фигуру величественную и правильную, которая съ перваго разу внушала почтеніе; но крошечность и простота его обхожденія дѣлала такую - то протѣпельную противополож-

ность съ важною наружноспію. Ясною взоръ изображалъ совершенное спокойствіе души его; но сіе спокойствіе было счастливымъ плодомъ добродѣтели, не безпечноспи. Все показывало въ немъ добропу сердца и чувствительность; наконецъ должно прибавить, что Графъ, при постоянно - любезномъ нравѣ, имѣлъ замашки оригинальнаго остроумія. Хотя онъ навсегда отпрекся отъ ядовитой колкости и неперимоспи, однакожь любилъ шутить надъ сумазбродспвомъ и дурными привычками; свѣцское обхожденіе и правила его иногда удерживали въ немъ сію склонность, но не испребили совершенно. Несмотря на различіе мнѣній, онъ искренне любилъ Маркиза, потому что находилъ въ немъ превосходныя качества. Впрочемъ, ложная Философія казалась ему весьма нелѣпою; онъ не думалъ, чтобы можно было столь явныя заблужденія почитать истинами, и вѣрилъ несомнѣнно, что человекъ съ благородною душою, съ чувствительнымъ сердцемъ, рано или поздно, наконецъ долженъ будешъ отъ нихъ отказапся. Цецилія, двадцатилѣтняя супруга Графа Оржимона, украшалась всѣми прелестями, всѣми добродѣтельными свойствами нѣжнаго пола. Будучи прекрасною безъ кокетства, умною безъ чванства, она скрывала блестящія качества подъ завѣсою крошкой стыдливости. Графъ Оржимонъ

сперва показался Юліи слишкомъ важнымъ. По какому-то непонятному побужденію, она не смѣла при немъ играть роль кокетки: такая принужденность заставляла ее безпрестанно думать о Графѣ. Скоро она почувствовала, что никто еще не имѣлъ надъ нею подобной власти. Юлія боялась Графа, — и желала бытъ съ нимъ вмѣстѣ; находила въ немъ нѣчто отличное; смотрѣла на него, и слушала его съ такимъ любопытствомъ, какого не возбуждалъ въ ней ни одинъ мужчина. Чѣмъ болѣе она узнавала Графа, тѣмъ болѣе удивлялась уму его, и плѣнялась веселымъ его нравомъ; но, увы! эпопѣй любезной, эпопѣй превосходной человекъ былъ *благотестивъ*: какой странной феноменъ! . . . Графъ кажется чувствителенъ; такъ еще молодъ! . . . *пылаетъ* ли онъ *страстію* къ женѣ своей? Вотъ о чемъ надлежало освѣдомиться. — Молодые супруги взаимно любили другъ друга съ тою искреннею, чистою, сладкою нѣжностію, которая продолжается во всю жизнь, но которая ничего не значитъ для нѣкоторыхъ наблюдателей, богошворящихъ страсть неистовую и буйную. Сіи господа полагаютъ, что сумазбродство и бѣшеные порывы суть принадлежности *генія*, и неразлучные спутники истинной любви. Цецилія, не зная восторговъ, постоянно наслаждалась счастьемъ. Сильная

страсть находить на людей припадками; истинная чувствительность всегда одинакова, всегда поспоянна.

Жеманные щеголихи, не только изъ зависти, но и по дурнымъ привычкамъ, по слѣдствію развращенія, обыкновенно почитаютъ добродѣтельныхъ женщинъ вялыми и глупыми. Понимаютъ ли онѣ, чувствуютъ ли всю прелесть скромной стыдливости, всю сладость душевнаго спокойствія, всю пріятность милой невинности? Юлія, сдѣлавъ многія наблюденія, увѣрилась, что Цецилія ни мало не *ловка*, и что, по недостатку *энергіи*, она не можетъ быть любима своимъ мужемъ. Сіе мнимое открытіе обрадовало ее; спросивъ сама себя о причинѣ своего восхищенія, она заключила, что чувствуетъ *жестокую страсть* къ Графу, и рѣшилась поймать его въ свои сѣти. Какъ славно — думала она — одержать побѣду надъ такимъ мужчиною, молодымъ, умнымъ, любезнымъ, чувствительнымъ! . . . Юлія тотчасъ поссорилась съ тогдашнимъ своимъ любовникомъ, и дала ему отпускную; потомъ стала вести себя осторожнѣе, и наблюдать болѣе скромности въ разговорахъ. Такая переменна имѣла полезное слѣдствіе, которое казалось Юліи предвѣстіемъ побѣды. Графиня Оржимонъ ѣздила къ ней чаще прежняго, и обходилась съ нею дружелюб-

нѣе. Графъ также былъ къ ней опкровеннѣе. Наконецъ всѣ они сдѣлались коропскими пріятелями. Въ одинъ день Графъ и Маркиза разговаривали безъ свидѣтелей. Юлія сама себѣ дивилась, чувствуя стыдливость и боязнь; однакожь умѣла скрыть свое замѣшательство. Мало помалу рѣчь дошла до страстей вообще, потомъ до любви; Юлія, вдругъ принявъ на себя видъ простосердечія, спросила Графа невиннымъ тономъ, *любитъ ли онъ до безумія жену свою?* — „Нѣтъ — отвѣчалъ Графъ: Цецилія не способна вдохнуть бѣшеную спрашивъ.“ — *Почему это?* — спросила Юлія нерадиво, обрадовавшись такому отвѣту. — „Ангель, сошедши на землю, не возбуждалъ бы ни въ комъ *страстей бѣшенныхъ*; небесныя свойства, образъ невинности, не производятъ такихъ чувствованій. Я люблю Цецилію, какъ сердца благородныя и нѣжныя любятъ добродѣтель. Тогда только расположенія мои къ ней могутъ перемениться, когда все мое существо получитъ другое образованіе.“

Какой отвѣтъ для женщины, которая гопова была признаться въ любви, и получить взаимное признаніе! . . . Юлія не смѣла взглянуть на Графа; почитала себя униженною похвалами, произнесенными къ чести Цециліи. Раскаяніе, грызеніе совѣсти, приносили ее въ большее замѣшательство;

она перзалась отъ зависти и чувства собственнаго униженія. Не имѣя дара искусно притворяться, она не могла скрыть внутренняго смятенія — и молчала. Графъ завелъ рѣчь о дѣлахъ постороннихъ; Юлія отвѣчала односложными словами. Вошедшій слуга доложилъ о прибытіи одной посѣпительницы; Графъ вышелъ. Юлія начала жаловаться на сильную головную боль; ее оставили одну. Тутъ въ первой еще разъ въ четыре года предалась благоразумнымъ, но печальнымъ размышленіямъ; сравнивала поспѣвныя чувствованія, которыя возбуждала въ волокитахъ, съ чистою, неизмѣняемою привязанностію Графа къ женѣ его, и наконецъ увидѣла, что честолюбіе, которое вовлекаетъ въ распутства, при лучшемъ направленіи одно можешъ удержатъ на славномъ поприщѣ добродѣтели. Она вспомнила съ ужасомъ, какъ въ теченіе послѣдняго года обходятся съ нею въ обществахъ, съ какимъ неуваженіемъ встрѣчаютъ ее мужчины, съ какою холодностію принимаютъ женщины, извѣсныя по своему благонравію; привела себя на память, какъ часто была предметомъ скрытнаго пренебреженія, ѣдкихъ эпиграммъ, насмѣшливыхъ порицаній; разочла, что безпрестанное, упомпительное движеніе вредитъ ея здоровью, что суетныя заботы часъ отъ часу умножаются, и что внутреннее спокойствіе совсѣмъ потеряно. Чѣмъ же

замѣняются такія муки, такое поношеніе? ласкашельствомъ нѣкоторыхъ развращенныхъ молодыхъ людей, и любовными сплетнями! — Юлія образумилась на минушу, и проклинала ненавистные уроки, полученные отъ мужа; она не могла любить соблазнительныхъ правилъ, которыми Графъ Оржимонъ гнушался.

Маркиза нѣсколько дней не выходила изъ комнаты, подъ предлогомъ слабости здоровья. Начинаясь весна. Маркизъ проводилъ время въ деревнѣ, близъ Парижа, въ одномъ блестящемъ обществѣ. Юлія, движимая любовію и раскаяніемъ болѣе нежели прежде, приказала уведомить Графа, что хочетъ съ нимъ видѣться. Онъ явился. Юлія, не открывая тайныхъ чувствованій сердца, призналась ему въ своихъ шалостяхъ, которыя были всѣмъ извѣстны; объявила о своемъ раскаяніи, объ грызеніи совѣсти; наконецъ просила у него совѣта, и прибавила: „какъ бы онъ ни былъ спрогъ, — буду слѣдовать ему въ точности.“ — Графъ сперва слушалъ равнодушно; потомъ, будучи пронутъ простосерденіемъ ея, смягчился; онъ видѣлъ, что сія несчастная жертва новой Философіи отъ природы имѣла доброе сердце. „Теперь вамъ двадцатой только годъ — сказалъ Графъ — еще все можно поправить. Оставьте сіе опасное для васъ мѣсто, и

склоните мужа своего удалиться въ деревню. Вы возвратитесь счастливы, и примирясь сами съ собою; опять найдете здѣсь спокойствіе, и люди станутъ почитать васъ попрежнему.“ — *Ваше* почтеніе дорого мнѣ — вскричала Маркиза; всячески постараюсь заслужить его. Мужъ мой завтра придетъ; я склоню его, и мы черезъ недѣлю отправимся. — Юлія говорила чистосердечно; она терзалась при одной мысли о разлукѣ съ Графомъ. Но Графъ хвалилъ благородную рѣшительность ея, и сіи похвалы служили къ подкрѣпленію принятаго намѣренія. Увидѣвшись съ мужемъ, Маркиза объявила ему свое желаніе; не скрыла даже и того, что предпринимаетъ это для выгодъ своей славы въ обществѣ. За нѣсколько мѣсяцовъ прежде Маркизъ одобрилъ бы ея намѣреніе, но теперь любовь къ Юліи уже погасла въ его сердцѣ; онъ недавно заключилъ тайной союзъ съ одною кокеткою. Такая внезапная склонность къ уединенію показалась ему очень смѣшною; онъ сказалъ наотрѣзъ, что остается въ Парижѣ. Юлія, желая показать Графу, что ни въ чемъ отъ него не зависитъ, просила его убѣдить мужа. Графъ совѣщавалъ Маркизу, — но безъ успѣха.

Еслибъ Маркизъ воспользовался благородными расположеніями Юліи, то она

въ тихомъ уединеніи конечно могла бы опять найти путь добродѣтели, съ котораго со-врашили ее пагубные примѣры. Юлія; наскучивъ безпорядочною жизнію, гошова была на- всегда опказаться отъ распутства: мужъ уничтожилъ ея намѣреніе. Уже при мѣсяца Юлія вела себя такъ хорошо, что Графъ началъ любить ее, какъ добрую свою прія- тельницу. Маркиза видѣлась съ нимъ все- ма часто; стѣрасть ежедневно усиливалась въ ея сердцѣ. По неопытности своей она все думала, что Графъ не имѣетъ къ женѣ своей большой привязанности, думала пошому, что не понимала, какъ можно любить безъ бѣшеннаго испугленія. Это подавало ей надежду въ успѣхѣ. Въ одинъ день разгова- ривая съ Графомъ, она открыла ему свою тайну. Графъ, крайне изумленный, пришво- рился, будто ничего не понялъ. Юлія, съ прежнимъ безстыдствомъ, яркими красками описала ему неукропимую стѣрасть свою. Графъ, выслушавъ хладнокровно, отвѣчалъ ей сухою вѣжливостію, означающею презрѣ- ніе. Юлія чувствовала, до какой степени бы- ла унижена. Графъ жалѣлъ объ ея состоя- ніи. — „Не имѣю нужды въ вашей жало- сти — сказала Маркиза; оставьте меня.“ — Онъ вышелъ. На другой день Графъ съ же- ною уѣхалъ въ Пуашу, въ свои помѣстья, на полгода.

Маркиза, униженная, въ отчаяніи, страдала двѣ недѣли отъ печали; потомъ вздумала искасть разсѣянїя. Будучи оставлена мужемъ, которой совсѣмъ не заботился о ней, безъ друзей, безъ наставника, безъ покровителя, чувствуюя весь стыдъ свой, — Юлія, чшобъ забыть свое состояніе, чшобъ избавишься отъ раскаянїя и отъ любви, снова вдалась въ распутство; ей казалось, что это лучшей способъ отмстить человѣку, которой за любовь платишь презрѣніемъ . . . Маркизъ, занявшись другою женщиною, далъ Юліи во всемъ полную волю; но увидѣвъ чрезмѣрную расточительность ея, принужденъ былъ напомнить ей, что имѣя дѣшей надобно позаботишься о будущей судьбѣ ихъ, и уменьшишь свои издержки. Юлія съ философскою твердоспїю опещчала, что прежде всего должно наслаждаться жизнїю, и что ежели отдасть въ казну только часть имѣнїя въ пользу дѣшей (*), то однихъ процентовъ съ капитала достанетъ имъ на прожитокъ. — „А для внуковъ?“ — Вотъ прекрасно! заботишься о потомствѣ! Что вы были для предковъ, жившихъ лѣтъ за четыреста? ничего. Смотрите такими же глазами на будущія существа, отдаѣ-

(*) Mettre à fonds perdu son bien, значитъ: отдать безъ возврата свой капиталъ, или имѣніе, съ тѣмъ, чшобъ пользоваться по смерти доходами.

ленныя отъ васъ теширьмя столѣтїями. Будьте сами счастливы; Судьба, всѣмъ управляющая, сдѣлаетъ съ вашими зрѣвнуками то, что ей угодно (*).

Дурное поведеніе Маркизы совершенно удалило отъ нее Графа Оржимона и его супругу. Спустя нѣсколько лѣтъ, отъ прежней страсти къ Графу осталась у Юліи только сильная ненависть къ Цециліи, которой она завидовала и въ счастїи и въ доброй славѣ. Маркизу, не смотря на развратную жизнь ея, все еще терпѣли въ обществахъ, потому что она домъ свой содержала исправно, и что мужъ ни въ чемъ не жаловался на нее. Наконецъ, нѣкоторое происшествїе на балѣ унизило Юлію, и обезчестило: разъяренный Маркизъ хотѣлъ развеспись. Юлія погибла бы невозвратно, то есть была бы лишена дѣтей, сослана въ монастырь, или причислена въ

(*) Изъ соч. *Дидерота*. Юлія могла бы сослаться на другое, болѣе философическое мѣсто, изъ того же Автора: „Найдите мнѣ отца, которой, не бывъ удерживаемъ стыдомъ, не согласился бы лучше поперяшь сына; найдите мужа, которой не согласился бы лучше поперяшь жену, нежели лишиться своего имѣнія и выгодъ житейскихъ?“ Изъ *Дополненія къ Пут. Буг.* — Надобно признаться, что философы осмнадцатаго столѣтія клеветали и на Религію и на природу человѣческую. — *Ав.*

въ классъ презрѣнныхъ женщинъ, изгнанныхъ изъ порядочнаго общества: но Ангель успѣшилъ спасти ее. Благочестивая, добродѣтельная Цецилія приѣхала къ ней, и съ помощію мужа своего успѣла помирить ее съ Маркизомъ; — этого не довольно: Цецилія не постыдилась явиться при Дворѣ и въ городѣ вмѣстѣ съ Юліею, которая давно уже подпала осужденію, и заслужила приговоръ невозвратный. Цецилія спасла ее, исходатайствовала прощеніе. Но Маркизъ казалось, что такое благодѣяніе унижаетъ ее болѣе, нежели опасность, которой подвергалась. Она не почитала выгоднымъ для себя одолженію, которое придавало новой блескъ ея соперницѣ. Послѣ сего, Юлія стала осторожнѣе въ поведеніи, опасаясь, чтобъ въ другой разъ не имѣть нужды въ помощи Графини.

Бельмонъ, прсидѣвъ четыре года въ крѣпости, потомъ проживъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, возвратился въ Парижъ за нѣсколько мѣсяцовъ до революціи. Онъ сдѣлался гораздо опытнѣе, впрочемъ не перемѣнился ни въ чемъ. Находясь въ Америкѣ, имѣлъ случай оплечиться мужествомъ; Маркизъ принялъ его съ опеческою нѣжностію. Настала революція. Юліи тогда было двадцать восемь лѣтъ. Многіе люди, благочестивые и крошкіе, сперва надѣялись, что революція, уничтоживъ самовольное заключеніе въ шюрму по бланкетнымъ указамъ

(lettres - de - cachet) и тому подобныя злоупотребленія, будутъ спасительна для Франціи; но они скоро увидѣли, что обманулись. Напротивъ того Юлія, напитанная философическими правилами, часъ отъ часу болѣе плѣнялась революціею, видя все то на дѣлѣ, чему прежде удивлялась въ книгахъ. Маркизъ, не по увѣренности, но по слабости характера, потчасъ присталъ къ сторонѣ конспишуціонной. Онъ совсѣмъ не предполагалъ ни уничтоженія Королевскаго достоинства, ни злодѣяній, которыя послѣ совершились; однакожь тайное предчувствіе удерживало его отъ рѣшительнаго участія. Онъ ни во что не вступился бы, даже не объявилъ бы своего мнѣнія, еслибъ прошивная сторона дѣйствовала безъ ненависти къ бѣшенству. Споры день ото дня усиливались; вражда прошивной стороны возбудила вражду въ Маркизъ; гнѣвъ, негодованіе, духъ прошивурѣчія заставили его вступить крѣпко за такое мнѣніе, которое впрочемъ почти совсѣмъ не занимало его. Онъ съ жаромъ говорилъ о *вольности*, о которой въ самомъ дѣлѣ не думалъ. Юлія вѣрила словамъ своего мужа тѣмъ охотнѣе, что его мнѣнія совершенно согласовались съ сочиненіями и бесѣдами Философовъ, которыя она шверже помнила, нежели самъ Маркизъ. Между тѣмъ, революція созрѣвала. Маркизъ испугался, не предвидя въ ней ничего добраго,

но будучи окруженъ энтузіасмами, не смѣлъ обнаружить всего безпокойства. Такая принужденность повредила его здоровье: онъ занемогъ отъ жестокой горячки, кошорая продолжалась болѣе мѣсяца. Юлія во все это время почти не отходила отъ его постели. Спустя тридцать пять дней, Маркизъ опамьяповался; Докторъ поручился за его выздоровленіе. Въ тотъ самый день Юлія узнала, что въ Народномъ Собраніи опредѣлено уничтожить помѣщичьи права и Дворянское званіе. Судя по мнѣніямъ, кошорыя много разъ слышала отъ своего мужа, она подумала, что новость обрадуетъ его. Правда, сіе произшествіе лишило его чина и половины имѣнія; но заботятся ли о такихъ мѣлочахъ, когда дѣло идетъ о правахъ человека, о счастіи всѣхъ народовъ? „Какъ хорошо — сказала она сама себѣ — что Маркизъ сего дня опамьяповался! какъ я обрадую его! наконецъ его желаніе исполнилось! . . .“ Тотчасъ бѣжитъ въ комнату Маркиза, поднимаетъ занавѣсъ, и говоритъ торжественнымъ тономъ: „Восхищайся, другъ мой! я пришла разтворить кровь твою цѣлебнымъ бальсамомъ; теперь мы всѣ равны! уже нѣтъ ни отличій, ни шипуловъ, ни Дворянства, ни правъ помѣщичьихъ! Народное Собраніе уничтожило всѣ глупости, кошорыя мы такъ долго оплакивали! . . .“ — Маркизъ поблѣднѣлъ, приспально смотря на Юлію.

„Ахъ, Боже мой! сказала она — мнѣ надлежало бы пригото­вить его...“ — Въ самомъ дѣлѣ такая радость едва не лишила его жизни. Пособія искусства возвра­тили ему здоровье, и черезъ нѣсколько времени, хотя не скоро, онъ совершенно оправился. Рес­публиканская партія со дня на день болѣе усиливалась; Маркизъ принадлежалъ къ числу усердныхъ ея поборниковъ, хотя вну­шенно проклиналъ дѣйствія пагубной фило­софїи, ко­порою въ книгахъ столько удивлял­ся. Ни онъ самъ, ни Юлія не могли одоб­рять всѣхъ несправедливостей и злодѣйствъ, ежедневно совершаемыхъ, и не только не брали въ нихъ участія, но всячески стара­лись оп­вращать ихъ, гдѣ было можно. На­прошивъ того молодой Бельмонъ, вѣрный послѣдователь своихъ учителей, одобрялъ все безъ изъятія. Еще прежде революціи, сочиненія *Философовъ* поселили въ немъ ве­личайшее презрѣніе ко Франціи. Онъ Фран­цузовъ иначе не называлъ, какъ *Вельжами*, и утверждалъ, что безъ *пятнадцатой главы Велизарія осмнадцатый вѣкъ* былъ бы въ грязи (*). Часто восклицалъ, взды­хая: *О боги! гдѣ мое отечество не есть уже отечествомъ славы и дарованій (**)?* Будучи наипаче такими мнѣніями, Бель­монъ хотѣлъ не­терпѣливо, чтобы революція

(*) Слова Вольтерова. (**) Его же.

преобразила несчастную Францію; хотѣлъ, чтобы распорглись всѣ узы, соединяющія людей съ небомъ и съ верховною властію, и чтобъ одна *Философія* господствовала. Онъ кричалъ въ галлерейхъ, въ кофейныхъ домахъ, на улицахъ, на каеэдрахъ, въ печатныхъ шепрадахъ, въ журналахъ, въ пасквиляхъ:

„Народы земные! хотите ли быть счастливы? разрушите всѣ храмы, и опрокиньте всѣ троны (*)! одной Философіи принадлежишь поклоненіе на землѣ; она одна просвѣщаетъ и облегчаетъ челоѳчество“ и проч. — Такія восклицанія весьма огорчали Маркиза; но онъ былъ увѣренъ, что Бельмонъ, которой уже представлялъ важное лице въ республиканской партіи, не послушался бы его совѣщовъ. — Молодыя женщины начали одѣваться по образцу древней Венеры; въ легкомъ бѣломъ платьѣ своемъ, прилипнувшемъ къ шѣлу, онѣ издали казались привидѣніями, а вблизи походили на женщинъ, вышедшихъ изъ бани. . . . Маркизъ совѣщовалъ Юліи не слѣдовать такой модѣ.

„Да не сами ли вы нѣсколько разъ сказывали мнѣ — отвѣчала она — что *спыдливость есть предразсудокъ и лицемеріе (**)*, и что даже развращеніе нравовъ не противоположно величію и благоденствію Государствъ? Я также не одинъ разъ слышала отъ васъ: должно ли

(*) См. *Американская революція*.

(**) *О духѣ*.

залирать женщину, которая вздумала бы ходить нагая по улицѣ, тогда какъ всякой безъ отвращенія смотритъ на голыя статуи (*)?" Юлія, ни въ чемъ незнающая умѣренности, любила страстно художества. Она свела съ однимъ молодымъ прекраснымъ танцовщикомъ тѣсное знакомство, которое Маркиза выводило изъ шерпѣнія. Юлія опять ссылалась на какое-то небесное созданіе, на англомодобную женщину, которая любила своего лакея. „А мой поступокъ — говорила Юлія — гораздо обыкновеннѣе: я люблю милаго, знаменитаго человека, которой три или четыре раза удостоился получить вѣнцы лавровыя. Публика и Журналисты съ восторгомъ превозносятъ моего любовника; онъ танцуетъ по вдохновенію Генія. Теперь мы все равны; чему же тутъ удивляться?" — Маркизъ принужденъ былъ молчать, боясь подать причину сомнѣваться о своемъ патриотизмѣ. Онъ жалѣлъ, что не могъ уже пользоваться мудрыми совѣтами Графа Оржимона, которой не задолго передъ тѣмъ уѣхалъ за границу, оставивъ жену свою во Франціи. Графиня, продавши часть имѣнія, и опославши деньги мужу, удалилась въ небольшое свое помѣстье во Франшъ-Конте, гдѣ жила въ неизвѣстности съ своимъ семействомъ.

(*) Вольтеръ.

Республиканскія мнѣнія сдѣлались почти общими; однакожь тѣнь Королевской власти еще оспаивалась. Бельмонъ съ неисповестномъ кричалъ въ Народномъ Собраніи; предложилъ законъ о раздѣлѣ полей, и говорилъ, что первой, дерзнувшей обгородить и распахать ниву, былъ непріятель теловѣческаго рода, достойный казни; что плоды всѣмъ равно принадлежатъ, и что земля есть общая (*). Онъ не только увѣрялъ, что революція готовитъ счастье для Франціи; но доказывалъ еще, что она будетъ весьма полезна для успѣховъ художествъ, а особливо Словесности. Поэзія — говорилъ Бельмонъ — достигнетъ высочайшей степени совершенства; сколько появится одъ о вольности! сколько гимновъ разуму! сколько патриотическихъ пѣсней!

Наконецъ республиканцы взяли верхъ, и власть Королевская совсѣмъ уничтожена!.. Спустя нѣсколько дней, Маркизъ, увидѣвъ Бельмона, изъявилъ ему печаль свою и ужасъ. Бельмонъ отвѣчалъ со звѣрскою свирѣпостію. Маркизъ напомнилъ ему о сыновнемъ послушаніи; Бельмонъ неистово началъ упорять его за то, что нѣкогда посаженъ былъ въ крѣпость, и что сѣздалъ въ Америку. „Тогда ты заслужилъ наказаніе — отвѣчалъ Маркизъ; можешь ли такъ долго припасть

(*) Руссо.

ненависть къ отцу своему? — Могу; ибо только великія души умѣютъ ненавидѣть; только тѣсные люди никогда не мирятся; бездѣльники вредятъ, отмщаютъ, но не умѣютъ ненавидѣть (*). Не сами ли вы научили меня симъ правиламъ? Я уже сказалъ прежде, что долгъ пребудетъ отъ меня обходиться съ вами какъ съ *логическимъ* *непріятелемъ*. И такъ увѣдомляю васъ, что вы сдѣлались подозрительнымъ правительству, что скоро объявитъ вамъ повелѣніе удалиться изъ отечества, а можетъ быть еще посадитъ васъ въ тюрьму, и что вы очень умно поступите, если уберетесь отсюда заблаговременно. — „Злодѣй! — вскричалъ Маркизь: сіе предостереженіе значитъ, что ты хочешь донести на меня. Хорошо, отцеубійца! я уѣду.“ — Въ самомъ дѣлѣ несчастной Маркизь поспѣшилъ удалиться, взявъ съ собою очень мало денегъ. Юлія обѣщала ему свою помощь; но могъ ли онъ положиться на копейку? Женщина развращенная, легкомысленная, самолюбивая, заботится только о своихъ любовныхъ слепняхъ и о постыдныхъ удовольствіяхъ.

Юлія, спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ Маркизова отъѣзда, потребовала раз-

(*) Кондор. въ *Жизни Тюрго*.

вода. Она почти каждой день видѣлась съ Бельмономъ, кошорой обѣщался бытъ ея покровителемъ въ сонмищѣ демагоговъ. Юлія часто упрекала его въ звѣрскомъ неистовствѣ. Бельмонъ увѣрялъ ее, что нѣтъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, и сполько тщеславились правилами своими, любовью къ *вольности* и ненавистію ко власти Королевской и Духовенству, что въ безуміи своемъ желалъ бытъ исполнителемъ слѣдующихъ двухъ *славныхъ* стиховъ:

Et les mains auroient les entrailles du prêtre,
Au défaut d'un cordon pour étrangler
les rois.

Когда Юлія, предвидя плачевную судьбу несчастнаго Лудовика XVI, обнаружила страхъ свой, ее заставили молчать, превознося до небесъ убійцу Бруша, и ссылаясь на изреченіе Дидерота: *исполненіе публичной казни надъ Королемъ навсегда переменяетъ духъ націи.* У Философіи, какъ видно изъ этого, на все готовы отвѣты (*). Бельмонъ, при всемъ пламенномъ

(*) Надобно ли напоминать, что во всей этой повѣсти говорится о безумной Философіи Французовъ осмнадцатаго вѣка, а не о той, кошорую Цицеронъ называетъ строительницею городовъ, изобрѣтательницею законовъ, наставницею въ благонравіи и порядкѣ? Tu urbes reperisti; tu dissipatos homines in societatem vitae convocasti. . . Tu inven-

патріотизмъ своемъ, нажилъ множество непріятелей: при началѣ господствованія ужаса, его посадили въ тюрьму, по доносу. Юлія выпросила позволеніе посѣщать его. Бельмона осудили на казнь.

Въ послѣднія минуты жизни онъ не показывалъ ни того спокойнаго упованія на судьбы Божіи, ни той величественной твердости, копорыя наполняютъ душу благочестиваго человѣка; не надежда, но гордость подкрѣпляла его. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ заслужить суетное одобреніе окружающихъ свидѣтелей; вѣрилъ ~~нигилистству~~ ~~нигилизму~~ и признавался друзьямъ своимъ, что безъ сожалѣнія распадется съ жизнью, и что съ совершенною безпечностію вступаешь въ область ужаснаго мрака Тотъ долженъ быть нечувствительнѣйшимъ, безсмысленнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, кто могъ бы искренно произнести слова сіи. Истинная неуспрашимость въ смертной часъ достойна удивленія въ человѣкѣ добродѣтельномъ; въ нечестивомъ же хвасовство есть не что иное, какъ притворство, или безуміе.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, Юлія лишилась свободы. Ее заключили въ томъ самомъ домѣ, гдѣ содержалась добродѣтель-

trix legum, tu magistra morum et disciplinae fuisti. . . Quaest. Tu sc. L. v. — Изд.

ная Графиня Оржимонъ, которой ни благо-
 разуміе, ни примѣрное поведеніе не спасло
 отъ несчастія. Тамъ помѣщены были мно-
 гія особы, которымъ не запрещалось видѣть-
 ся между собою. Юлія завела новыя зна-
 комства, любовныя связи; не забыла преж-
 няго кокетства и веселости, которыми нѣ-
 когда блистала въ обществахъ. Такое без-
 разумное поведеніе подкрѣплялось въ ней
 желаніемъ удивлять всѣхъ своею неустра-
 шимостію. Она видѣла, что многихъ изъ
 товарищей ея вводили подъ гильйотину;
 въ такихъ случаяхъ обыкновенно повсоряла
 по двѣ или по три меланхолическія фразы,
 потомъ опять принимала на себя видъ без-
 печной веселости. Графиня поступала ина-
 че, то есть, какъ прилично во время бѣд-
 ствій общественныхъ; имѣла шу же любез-
 ность, но была скромна и молчалива; не
 одинъ разъ находили ее плачущую. Фило-
 софы торжесшвовали, видя, что *набожная*
 женщина изнемогаетъ подъ бременемъ скор-
 би. Юлія восхищалась, думая, что нако-
 нецъ одержала верхъ надъ шюю, которой
 прежде завидовала. Нѣкогда, будучи на-
 единъ съ Цецилією, она хвасталась непоко-
 лебимымъ своимъ спокойствіемъ, и увѣряла,
 что никогда еще не наслаждалась такимъ
 здоровьемъ, никогда еще не спала такъ
 пріятно. — „Я не понимаю васъ!“ — вздох-
 нувъ, сказала Цецилія. — Великая пере-

мѣна въ лицѣ вашемъ — отвѣчала Юлія — доказываетъ, что вы страдаете; не сомнѣваюсь, что вы очень мало спите. — „Очень мало, и безпокойно“ — Это примѣтно; напрошивъ того я вижу сны прелестные Бѣдная Цецилія! а ваши вѣрно ужасны? — „Ахъ, ужасны! я безпрестанно вижу моего мужа, мапушку, дѣшей; они издалека простирающіе ко мнѣ объятія, зовутъ меня; а я не могу лѣзть къ нимъ“ Юлія остановилась на минушу, не понимая значенія сихъ словъ; потомъ сказала: „И у меня есть дѣши, которыхъ люблю страстно; однакожь Философія велитъ преодолевать бесполезную горестъ. Скажите, Цецилія: почему Религія не предохраняетъ васъ отъ унынія?“ — Религія запрещаетъ роптать и опчаеваться, но дозволяетъ супругѣ и матери проливать утѣшительныя слезы. Если надлежитъ умереть, — съ терпѣніемъ понесу крестъ свой. Но можно ли печаль называть слабостію въ такихъ обстоятельствахъ, когда она и прилична и естественна? Повѣрь, любезная Юлія, не въ нашемъ положеніи, не подъ бременемъ всѣхъ бѣдствій женщина должна щеславиться равнодушіемъ. — „Сіи-то бѣдствія, по моему мнѣнію, знакомятъ съ образомъ смерти, и дѣлаютъ жизнь ненавистною“ — Какъ! мать можетъ ненавидѣть свѣтъ, въ которомъ обитаютъ дѣти ея? . . . Юлія!

признайтесь чистосердечно, что смерть кажется вамъ неспрашною пошому, что вы не смѣете думать о ней. Философы обыкновенно закрываютъ глаза свои, чтобы не видѣть ужасныхъ предметовъ: отъ того они не боятся смерти. — „Это правда; наша система говоритъ, что *совсѣмъ* не должно *ломаться* о смерти *смерть* *ничто*; только образъ ея страшенъ. Не станемъ думать о ней; будемъ жить для настоящаго дня; вставая съ постели будемъ говорить себѣ: какъ бы нынѣшній день провести съ удовольствіемъ (*)!“

Юлія въ точности слѣдовала симъ правиламъ, и веселилась по прежнему; не имѣла ни малаго уваженія къ печальному обилищу жертвъ тиранства. Уже около года жила она съ Графинею въ семъ домѣ. Приближился день, въ которой надлежало имъ явиться въ судилищѣ; онѣ услышали о томъ наканунѣ. Цецилія потчасъ заперлась въ своей комнатѣ. Юлія провела весь день въ галлерей, вмѣстѣ съ прочими арестантами. Ей болѣе всего хотѣлось похвастать твердостью души своей; всѣ смотрѣли на нее, всѣ принимали въ ней участіе, замѣчали слова ея. Она почитала себя героинею; думала, что представляетъ лице величественное, рѣдкое. Наконецъ,

(*) Вольтеръ.

въ полночь надлежало разлучиться съ обществомъ; Юлія ощутила ужасъ, котораго скрыть была не въ силахъ; ей казалось, что вся вселенная разрушается. Мнимая бодрость совершенно оставила Юлію, когда она вошла въ свою комнату. . . — Теперь она одна съ своею собѣстїю, терзаемою воспоминанїями о постыдныхъ дѣлахъ; смерть явилась ея воображенію въ грозномъ видѣ! . . . — Юлія сѣла на кресла, и поставивъ свѣчу на столъ, сказала: „И такъ, всему конецъ! завтра повлекутъ меня предъ сонмище убійцъ, а отсюда на мѣсто казни! . . .“ Она затрепетала; желая удалить ужасную мысль, въ смятенїи поднялась, спустила нѣсколько шаговъ, остановилась передъ ящикомъ съ цвѣтами; взглянувъ на распустившуюся розу сказала: *она переживетъ меня!* . . . и опорошилась; потомъ бросилась въ кресла, и начала медленно раздѣваться; вынувъ часы, завела ихъ безъ всякаго намѣренїя. „Къ чему это? — сказала она, содрогнувшись: время для меня окончилось! прежде нежели эта снѣлка совершитъ обыкновенное свое печеніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ! . . .“ При сихъ словахъ волосы поднялись на головѣ ея; смертный хладъ разлился по ея жиламъ . . . она хотѣла писать, для разсѣянїя ужасныхъ мыслей; но трепещущая рука не повиновалась ея волѣ . . . голова ея склонилась на кресла. Окинувъ

вокругъ себя мрачной взоръ, Юлія вскричала: „Всѣмъ оставлена! Но кому бытъ при мнѣ? на чье сердце могу положиться? Въ короткое продолженіе своего бытія на свѣтѣ, я пользовалась ничтожными похвалами; но наслаждалась ли счастьемъ истинной любви въ послѣднія пятнадцать лѣтъ? . . . Кто оплачетъ меня? Что я приобрѣла, удовлетворяя склонности свои? . . .“ За сими печальными разсужденіями слѣдовали другія, которыя тѣмъ были разительнѣе для Юліи, что она прежде не знала ихъ; мысли о благочестіи сдѣлали ея положеніе еще ужаснѣе. Почти въ безпамятствѣ отъ страха, Юлія ощутила непреодолимѣе желаніе провести остатокъ ночи вмѣстѣ съ Цецилією, хотя уже нѣсколько мѣсяцовъ сряду чуждалась ее, и сколько шутила надъ ея набожносцію, которую называла печальнымъ малодушіемъ. Юлія, зная, что Цецилія проводила время въ молитвѣ, рѣшилась идти къ ней, и лучше хотѣла слушать упреки, даже поученія, нежели оставаться у себя въ комнатѣ. И такъ пошла; отворивъ дверь, увидѣла Цецилію стоящую на колѣняхъ. Графиня услышала за собою шумъ, оглянулась, встала и встрѣтила Юлію съ распростертыми объятіями. Цецилія не плакала; приготовясь ко всему, была подкрѣпляема силою свыше. На Юлію дѣйствовали только внѣшніе предметы: напротивъ того Цеци-

Юлія обыкновенно въ душѣ своей находила источникъ печали, радости, удовольствій; не ужасъ занималъ ее, но мысль о разлукѣ съ милыми сердцу. Чего ей спрaшиться? Воспоминаніе о прошедшемъ утѣшало ее и подкрѣпляло; она простирала къ небу чистыя свои руки. Воображеніе, сей лучъ безсмертія, сія божественная способность, тогда только можетъ возноситься до сладостнаго энтузіазма, когда ясный свѣтъ его не помраченъ пятнами преступленія: это священный огонь погашаемый нечистымъ дуновеніемъ порока. Цецилія берегала его, и въ сіи ужасныя минуты предварительно наслаждалась блаженствомъ; она не видѣла окружающихъ предметовъ — невечерній свѣтъ безсмертія веселилъ ея взоры. . . . Въ сію мрачную ночь страшный звонъ часового колокола не коснулся ея слуха; она внимала доброгласному пѣнію Ангеловъ; — но небесная гармонія не мѣшала ей слышать стоны несчастія Печаль Юліи рождалась отъ ужаса, или отъ самолюбія, слѣдственно была мучительна, несносна, ибо происекала изъ нечистаго источника. Юлія говорила себѣ: „кто пожалѣетъ о мнѣ?“ Цецилія восклицала: „кто утѣшитъ любимыхъ мною?“ Печаль сей послѣдней, происходя отъ благороднаго начала, подобно несчастной добродѣтели, сама въ себѣ находила утѣшеніе.

Юлія въ объятіяхъ Цециліи ощутила нѣкоторое облегченіе. — „Я вамъ помѣшала молиться . . .“ — Дѣлишь съ печальнымъ горестъ его значить тоже, что бесѣдовать съ Богомъ. — „Великодушная Цецилія!“ — вскричала Маркиза, и рыданіе остановило слова ея. Цецилія прижала ее къ своему сердцу. Юлія, упавъ на колѣна, вскричала: „Ангелъ небесный! опусти мнѣ пресшупленія; ты можешь сдѣлать это! . . . избавь меня отъ несносныхъ грызеній . . . Въ семъ обиталищѣ ужаса, не имѣю никакихъ пособій Религіи; кто примиритъ меня съ Небомъ, если ты отвергнешь мою прозвбу?“ — Успокойся, Юлія! пади предъ оскорбленнымъ Творцемъ; раскайся — и получишь опущеніе въ грѣхахъ своихъ. Я менѣе угодила Богу, нежели ты думаешь. Великодушной супругъ охранялъ мою непорочность; еслибъ я, вопреки мудрымъ совѣтамъ его, соврашила съ пути добродѣтели, тогда была бы презрѣннѣйшею изъ всѣхъ шварей . . . Я ничего не могу сказать Верховному Судіи въ послѣдній день, кромѣ что, живучи на свѣтѣ, была ечасплива, и старалась быть ечаспливою; другихъ заслугъ не имѣю.

Юлія молчала и плакала. Спустя нѣсколько минутъ; объявила Цециліи, что хочетъ молиться вмѣстѣ съ нею. Цецилія;

подавая книгу сказала: „Читайте; уже годъ ежедневно повторяя одно и то же, я выучила наизусть.“ — Это были молитвы на исходъ души изъ тѣла. Юлія задремала; книга выпала изъ рукъ ея. „Не могу читать — сказала она; поспридишесь, любезная Цецилія! я стану слушать.“ Цецилія ровнымъ, прогашельнымъ голосомъ начала читать сіи плачевныя молитвы. Холодной потъ выступилъ на лицѣ Юліи; она ощущала весь ужасъ мучительной смерти, и удивлялась, видя ясное спокойствіе на лицѣ Графини. Моленіе продолжалось два часа. Юлія, вдругъ поблѣднѣвъ, сказала слабымъ голосомъ: „разсвѣщаетъ! . . .“ — Ободримся — отвѣчала Цецилія: мы Христіянки, — умремъ великодушно! — Она помогла Юліи подняться, посадила ее на кресла, заставила подкрѣпиться виномъ, и сама нѣсколько выпила; поправила головной уборъ на Юліи, вынула изъ ящика два покрывала, одно для нее, другое для себя; потомъ положила въ карманъ связку съ драгоценными вещами и съ письмами къ матери, мужу и дѣтямъ, надѣясь все сіе сдать въ вѣрныя руки для доставленія. Сдѣлавши это, сѣла подлѣ Юліи, взяла дрожащую руку ея, и опять начала громко читать. Спустя часъ, услышали стукъ въ корридоръ. Юлія оцѣпенѣла; Цецилія въ замѣшательствѣ пожала руку ея, и замолчала. . .

Нѣкто подоидишь кѣ двери, отворяетъ; это была женщина, которая служила арестаншамъ. Она обливалась слезами . . . „Что скажешь?“ робко спросила Цецилія. Женщина отпѣчала, что сказать ей не чего, но что оплакиваетъ своего отца, котораго повели въ судъ. . . . Юлія, грубо перебивъ рѣчь ея, велѣла выдти вонъ. „Нѣтъ, — сказала Цецилія — пусть останешся; прольемъ еще нѣсколько слезъ состраданія! . . .“ — Она обняла бѣдную женщину, и продолжала: „Я думала о тебѣ, Маріанна; вчера на досугѣ отложила для тебя двѣ робы, и нѣсколько плашьева для дѣшей твоихъ. Возми эту связку . . .“ — Въ сію минушу раздался страшный вопль въ домѣ. — „О Боже! — вскричала Юлія — убиваютъ арестантовъ! . . .“ — и упала въ обморокъ. Когда Юлія, по старанію Графини, опаматовалась, пришли сказать имъ, что Робеспьеръ взятъ подъ стражу. Цецилія падаетъ на колѣни; Юлія бросается въ ея объятія, потомъ бѣжитъ въ залу раздѣлить со всѣми радость, которую изъявляла громкими восклицаніями.

Черезъ два мѣсяца Цецилія и Юлія получили свободу. Первая, распорядивъ дѣла свои, немедленно отправилась въ Франшъ-Конте; Юлія жила въ Парижѣ. Многіе думали, что отъ великаго богатства ея до-

вольно еще осталось; она сама думала то же. Люди развращенных нравов обыкновенно бывающъ легкомысленны; они вдаются въ шалости единственно по недоспащку разсудительности; головы всѣхъ порочныхъ женщинъ набины вздоромъ и поверхностнымъ знаніемъ. Юлія — хощя ей было уже тридцать четыре года — скоро забыла страхъ свой и раскаяніе; обычаи тогдашняго времени возбуждали омерзѣніе во всякомъ благомыслящемъ челоѣкѣ; но Юлія примѣнилась къ нимъ. Развращеніе опять познакомило ее со всѣми ненавистными правилами. Юлія влюбилась въ одного плута, которой старался только ее обманывать; вспомнила, что написано въ *философическихъ* книгахъ о разводѣ, и вышла за мужъ за своего любовника. Между тѣмъ какъ Юлія симъ безразсуднымъ поступкомъ оканчивала исторію своихъ шалостей, Маркизъ спранствовалъ внѣ отечества. Перемѣнивъ имя, онъ записался въ непріятельское войско, и служилъ двѣ кампаніи; но видя, что военное ремесло очень тягостно, а особливо для того, кто сражается безъ цѣли и безъ надежды, выпросилъ себѣ увольненіе. Ему случилось поѣспрѣчатъ съ Графомъ Оржимономъ, которой, принявшись за торговые обороты, отправлялъ дѣла свои съ успѣхомъ. Графъ обрадовался свиданію съ несчастнымъ своимъ другомъ. Оба они жили въ одномъ Нѣмец-

комъ городѣ до тѣхъ поръ, пока царствова-
ли ужасы въ ихъ отечествѣ. Потомъ пере-
ѣхали поближе къ Франціи съ тѣмъ, чтобъ,
дождавшись пропускныхъ видовъ, возвра-
тятся на родину. Цецилія неутомимо спаралась
объ исходатайствованіи дозволенія, которое
и получила по прошествіи года. Графъ Ор-
жимонъ нашелъ дѣла свои въ хорошемъ по-
рядкѣ, нашелъ супругу вѣрную, чувстви-
тельную, съ добрымъ именемъ. Цецилія воз-
вратила ему дѣшей, любезныхъ, почпи-
тельныхъ, благодарныхъ, послушныхъ, вос-
питанныхъ по стариннымъ правиламъ. Вели-
кодушная Цецилія сберегла и для Маркиза
малой участокъ земли, которой по крайней
мѣрѣ могъ доставить ему пропитаніе; къ
нему привели дѣшей, испорченныхъ пагуб-
ными примѣрами, Маркизъ зналъ, что Юлія
передъ тѣмъ за полтора года сочелась
съ другимъ мужемъ, что лишилась всего
имѣнія, и что страдала отъ чахотки; но-
вой мужъ развелся съ нею, и женился на
богатой вдовѣ одного случайнаго щастливца.
Маркизъ, движимый состраданіемъ къ мате-
ри дѣшей своихъ, къ женщинѣ, которую
нѣкогда любилъ страстно, и вовлекъ въ раз-
вращеніе, пошелъ къ ней съ тѣмъ, чтобъ
предложить ей свою помощь и уголокъ зем-
ли. Онъ запрепещалъ, увидѣвъ Юлію, преж-
де пышную, нынѣ скрывающуюся въ бѣдной
хижинѣ, — Юлію безъ друзей, безъ покро-

вишелей, забытую свѣтомъ, всѣми презираемую, блѣдную, обезображенную, окруженную ужасами смерти!... Маркизъ хотѣлъ ободрить, подкрѣпить ее благороднымъ уча-
стїемъ. — „Теперь уже не время — опвѣ-
чала Юлія: все для меня окончилось! Ваши
чувствованія прогаюшъ меня; но намъ не
возможно быть вмѣстѣ, хотя бы здоровье мое
и поправилось. Вѣчная вражда раздѣляетъ
насъ: я помрачила вашу честь, — вы по-
губили меня; я должна жаловаться на васъ
за свои пресшупленія, — вы должны уко-
рять меня своими несчастїями, своимъ поно-
шенїемъ Не мѣшайте мнѣ умереть;
удалитесь; не вашей рукѣ надлежитъ за-
крыть глаза мои. — Можеть быть, въ
ужасахъ мучительной смерти, я спала бы
проклинаю своего развратителя! Опыты
и несчастїе пусть послужатъ для васъ на-
сравленїемъ! опрехитесь гнусныхъ правилъ,
которыя вовлекли насъ въ пропасть. . . .
Если сыновья ваши вступятъ въ бракъ съ
супругами, воспитанными въ благочестїи,
спарайтесь подкрѣпить сихъ послѣднихъ въ
спасительной Религїи; не забывайте, что
мать только начинаеть воспитанїе дочери,
а мужъ или оканчиваетъ оное, или уни-
чтожаетъ начатое, — и что безумнѣе всѣхъ
тошъ, кто возвращаетъ спутницу жизни
своей и мать дѣтей своихъ!

(Жанлисъ.)

II.

С Ц Е Н А

*Изъ Эсхиловой Трагедіи, называемой:
Седмь вождей подъ Оивами.*

(Трупы несчастныхъ братьевъ, *Поллики* и *Этеокла*, убитыхъ другъ другомъ на поединкѣ, выносятся на сцену. — Хоръ *Оиванъ* и двѣ сестры, *Антигона* и *Исмена*, сопровождаютъ сіи жертвы честолюбія и взаимной ненависти. Хоръ раздѣляется на двѣ части, и поетъ попеременно:)

Первой хоръ.

О родъ неистовой! — о братья ослѣпленны!
Несчастливы бѣги природы и друзей! —
Несытыя сердца! еще ль не насыщены? —
О боги! — царскій тронъ сталъ гробомъ
для царей!

Другой хоръ.

Проснитесь злобные, откройте ваши взоры:
Опечества опцы, не вы ль его подпоры? —
Осмѣльтесь дать отвѣтъ на вопли бѣд-
ныхъ чадъ:

Почто вы предали опечесткой вашъ градъ? —
Почто страдаемъ мы? почто въ ожесточенъ

Вы привлекли на домъ Эдиповъ разрушенъ? —

Первой хоръ.

Желѣзо лишь одно могло васъ помирить!
Единый мечъ возмогъ родныхъ соединить! —

О жертвы бѣдныя усилій безполезныхъ!
Вы не жили для чувствъ согласія любезныхъ;
Вамъ неназиснь — вождемъ, вамъ смерть
была судьей:
Проклятіе отца свершилось вмѣстѣ съ ней.

Другой хоръ,

Воззрите! кровь течетъ, — какъ раны ихъ
глубоки! —

Первой хоръ.

До сердца самаго проникнулъ мечъ широкій! —

Другой хоръ.

Ихъ лица въ яроспи, и взоры ихъ грозятъ!

Первой хоръ.

И шрупы, кажется, бытъ вмѣстѣ не хотятъ!

Другой хоръ,

Съ какой сверѣпостью другъ друга поразили!
Я слышалъ вопли ихъ —

Первой хоръ.

Мечи судьбу рѣшили, —

И гибель навела грозу на царской домъ! —

Надъ ними въ облакъ носилось громовомъ

Проклятіе отца; мечами управляло,

И въ крикахъ яросныхъ ко мщенью вос-
паляло.

Другой хоръ.

Бойницы мракъ одѣлъ; уныніе въ поляхъ;

Какъ шѣнь, сжимается безмолвна Скорбь въ
стѣнахъ!

Осиротѣвшій градъ! — твоимъ владыки мертвы!
Осиротѣвшій городъ! — тобой несчастныя
жертвы! —

Чужой десницы ждетъ сей скипетръ роковой,
Виноватой при, вина ихъ смерти злой.

Они царства, они богатствъ, коихъ рыцарями
плѣнялись,

Спрадали завистью, и кровные — сражались!

Имъ не осталось ни уголка земли,

Гдѣбъ трупы ихъ сыскать покой себѣ могли!

Первой хоръ.

Судьба имъ равное возмездіе послала;

Ахъ! подданныхъ любовь иного имъ желала! . . .

Другой хоръ.

Мечъ ярой совершилъ рѣшеніе боговъ!

Первой хоръ.

Онъ имъ отверзъ врата родительскихъ
гробовъ!

Другой хоръ.

Вѣщайте: что начашъ? — шворить ли по-
гребень?

Или сражать враговъ? — Печальное сомнѣніе

Объяло души всѣхъ. — Спрахъ бродить по
слѣдамъ;

Не смѣемъ вознесшимъ съ мольбою къ небо-
самъ! . . .

О граждане! — кому сіи надгробныя чести? —

Тѣмъ, кои, устремясь съ громами адской мести,

И чуждые полки ведя передъ собой,
Въ отечество внесли пожары брани злой!...

Первой хоръ.

Злосчастнѣйшая мать, гонимая судьбами,

Супруга сыну своему! —

Твоя текла въ нихъ кровь, — пишала ихъ

врагами

Родителямъ, себѣ и племени всему! —

Другой хоръ.

Одноушробные — природѣ не внимали:

Васъ Фуріи въ позоръ природѣ воспишали,

Въ позоръ народовъ и бѣковъ!

Та кровь нечистая, которая напрасно

Въ объятія брашніа влекла васъ повсечасно —

Та кровь, по промыслу боговъ,

Мечами вашими своей доспигла доли,

Смѣшалася, слилась прошиву вашей воли! —

Первой хоръ.

Земли ужасной даръ,

Свирѣпый разрушитель —

Желѣзо, спутникъ сваръ,

И Марсѣ, несытый мспитель,

Наслѣдство адское дѣлили по частямъ,

Которое отецъ опредѣлилъ сынамъ! —

Другой хоръ.

Судьбы фіалъ свой изліяли

На буйственнѣхъ главахъ. —

Слѣпые! — царствъ, богатствъ алкали,

И царство обрѣли Коцига на берегахъ.

Первой хоръ.

Во мракъ пучь, съ утеса скаль,
Съ улыбкой радости Эмениды суровы
Считали каждой мигъ. — Ударъ послѣдній
палъ! —

Знамена мщенія раскинулись багровы,
Съ бойницъ ударилъ плескъ глухой, —
И стонетъ похороненный вой! —

Другой хоръ.

На высотѣ холма, предъ градскими вратами
Немезисъ грозная склонясь,
Езирала хладными на страшный бой очами!
Въ ея десницѣ смертный часъ! —
Она ихъ видѣла позоръ и злодѣянье,
Она ихъ видишь наказанье, —
Довольна жертвою — паритъ —
И въ слѣдъ за ней подземный громъ гремитъ!

А н ш и г о н а.

Полиникъ!

И с м е н а.

Эшеокль!

А н ш и г о н а.

Несчастное сраженье!
О зависть вредная! о ночи порожденье! —

И с м е н а.

И поражали вдругъ, и вдругъ поражены! —

А н ш и г о н а.

Надежды наши всѣ навѣкъ погребены!

И с м е н а.

При насъ, въ очахъ сестеръ, мечи ихъ за-
блистали!

А н ш и г о н а.

Возстала кровь на кровь!

И с м е н а.

Противу брата брата!

А н ш и г о н а.

Увы! несчастные въ одно мгновенье пали,
Лишивъ послѣднихъ насъ опрадъ!

И с м е н а (*къ сестрѣ своей*).

Судбою рождены въ единой мы печали!

А н ш и г о н а (*обънявъ сестру*).

Несчастія съ тобой навѣки насъ связали! —
Но гдѣ могила ихъ?

И с м е н а.

Гдѣ, отрасли Царей,
Воспримете отъ насъ послѣдній даръ чести?

Х о р ъ.

Куда мы понесемъ ихъ трупы обагрены? —

А н ш и г о н а.

Въ гробницу праотцевъ.

И с м е н а.

Царей остатки тлѣны;
И ты, Эдипъ! прими несчастнѣйшихъ сы-
новъ!

Х о р ъ.

Ахъ! если бѣ съ жертвой сей умолкнулъ
гнѣвъ боговъ!

А. Мрзлякъ.

III.

О числѣ больныхъ, и объ операціяхъ,
сдѣланныхъ въ Голлицынской публич-
ной Больницѣ съ продолженіемъ 1805
года.

Для засвидѣтельствованія знаній, искусства
и дѣятельности Г-дъ Медицинскихъ
Чиновниковъ Голлицынской публичной Боль-
ницы, и для увѣренія благомыслящихъ Чи-
тателей въ успѣхахъ врачебной помощи, со-
общается любопытное извѣстіе объ услу-
гахъ, оказанныхъ спржадущему человѣчеству
при благодѣшельной гробницѣ незабвеннаго
Голлицына.

Изъ вѣдомости, доставленной къ Изда-
телю Вѣстника Европы, видно, что 1 Ян-
варя 1805 года въ Голлицынской публичной
Больницѣ соснояло больныхъ обоаго пола 80;
въ теченіе года принято было спржадущихъ
разными болѣзнями, большею часію хрониче-
скими, 800, изъ числа которыхъ выбыло
по выздоровленіи 733, выписано по совер-
шенной неспособности къ излѣченію 12,
умерло 38; къ 1 Января нынѣшняго года
на лицо оставалось 97 человекъ.

Приходящихъ для Электризаціи и Галь-
ванизации больныхъ 1 Января 1805 года
было 35; въ теченіе года принято 71;

вылѣчено 73; къ 1 Января нынѣшняго года оставалось на лицо 33. Получившіе излѣченіе посредствомъ *Электризаціи и Гальванизаціи*, одержимы были слѣдующими недугами: тускомъ въ глазахъ, темною водою, глухою, сведеніемъ рукъ и ногъ, слабостію въ рукахъ, параличемъ, недержаніемъ мочи, ломою, шрясеніемъ всего тѣла.

Операции, охотно принятыя больными, и благополучно сдѣланныя Г - мѣ Докторомъ и Операторомъ Мухинымъ:

Вынуто шесть опломковъ проломленнаго лба, вонзенныхъ въ мозгъ и вдавленныхъ. — Снятъ мясной застѣнъ (pterygium), покрывавшій весь шаръ глазной. — Срѣзана кожа съ обѣихъ векъ, имѣвшихъ внутрь ввернувшіяся ресницы. — Вырѣзаны нижнія у шрехъ, а у двухъ верхнія губы, ракомъ пораженныя. — Сшиты (futur. clavat.) разорванныя медвѣдемъ губы и верхняя нижняя, и носъ. — Подвинута кость въ желудокъ, остановившаяся въ пищепріемномъ каналѣ, шремъ челоуѣкамъ. — Вырвано четыре корня зубныхъ, и восемь зубовъ. — Подрѣзанъ языкъ, къ низу приросшій, четыремъ младенцамъ. — Вырѣзаны: у одного мѣшечная (atheroma) опухоль въ наружномъ углу праваго глаза, прижимавшая оный; у другаго на груди, имѣвшая положеніе свое на переднихъ концахъ верхнихъ пяши реберъ подъ грудными

мышцами, въ коей, вмѣсто зада мѣшка, были концы верхнихъ пяти реберъ, и передней конецъ ключицы, пораженные костоюдою; *третьему* вырѣзана мѣшечная опухоль величиною въ куриное яйцо, имѣвшая хрящевидную сумочку на ладонѣ; *четвертому* вскрыта опухоль же величиною съ гусиное яйцо у 14-лѣшняго мальчика, и излѣчена безъ выняшїя мѣшка ея; *пятому* на верхушкѣ головы; *шестому* съ переди уха, сумочку хрящевидную имѣвшая; *седьмому* таковая же (hygroma) на боку груди, величиною въ гусиное яйцо; *восьмому* вырѣзана (enucleat.) величиною въ большой грецкой орѣхъ, имѣвшая члевчатную сумочку, и внутренность подобную розмазнѣ. — Вынутъ камень изъ мочеиспускательнаго канала чрезъ разрѣзъ (urethrotomia) *одному*; *другому* также чрезъ разрѣзъ, величиною въ большую фисташковую косточку, оспановившійся въ мочеиспускательномъ стволѣ у 5-лѣшняго младенца; а *третьему* у 10-лѣшней дѣвочки, находившійся два года въ ухѣ, и причинявшій совершенную глухоту. — Выпущена вода (hydrocel.) изъ мѣшка чрезъ разрѣзъ (operat. radical.) онаго двумъ человекамъ; а одному вырѣзано правое ядро (castratio). — Двадцать три раза вкладываемъ былъ мочеиспускатель въ мочевой пузырь (catheterismus) для разныхъ причинъ. — Сдѣланъ вдольной разрѣзъ крайней плоти (preputium) двумъ человекамъ. —

Вправлена совершенно вывихнувшая плечная кость изъ сочлененія съ лопаткою. — Вправлена раменная кость въ шеѣ, вкось переломленная, по оппленіи оспраго конца длиною въ два дюйма, вышедшаго чрезъ рану, находившуюся между концомъ грудной большой и двуглавой мышекъ. — Опняты у одного девять першовъ у рукъ, пораженные аншоновымъ огнемъ опъ ознобленія; у двоихъ указательные пальцы, костоѣдою пораженные въ сочлененіи. Также опнятъ (ампутатіо) указательной палецъ, окруженный мѣшечною опухолью, имѣвшею большую часть мѣшка костьяную, а прочую сухожильную, наполненную разнообразными жидкостями и органическими частями. — Срѣзанъ ноготь съ указательнаго перста *одному*, а *другому* съ большаго перста ноги, костоѣдою (*caries*) зараженные. — Сшита рана, сдѣланная стекломъ напереді по перерѣзаніи прямой сухой жилы подколѣнника и сумочной связки колѣна; вынутъ нарочитой величины кусокъ стекла изъ сочлененія. — Вправлены переломленные вкось на нижнемъ концѣ берцовая кость и дудка шремъ человекамъ. — Опняты спупени обѣихъ ногъ до плюсна (*tarfus*), аншоновымъ огнемъ пораженные опъ ознобленія (*pernid.*). — Сдѣлано высверленіе (*terapia exfoliativa*) нижней поверхности пяшочной кости (*calcaneum*).

Г - мѣ Штабѣ Лѣкаремѣ Генделіусомѣ.

Срѣзанъ мясной наростъ на верхней части шара глазаго. — Вырѣзанъ ракъ на нижней губѣ рта. — Отняты (ампутатіо) голѣни обѣихъ ногъ ниже колѣна. — Учищено высверленіе (перфоратіо exfoliativa) костюбды на берцовою костью. — Отняты два пальца ножные.

Г - мѣ Штабѣ - Лѣкаремѣ Давыдовымѣ.

Сдѣлано сшитіе (futura sciencia) головныхъ покрововъ, разрубленныхъ отъ лба до задней части. — Разрѣзаны обѣ ноздри, срощіяся совершенно послѣ оспы. — Вынута отдѣлившаяся часть верхней челюсти чрезъ разрѣзъ костюбдою зараженная. — Вынута отдѣлившаяся часть верхней челюсти чрезъ разрѣзъ, костюбдою зараженная. — Вынута изъ начала пищепріемнаго канала рыба кость. — Вырвано десять зубовъ, гнилью зараженныхъ. — Отнятъ мизинецъ у руки, аншоновымъ огнемъ пораженный. — Отнята нога (ампутатіо) ниже колѣна.

Г - мѣ Штабѣ - Лѣкаремѣ Крыловымѣ.

Вырѣзанъ ракъ, одинъ у взрослога, а другой у годишнаго младенца, положеніе свое имѣвшіе на нижней губѣ. — Подрѣзанъ языкъ у младенца, къ низу приросшій. — Вырвано коренныхъ семь зубовъ, гнилью зараженныхъ. — Обнажена часть грудной костью

(*ſternum*), кошоѣдою зараженная. — Сдѣланъ вдольной разрѣзъ крайней плоти (*preputium*) шремъ челоуѣкамъ. — Сдѣлано обрѣзаніе (*circumſiſio*) крайней плоти, кошо-рая задерживала испражненіе мочи. — Вкладываемъ былъ пробовашельный мочеиспуска-шель (*catheteriſmus*) пятьнадцать разъ, различнаго возраста людуамъ для разныхъ на-добноостей. — Сдѣланы заволоки двумъ челоуѣкамъ сквозь мѣшечныя пасочныя опухоли, имѣвшія положеніе на срединѣ спины. — Опнятъ весь шуляшникъ (*ſcrotum*), пора-женный аншоновымъ огнемъ (*gangraena*), и учинено нарощеніе новой кожи. — Опнята (*amputatio ſiſca*) нога до половины берца, послѣ раздробленія мѣльничнымъ колесомъ, и совершеннаго пораженія аншоновымъ огнемъ (*gangraena*). Опняты обѣ ноги до плюсны, аншоновымъ огнемъ пораженныя послѣ ознобленія (*regniv.*). — Опняты два ножные большіе, и два ручные пальца въ сочлене-ніи (*extirpatio*), пораженные аншоновымъ огнемъ, у шрехъ челоуѣкъ. — Сдѣлано 19 ис-кусшвенныхъ ранъ (*fonticulus*) на разныхъ часняхъ шѣла. — Вскрыто четыре нарыва.

IV.

С м ѣ с ь.

Съ нѣкошораго времени въ Виленскомъ Журналѣ, сочиняемомъ на Польскомъ языкѣ, появляющіяся статьи, относящіяся до Русской Словесности. Издатели, какъ видно, переводящъ съ Нѣмецкаго, и именно изъ *Russische Miscellen*. Не знаемъ, кому приписывать множество ошибокъ, встрѣчающихся въ помѣщенныхъ двухъ пѣсахъ: *О Пантеонѣ Россійскихъ Писателей*, а особливо въ *Историческихъ воспоминаніяхъ Г-на Карамзина на пути къ Троицѣ*. — Благодаримъ Господъ Издателей Виленскаго Журнала за благосклонное вниманіе къ Русской Словесности; но просимъ ихъ переводить наши пѣсы или съ подлинниковъ, или съ вѣрныхъ переводовъ. Петръ Буслаевъ, бывшій діакономъ при Успенскомъ Соборѣ, по смерти жены своей оставилъ духовное званіе, и жилъ бѣльцомъ; а по переводу Польскому, Буслаевъ послѣ діаконства былъ монахомъ при Кафедральномъ Московскомъ Соборѣ. Изъ бѣльца Господа Переводчики сдѣлали гернеца!! Въ *Воспоминаніяхъ на пути къ Троицѣ* много, и между прочимъ самое любопытнѣйшее, пропущено. Нѣкопорыя мѣста, по благоизволенію великодушныхъ Переводчиковъ, поправлены и дополнены. Такъ, на примѣръ, въ подлинникѣ стоить: . . . „село Алек-

сѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, которой пригото-вилъ Россію къ величію и славѣ;“ Госпо-да Переводчики подумали, что шутъ че-го - то недоспаешъ; смекнули, и написа-ли: „Алексѣевскъ, напоминающій Царя Алексѣя Михайловича, отца Петра Вели-каго, которой первый приготовилъ величіе и славу Россіи, до которой она потомъ воз-неслась.“ Въ подлинникѣ: „Тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи.“ Въ переводѣ: „Тогда думали болѣе о сораз-мѣрности, нежели о внѣшнемъ украшеніи.“ За-боръ превратился въ густой лѣсъ; Царица Наталія Кириловна явилась Царевною, и проч.

Напрошивъ того Лирическое стихотво-реніе Гѣнъ Кукова на островѣ Овзи - ги, на-печатанное на Нѣмецкомъ языкѣ въ Журна-лѣ Constantinopel und Peterzburg, переведено поч-но и близко къ подлиннику. Но и шутъ не безъ бѣды: Господину Переводчику, или Из-дателю, вздумалось приложить замѣчанія, въ которыхъ между прочимъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что Авторъ піесы (Г. Мерзляковъ) находился на одномъ изъ фрегатовъ, окружившихъ земной шаръ, и что стихи присланы въ Петербургъ изъ Камчатки !! — Стихи написаны въ Петер-бургѣ. Г. Авторъ не ѣздилъ и не думалъ

ѣздишь въ Японію; но занимался своею должно-
стію при здѣшнемъ Университетѣ. — Кажет-
ся Г-ну Переводчику, или Издашелю, надлежало
бы прежде самому повѣрнѣе освѣдомиться о
томъ, о чемъ хочешь другихъ увѣдомить.
Это весьма не мудро было ему сдѣлать,
живучи въ Петербургѣ.

✱

„Одинъ изъ нашихъ товарищей за сто-
ломъ — пишетъ Г. Мургардъ въ своемъ
Изображеніи Константинополя — рассказы-
валъ, что онъ лично зналъ Лорда Нельсо-
на. Этотъ товарищъ думаетъ, что едва ли
Французская нація когда-нибудь можетъ
имѣть столь непримиримаго непріятеля, ка-
ковъ Герой Абукирскій. Онъ ненавидитъ да-
же языкъ Французскій; никогда Француз-
ское слово не выходитъ изъ устъ его; ни-
когда онъ не читаетъ книгъ Французскихъ,
хотя, безъ сомнѣнія, въ молодости и учил-
ся сему языку.“ — Что теперь сказалъ бы
Нельсонъ, еслибъ услышалъ, какъ Бонапар-
те ужасное, почти безпримѣрное пора-
женіе Французско - Испанскаго флота при
Трафальгарѣ описалъ въ собраніи своихъ Се-
напоровъ: *Les tempêtes nous ont fait perdre
quelques vaisseaux après un combat imprudem-
ment engagé; мы потеряли нѣсколько ко-
раблей отъ бурь въ сраженіи, которое нача-
ди по неосторожности!!*

✱

Извѣстно, что въ Англіи есть прекра-
сныя обществѣнные заведенія для раненыхъ,
увѣчныхъ и отставныхъ морскихъ служише-
лей. Не смотря на то, Англичане при вся-
комъ случаѣ изъясляютъ живѣйшее участіе
въ судьбѣ своихъ мореходцевъ. Вотъ пропор-
ція возрастающей благодѣшельности и ще-
дрости: Послѣ побѣды при Кессанѣ (1 Іюля
1794) для вдовъ и дѣшей убитыхъ 284
человѣкъ собрано 10,000 фунт. стерл. —
Послѣ побѣды при мысѣ Винценцо (14 Фе-
враля 1797), для убитыхъ 73 и раненыхъ
222, собрано 22,000 фунт. ст. — Послѣ
Дункановой побѣды надъ Голландцами, при
Эгмонтѣ — 26000 ф. с. — Послѣ Нельсо-
новой побѣды при Абукирѣ (Августа 1798)
для 218 убитыхъ и 677 раненыхъ собрано
30,000 ф. с. Наконецъ, послѣ великой побѣ-
ды при Трафальгарѣ (2 Октября 1805),
для убитыхъ 423 и раненыхъ 1,164, собра-
но 104,000 фунтовъ стерлинговъ. —

V.

Письмо къ Издателю.

Мнѣ пріятно было узнать черезъ Журналъ
вашъ, что и въ другихъ частяхъ Евро-
пы сдѣлался уже извѣстенъ безчестный
поступокъ тѣхъ типографчиковъ, которые

лишили меня собственности, и что такая пошная известность мститъ за меня дерзкимъ корыстолобцамъ. Можетъ быть я не одобрилъ бы въ себѣ этого движенія, если бы не чувствовалъ ежедневно, какъ дорого стоить моимъ слабымъ глазамъ и слабому здоровью трудъ кабинетный (*), и если бы не видалъ въ то же время, что фабриканты поддѣланнаго изданія, — нечувствительные къ стыду — не перестаютъ до нынѣ выручать деньги за краденый поваръ. Достойно удивленія, что въ самое то время, когда Публика извѣщена о семъ обманѣ, и когда открыта подписка на второе изданіе *Картины Европы*, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ публикуется о продажѣ *перваго изданія*, которое уже давно вышло бы, если бы на мѣ-

(*) Между шѣмъ, дерзкіе корыстолобцы шучатъ, и пользуются самымъ лучшимъ зрѣніемъ. . . . Люди честные, незамаранные, имѣли бы право и *должны* бы потребовать у Журналистовъ объясненія, кого они разумѣютъ подъ именемъ *дерзкихъ корыстолобцовъ и хищниковъ*? Всѣ знаютъ, о комъ говорится, кто обокраденъ, кто обокралъ, у кого печатана и *перепечатана* книга; — и при всемъ томъ должно молчать, и перибить поношеніе! Таковы слѣдствія бездѣльничества! — *Счастливы они*, если не чувствуютъ всего своего *несчастья*! —

Изд.

сто его не было выпущено подложнаго (*). Непрiятно для хозяина видѣшь себя окраденнымъ; но еще непрiятнѣе для Арписша видѣшь въ обращенiи собственныя произведенiя чужими руками обезображенныя, и подъ его именемъ подносимыя Публикѣ. Если всего благороднѣе жишь трудами полезными обществу, то всего справедливѣе въ такомъ случаѣ и приносить жалобы сему обществу, которое можетъ обратишь въ ничто расчетъ не позволенной корысти. Не думаю, чтобы дешевая цѣна, за которую могутъ отдавать поддѣланное изданiе *Картины Европы*, польстила Публикѣ. И такъ смѣю черезъ Журналъ вашъ еще упреждать Любителей чтенiя, что я не ручаюсь за исправность, точность и вѣрность такъ называемаго перваго изданiя, тайно отъ меня напечатаннаго, и отвѣчаю только за второе, вновь исправленное и дополненное изданiе, на которое принимается подписка въ типографiи Г-на Бекетова. Первый Томъ выдается съ билетомъ; второй уже оппечатанъ, и третiй вскорѣ за нимъ послѣдуетъ.

(*) Еще болѣе достойно удивленiя, что при 82 Нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей прошлаго года въ Прибавленiи, по неосторожности, *Картина Европы* выставлена въ числѣ книгъ вновь напечатанныхъ, а на первой страницѣ книги стоитъ 1802 й годъ! . . . Jupiter, quem vult perdere, dementat. *Изд.*

Между тѣмъ, вы позволите мнѣ замѣнить, согласно съ вами, что во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ собственность находится подъ защитою законовъ; но вмѣстѣ напомните и о томъ, что въ самое по время, когда родъ упражненія и нѣкопорая нѣжность въ образѣ мыслей не позволяють Авшорамъ слѣдовать за всѣми путями книжной торговли, — книжники, присвоивающіе себѣ чужое добро, пользуясь ихъ отдаленіемъ, чтобы обогащаться промысломъ сего рода. И такъ одни, со всѣми правами на законныя требованія, терпятъ безвинно; а другіе, при всей несправедливости незаконнаго приобрѣщенія, наживаются безъ всякихъ другихъ наказаній, — кромѣ наказаній общаго мнѣнія, которое для нихъ не существуетъ.

Имѣю честь, и проч.

Владимиръ Измайловъ.

1806 года

Юля 22 дня.

Тихомирово.

ПОЛИТИКА.

I.

*Достопамятная прозба, поданная
отъ Венгерскихъ Чиновъ Эрцгерцогу
Палатину (*).*

Когда Его Священнѣйшее Величество, по примѣру нашихъ предковъ, вызывалъ Чиновъ Королевства Венгерскаго для обороны Австрійской Монархіи: мы, въ общемъ Совѣшѣ разсуждая о способахъ защищенія, не могли не вспомнить и не почувствовать съ прискорбіемъ всего того, что претерпѣла независимость Королевства, со времени Прагматическаго Поспановленія; однакожь непоколебимая вѣрность къ Государю воспрепятствовала намъ вычислять всѣ свои невыгоды. Мы не хотѣли подать поводъ непріятелю, при благоуспѣшныхъ для него обстоятельствахъ, сомнѣваться о взаимной довѣренности между Его Священнѣйшимъ Величествомъ и Чинами Королевства, — признали полезнымъ не входить въ подробное изслѣдованіе многоспшнаго своего состоянія: нынѣ, полагаясь

(*) Въ Октябрѣ прошлаго 1805 года. По ней не сдѣлаю никакого исполненія.

на милостивое и сильное заступленіе Свѣтлѣйшаго Палатина Венгерскаго, законнаго посредника между Королемъ и Королевствомъ, осмѣливаемся покорнѣйше просить объ исходатайствованіи у Его Священнѣйшаго Величества удовлетворенія въ слѣдующемъ:

Хотя по силѣ Прагматическаго Постановленія и грамотъ Королевскихъ, провинціи къ Венгріи присоединенныя, и самое Королевство должно имѣть равное участіе какъ въ бѣдствіяхъ войны, такъ и въ выгодахъ, ею доставляемыхъ; однакожь не лзя не признасться, что Венгерское Королевство со времени Прагматическаго Постановленія, несло всѣ тягости военныя, но въ выгодахъ, приобретенныхъ оружіемъ, не имѣло никакого участія.

Наслѣдственныя земли въ Баннашскомъ Графствѣ опнышы опъ владѣльцовъ, и розданы не шѣмъ, копорые оказали болѣе услугъ опечеству, но шѣмъ, копорые болѣе заплали, — нѣкоторыя же проданы людямъ, состоящимъ въ подданствѣ у Турецкаго Султана. Чрезъ сіе, кромѣ явнаго оскорбленія сыновъ опечества, съ Венгерскою націею — копорая, по милостивому засвидѣтельствованію самаго Короля, храбростію своею спасла Домъ Австрійскій — смѣшиваются люди по большей части корыстоплюбивые, чуждые

національної доблесті и благородныхъ мыслей; — а опъ того духъ и характеръ слабѣють въ народѣ.

Послѣ Прусской войны, въ кошорой Венгры участвовали болѣе другихъ, торгова Королевства со Шлезією, и именно относительно вывоза вина, уничтожена для выгодъ Богеміи, кошорая обогащается продажею своего льну.

Галиція и Лодомирія, управляемая по законамъ Венгріи, и полученныя опъ Поляковъ по праву грамотъ, данныхъ Венгерскимъ фамиліямъ, къ явнскому оскорбленію насъ, присоединены къ Нѣмецкимъ провинціямъ Австрійскаго Дома; опъ того умножились неудобства для нашей винной торговли, а особливо въ мѣстахъ подгорныхъ; — торговли, кошорая прежде шамъ процвѣтала.

Далматія, равнымъ образомъ управляемая по законамъ Венгерскимъ, въ прежнюю войну съ Францією и во время послѣднихъ двухъ поголовныхъ вооруженій представила 20 милліоновъ флориновъ и болѣе 200,000 рекрутъ; не смотря на то, прозьба Далматіи, о присоединеніи къ Венгерскому Королевству, не уважена.

Хотя сіе независимое Королевство должно бы пользоваться всѣми выгодами и по-

честями, ему приличными; однакожь съ Венгрією поступаютьъ какъ съ колонією другихъ наслѣдственныхъ провинцій, и Вельможи Венгерскіе не въ такой пропорціи, относительно числа ихъ, досигаютъ высокихъ степеней въ Монархіи, въ какой находится Королевство къ другимъ провинціямъ.

Департаментъ Венгерской коммерціи подчиненъ Департаменту Австрійскому, и управляется не природными жишелями, но чужезстраницами; монетная и горная часть также находится въ рукахъ постороннихъ людей. Когда Венгры просятъ о вывозѣ своихъ произведеній, имъ отвѣчаютъ безъ стыда, что „этого не лзя дозволить, ибо Австрійцы лишились бы части своего прибытка.“ Двѣ дружественныя провинціи равно должны пользоваться выгодами торговли.

Австрія опняла у Венгріи всѣ заведенія; отъ которыхъ зависятъ слава и счастье народовъ, и которыя должна у себя имѣть каждая свободная нація — таковы напримѣръ: Военная Академія, Общества наукъ и художествъ и проч.; нѣкоторыя изъ нихъ еще держатся на собственномъ нашемъ иждивеніи; Австрія присвоила себѣ во всемъ монополію.

Хотя наша нація славится военными добродѣтелями, однакожь военныя науки въ Венгріи не преподаются. Оружіе, для котораго Венгрія доставляетъ матеріалы, дѣлаются въ Королевства. Не одинъ разъ случалось, что когда велѣно было вооружаться, мы не имѣли у себя оружія. Не можемъ не упомянуть здѣсь, что вся наша храбрость едва ли состоитъ не въ крѣпости рядовыхъ солдатъ; ибо хотя намъ не запрещаютъ учиться въ Австрійскихъ Институтахъ; но должность воспитывать и учить поручена тамъ чужестранцамъ, которые истребляютъ національный характеръ въ нашихъ юношахъ.

Намъ открытъ путь ко всѣмъ степенямъ военнымъ; однакожь надлежитъ признаться, что полки Венгерскіе по большей части поручаются Офицерамъ чужестраннымъ, которыми во всемъ отдается преимущество передъ Венграми; такое предпочтеніе, оскорбительное для самолюбія, принуждаетъ насъ оставять службу, не дожидаясь высшихъ степеней военныхъ.

Венгерскіе Члены Государственнаго Совѣта не призываются въ собраніе, когда разсуждаютъ о дѣлахъ относящихся вообще до Австрійской Монархіи; ихъ приглашаютъ тогда только, когда нужно объявить о новыхъ налогахъ и военныхъ тягостяхъ.

Желаемъ вѣрность, приверженность къ владѣющему Дому Австрійскому, и національную доблесть, полученную отъ предковъ, передашь нашимъ потомкамъ; но какъ доблесть національная не можетъ существовать безъ національнаго характера и благородной гордости, отъ которыхъ зависятъ и самая вѣрность и успѣхи службы: то покорнѣйше просимъ Ваше Королевское Высочество милоспиво употребить сильное свое заступленіе, и исходатайствовать, чѣобы Его Священнѣйшее Величество освободилъ Королевство отъ нынѣшняго порабоженія, возвратилъ ему право пользоваться общими выгодами, возродилъ Венгерскую націю, и соблаговолилъ даровать Королевству счастливые дни, которыми независимыя націи наслаждаются.

(СЪ Латин.)

II.

Таблица о Государственныхъ доходахъ и расходахъ Франціи со временъ Филиппа Августа до Наполеона Бонапарте.

Эпохи.	Доходы. Ливры	Расходы. Ливры
Филиппъ Августъ (а) 1180)	90,000	90,000
Филиппъ Прекрасный (1285)	240,000	240,000

(а) Первой годъ каждаго правленія.

№ 17.

Д

<i>Эпохи.</i>				<i>Доходы.</i>	<i>Расходы.</i>
				Ливры.	Ливры
Карль V	-	-	(1364)	750,000	750,000
Карль VII	-	-	(1422)	1,700,000	1,700,000
Лудовикъ XI	-	-	(1461)	4,700,000	4,700,000
Карль VIII	-	-	(1483)	2,500,000	2,500,000
Лудовикъ XII	-	-	(1491)	8,000,000	8,000,000
Францискъ I	-	-	(1515)	14,000,000	14,000,000
Генрихъ II и Францискъ II (отъ 1547 до 1559)	—	—	—	18,000,000	18,000,000
Карль IX	-	-	(1560)	21,000,000	21,000,000
Генрихъ III	-	-	(1574)	31,654,000	31,654,000
Генрихъ IV	-	-	(1589)	26,000,000	20,000,000
Лудовикъ XIII	-	-	(1611)	80,000,000	80,000,000
Лудовикъ XIV					
при Мазаринѣ	-	-	(1641)	46,104,000	42,592,000
при Кольберѣ	-	-	(1661)	100,000,000	111,000,000
послѣ Кольбера	-	-	(1683)	165,276,000	243,823,000
Лудовикъ XV					
при Регентѣ	-	-	(1716)	187,563,000	204,647,000
послѣ	-	-	(1725)	370,167,000	391,662,000
Лудовикъ XVI	-	-	(1774)	475,294,000	531,533,000
Вонапарте	-	-	} (1798) { (1804)	581,000,000	596,000,000
				762,000,000

III.

Рѣчь, произнесенная Лудовикомъ Бонапарте къ Чинамъ Голландскимъ.

Господа! когда Депутаты націи предложили мнѣ престола, на которой нынѣ восхожу, я согласился принять его, уповаю, что сего желаетъ вся нація, и что общее довѣріе, общія нужды меня къ тому призываютъ.

Полагаясь на единодушіе, ревность и любовь къ отечеству главныхъ Чиновниковъ Государственныхъ, а особливо на васъ, Го-

спода Денушаты, я безъ ужаса взглянулъ на все пространство бѣдствѣй націи. Будучи одушевленъ желаніемъ споспѣшествовать благососпоянію добраго народа, и уповая когда-нибудь достигнутъ сей цѣли, я подавилъ въ себѣ чувства, которыя прежде составляли все счастье и надежду моей жизни. Я согласился перемѣнить отечество, и перешелъ быть единственно и совершенно Французомъ, употребивъ прежде всю жизнь свою на исполненіе должностей, предписываемыхъ симъ именемъ каждому, кто имѣетъ честь носить его.

Я согласился въ первой разъ въ жизни разлучиться съ тѣмъ, кто съ самаго дѣтства моего владѣлъ моею любовію и моимъ удивленіемъ, — лишиться спокойствія и независимости, которыми не могу наслаждаться призванные Небомъ царствовать, — оставивъ того, съ которымъ я не могъ бы разлучиться безъ страха во времена самыя спокойныя, и которой присутствіемъ своимъ удаляетъ опасности.

Я согласился на все, Господа! и еслибъ до сихъ поръ еще не объявилъ рѣшительной воли моей, то долженъ былъ бы сдѣлать это теперь, когда усердіе, радость и довѣріе народа во время моего путешествія подтвердили, что вы были вѣрными исполнителями желанія націи, — теперь, ко-

гда не могу сомнѣваться въ вашей привязанности къ пользѣ отечества, и въ вѣрности къ моей особѣ.

Господа! насталъ первый день истинной независимости соединенныхъ провинцій. Спойшъ только взглянуть на прошедшее, и увидимъ, что онѣ никогда не имѣли постоянного правительства, прочной судьбы, истинной независимости. Бывъ подъ властію того славнаго народа (Римлянъ), которому попеременно то служили, то побѣждали его, бывъ подъ властію Франковъ и Западной Имперіи, онѣ не пользовались ни свободою, ни спокойствіемъ. Равнымъ образомъ ни того, ни другаго не знали онѣ, находясь подъ скипетромъ Испаніи.

Частыя войны и несогласія, продолжавшіяся до соединенія провинцій, разпространили славу націи, утвердили качества ея — правоту, неустрашимость, честность, за которыя во всѣ времена отдавали ей должную справедливость. Но ея усилія не приобрѣли ни спокойства, ни независимости, даже въ правленіе Принцовъ Оранжскихъ, которые впрочемъ бывъ полезны отечеству своими военными дарованіями и политикою, производили безпреспанная смятенія честолюбивымъ приязаніемъ власти, коей народъ не хотѣлъ имъ ввѣришь, и которую они старались себѣ присвоить.

Не лъзя сказать, чтобы Голландія наслаждалась благоденствіемъ въ послѣднія времена, когда общее движеніе умовъ въ цѣлой Европѣ на долгое время опіяло спокойство у народовъ.

Послѣ столь многихъ перемѣнъ, смятеній, бѣдствій — между нѣмъ какъ великія Государства старались разпространить свои предѣлы, приведши въ лучшее состояніе свои правительства и силы — Голландія могла найти истинную безопасность, существенную независимость только въ умѣренной Монархіи, въ формѣ правленія, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ всѣми націями была признаваема если не во всемъ совершенною, по крайней мѣрѣ сколько натура человѣческая дозволяетъ ей быть такою. Ежелибъ совершенство дано было въ удѣлѣ человѣчеству, тогда конечно можно бы обошлись безъ сей формы правленія; законы были бы основаны на мудрости; каждой гражданинъ повиновалсябъ имъ съ охотою; добродѣтель торжествовала бы и получала сама отъ себя награду; порокъ былъ бы изгнанъ; злоба лишилась бы своего могущества. Но обманъ, происходящій отъ сихъ романическихъ понятій о человѣческой природѣ, скоро исчезаетъ, и опыты приводятъ насъ къ существенности. Однакожь монархическое правленіе недоспашочно для Государства, кошо-

раго обширность и могущество не соотвѣтствуютъ его положенію, и которое морскими и сухопутными силами должно равняться съ первоклассными Державами; въ такомъ случаѣ надлежитъ заключить союзъ съ однимъ изъ великихъ Государствъ Европейскихъ, и приобрести навсегда его дружбу, не теряя впрочемъ собственной независимости.

Ваша нація, Господа! все сіе выполнила; это было цѣлью коренныхъ ея законовъ, и моею, когда я возложилъ на себя славную должность, когда рѣшился занять мѣсто среди народа, которой нынѣ есть и всегда пребудетъ моимъ по моей къ нему любви и попечительности о его счастіи. Горжусь, видя передъ собою два главные средства управлять націею и приобрести ея довѣренность: честность, и храбрость жителей.

Такъ, Господа! это истинныя подпоры престола; другихъ не требую. Что до меня касается — у меня не будетъ никакого различія ни между религіями, ни между партіями. Достоинство, заслуга — вопль чему я намѣренъ отдавать преимущество. Ничего столько не желаю, какъ опровергнуть бѣдствія, которыми терпѣла Голландія. Трудности придадутъ новой блескъ моей славы.

Чтобы успѣть въ томъ, потребны вся довѣренность націи, вся преданность ея.

всѣ дарованія отличныхъ мужей, а особливо ваши, Господа! какъ такихъ людей, копорыхъ ревность, таланты, любовь къ отечеству уже довольно извѣсны.

Взываю къ добрымъ и вѣрнымъ Голландцамъ, предъ лицомъ Депушатовъ опъ провинцій и главныхъ городовъ Королевства! Мнѣ пріятно видѣть васъ. Понесите къ своимъ согражданамъ увѣреніе въ любви моей и попечительности; понесите изъясненіе тѣхъ же чувствованій въ Амстердамъ, въ этотъ городъ, копорой дѣлаетъ честь торговлѣ и Государству, — въ этотъ городъ, копорой хочу наименовать моею доброю и вѣрною столицею, хотя Гага навсегда останется мѣстомъ Королевскаго пребыванія; — понесите такое же увѣреніе къ своимъ согражданамъ и вы, о Депушаты сосѣдственнаго города (вѣроятно Роттердама), копорого торговлю надѣюсь опять привести въ цвѣтущее состояніе, и копорого жителей уважаю!

Отъ сихъ-то чувствованій, Господа! отъ соединенія всѣхъ сословій народныхъ въ Государствѣ и всѣхъ моихъ подданныхъ, отъ рачительнаго исполненія должностей, сей основы человеческого счастья, а особливо отъ единодушія, копорое до сихъ поръ охраняло и защищало провинціи, ожидаю спокойствія, безопасности, славы націи — ожидаю счастья моей жизни.

(Изъ Франц. Журн.)

IV.

Какъ обходятся въ Англіи съ нынѣшними Французскими Адмиралами, и какъ обходились съ прежними Королевскими.

Когда Испанскій начальникъ эскадры, Г. Лангара, во время сраженія при мысѣ Сен - Винченцо попался въ плѣнъ, и привезенъ въ Гибралтаръ; ему извѣяемы были всѣ возможные почести. Англинскіе Генералы, Адмиралы, и самъ Королевскій Принцъ Вильгельмъ, не одинъ разъ посѣщали его; этого не довольно: его встрѣнили съ пушечною пальбою на кораблѣ, на кошорой онъ приглашенъ былъ обѣдать у Адмирала Дигби.

Такіяжъ опличія оказаны плѣнному Французскому Адмиралу, Графу Грассу. Побѣдитель Родней послѣ сраженія тотчасъ пригласилъ побѣжденнаго къ столу своему, и пилъ съ нимъ *тоастъ* о скоромъ выздоровленіи всѣхъ храбрыхъ Французовъ отъ ранъ. Въ Лондонѣ, куда прибылъ Графъ Грассъ въ Августъ 1782 года, всѣ старались, одинъ передъ другимъ, встрѣнить его какъ можно вѣжливе. Государственный Секретарь Темплъ, Графъ Шелбурнъ и другіе Вельможи давали пиры въ честь плѣнника. Когда Грассъ обратно получилъ свою шпагу, Король

допустилъ его къ себѣ, и принялъ съ особеннымъ благоволеніемъ.

Какъ времена переменились! какъ отъ-мѣнно отъ прежняго приняли въ Лондонѣ нынѣшнихъ Французскихъ Адмираловъ *Вильяма* и *Дюмануара*! Кажется, что въ Англіи почитаютъ ихъ опасными и презрѣнными изчадіями революціи; держатъ ихъ въ 20 миляхъ отъ Лондона, въ малыхъ городкахъ, гдѣ сіи плѣнники умираютъ отъ скуки и печали.

(Изъ Нѣм. Журн.)

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Лордъ Лаудердаль, Великій Хранишель пещи Шотландскаго Королевства, и Членъ Тайнаго Совѣща, отправленный во Францію въ качествѣ уполномоченнаго *Негоціатора*, 6 го Августа былъ представленъ Наполеону Бонапарте. Парижскіе publicные листки увѣряютъ, что уже прелиминарныя сдѣланы о мирѣ съ Англіею точно готовы, и должны быть обнародованы 15 числа. Однакожь въ Лондонѣ ничего еще навѣрное о томъ не знаютъ. Друзья тишины и спокойствія не отчаиваются въ счастливомъ успѣхѣ сего посольства, и думаютъ, что въ продол-

женіе бывшихъ переговоровъ все нужное заготовлено для спашей прелиминарныхъ. Но если представитъ себѣ запрудненія, копорыя передъ симъ за нѣсколько мѣсяцовъ уничтожили всю надежду на миръ; если вообразитъ характеръ непріятеля, съ копорымъ должно мириться, — положеніе обѣихъ договаривающихся сторонъ, и ихъ выгоды прошивуположныя: то скорѣе надобно опасаться новыхъ непреоборимыхъ препятствъ, нежели успѣха въ заключеніи прочнаго мира. Известно всему Свѣту высококомѣрие Французскаго правительсва. Бонапарше любитъ подписывать спашьи, копорыя самъ сочиняетъ; хочетъ, чшобы другіе дѣлали великія пожертвованія, а самъ не уступаетъ ничего. Англичане еще не въ такомъ состоянїи, чшобы спали соглашаться на все, чего отъ нихъ ни пошребуютъ. Новыя произшествія въ Германїи, и уничтоженіе спашей, подписанныхъ въ Парижѣ Г - мѣ Убри и Генераломъ Кларкомъ, едва ли не дадутъ политическимъ дѣламъ совсѣмъ другаго направленія. Кажется, что Лордъ Лаудердаль возвратится въ Англїю, ничего не сдѣлавши.

Можно было предвидѣть, какой ударъ готовилъ Бонапарше для Нѣмецкой Имперїи. Онъ мало помалу отрывалъ провинціи отъ великой и сильной Германїи (великой и сильной, по пространству областей и многочисленности жи-

шелей), жаловалъ ея Князей въ самодержавные Короли, отдѣлялъ ихъ отъ Германской Имперіи, и подчинялъ Франціи. Нѣмецкіе Папріоты оплакивали несчасіе своего отечества, предвидя, что скоро нельзя будетъ отыскать имени Германіи на Географической картѣ Европы. Горестное предчувствіе ихъ сбывается. Имперской Сеймъ, непрерывно продолжавшійся въ Регенсбургъ съ 1654 года, разрушенъ. Бонапарте составилъ Рейнскую Конфедерацію, наименовалъ себя Протекторомъ ея, и объявилъ, что не признаетъ Нѣмецкой Имперіи и Союза Князей Имперскихъ. Чины, принадлежащіе къ новой Конфедераціи, суть слѣдующіе: Баварскій и Виртембергскій Курфюрсты, въ званіи Королей, — Курфюрствъ Баденскій и Г. Мюра, въ званіи Великихъ Герцоговъ, — Ландграфъ Гессенъ-Дармшадтскій, Принцы Нассау-Узингенъ, и Вейльбургъ, Принцы же Гогенцоллернъ, Гехингенъ и Сигмарингенъ, Князья Сальмъ-Сальмъ и Сальмъ-Кобургъ, Принцъ Изенбургъ-Вирштейнъ, Герцогъ Арембергъ, Принцъ Лихтенштейнъ и Графъ Лейенъ. Курфюрсшъ Архиканцлеръ съ титуломъ Примаса Рейнской Конфедераціи получаетъ городъ Франкфуртъ, которой назначается мѣстомъ пребыванія Депутатовъ. Для защищенія Конфедераціи Франція, въ случаѣ необходимости, должна выставить войска 200,000 человекъ, Баварія 30,000, Виртембергъ 12,000,

Баденъ 8,000, Бергъ 5,000, Дармштадтъ 4,000, Нассау съ прочими 4,000.

Императоръ Францъ II, въ письмѣ къ Курфирсту Архиканцлеру, изъясняетъ свое удивленіе, какъ могъ сей Духовный Князь выбрать себѣ въ Кoadъюторы Кардинала Феша (дядю Бонапарте), безъ вѣдома и согласія Главы Нѣмецкой Имперіи! О семъ поданъ былъ и прошесть Сейму въ Регенсбургѣ отъ Австрійскаго Посланника.

По письмамъ изъ Лиссабона, полученнымъ въ Лондонѣ, видно, что Бонапарте предложилъ Мадридскому Двору требованія, на кошорыя не легко можно согласиться. Бонапарте хочетъ, чтобы Король Испанскій принялъ Посла отъ новаго, такъ называемаго, Короля Неаполишанскаго; чтобы взялъ участіе въ намѣреніи Эпзурійскую Королеву свергнуть съ престола, и чтобы уступилъ Франціи Каталонію, Аррагонъ, Наварру и Бискаю.

Храбрый защитникъ Газпы, Принцъ Гессенъ - Филипстальскій, получивъ опасную рану при вылазкѣ изъ крѣпости, принужденъ былъ препоручить свой посѣ Англійскому Офицеру, и удалился въ Сицилію. Новой начальникъ, по шридневномъ сопровожденіи, отдалъ Газпу непріятелю на из-

вѣстныхъ условіяхъ. Гарнизону дозволено выдти изъ крѣпости. Артиллерія и магазины оставлены Французамъ.

Везувій пересталъ извергать пламя ; но , къ несчастію , Французскіе пришельцы , которые для жителей опаснѣе самаго Везувія , еще свирѣпствуютъ въ Италіи. Маршалъ Массена , начальствовавшій надъ войскомъ подъ Гаэпою , отправился въ Калабрію для укрощенія мнимыхъ мятежниковъ. Въ Неаполѣ отбираютъ у жителей всякое оружіе и порохъ ; въ Генуѣ сдѣлано то же.

Болѣе ста Евреевъ , приѣхавшихъ въ Парижъ въ качествѣ Депушатовъ для сочиненія новыхъ постановленій , относительно будущей судьбы своихъ братьевъ , открыли засѣданіе свое въ субботу. Извѣстно , что они въ день сей не ѣдятъ , не пишутъ , и вообще не занимаются никакими дѣлами. Не смотря на то , многіе изъ нихъ приѣхали въ каретахъ въ собраніе , и нѣкоторые писали .

Генералъ Дюмурье , о которомъ долго ничего не слышали , приѣхалъ обратно въ Англію. Нѣкоторыя Державы твердой земли , зная отличныя военныя дарованія и

опытность сего Полководца, хотѣли употребить его въ послѣднюю кампанію противъ Франціи. Къ сожалѣнію, такое намѣреніе объявлено было Г-ну Дюмурье нѣсколь-ко поздно. Однакожь онъ, по соизволенію Англійскаго Правительсва, съ крайнею поспѣшностію пустился къ театру войны; вышедши на твердую землю въ Куксга-венъ, получилъ извѣстіе о вступленіи Франгузовъ въ столицу Австріи. Сіе обстоятельство заставило Генерала взять другую дорогу; по преодолѣніи многихъ трудностей ему удалось наконецъ добраться до назначеннаго мѣста. Декабря 4 Дюмурье былъ въ Дрезденъ, 7 — въ Прагъ, 13 — въ Троппау; — тогда уже не было нужды въ семъ Генералѣ. Почему онъ и хотѣлъ было поспѣшь возвратиться, но по приглашенію нѣкоторыхъ Особъ оставался на твердой землѣ. Наконецъ, уже весною, отправился въ Англію черезъ Штралзундъ и Швецію.

Г. Барловъ, Генералъ - Губернаторъ Англійскихъ владѣній въ Остъ - Индіи, заключилъ мирныя и дружественныя трактаты между Компаніею и бывшими ея непріятелями, Сцидіагомъ и Голкаромъ, на условіяхъ весьма выгодныхъ для Англіи. Продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ война была начата при Веллесеѣ, прежнемъ Генералъ - Гу-

бернапорѣ, котораго поступки теперь разсмаприваются въ Англїи, и которой, какъ увѣряютъ, болѣе думалъ о своихъ прихотяхъ, нежели о пользѣ Компанїи.

Одинъ Офицеръ въ письмѣ своемъ изъ Калькуты, главнаго города Англійскихъ колоній въ Остѣ - Индїи, отъ 30 Іюля 1803, описываетъ Маратскихъ (*) начальниковъ слѣдующимъ образомъ:

„Голкаръ не столько богатъ, какъ Сциндїагъ; но страшнѣе сего послѣдняго. Онъ вмѣстѣ полишникъ и воинъ; имѣетъ безпокойной нравъ, неушомимую голову и дурное сердце; въ соспоянїи рѣшиться на величайшія злодѣйства, если только находитъ въ нихъ для себя пользу. Родясь въ Европѣ, Голкаръ вѣрно не имѣлъ бы ни болѣе отважности, ни отличнѣйшихъ дарованій, — и это онъ самъ знаетъ можетъ быть лучше, нежели всѣ Англійскіе Губернапоры.

„Сциндїагъ, сладостраспный Воспичный Князь, не имѣетъ ни великихъ

(*) Между *Мараттами* и *Авганнами* разница та, что первые суть природные Индусы, исповѣдающіе вѣру своихъ предковъ; а послѣдніе — потомки пришельцевъ, и держатъ вѣру Магомештанскую.

способностей, ни особливою храбрости; но онъ слѣдуетъ созѣтамъ другихъ людей, и теперь всѣ его усилія на насъ устремлены.“

Съ такими-то людьми надлежало сражаться Англичанамъ. Нынѣ все кончено. Желательно только, чтобы сии Индійскіе Князья не скоро примѣнили, какъ мало выгодны для нихъ сташь, подписанныя ихъ Министрами.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ; 1806.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Греческихъ Риторахъ и Риторикѣ.

(Анахарсисъ разговариваетъ съ Эвклидомъ въ Библиотекѣ сего Афинянина.)

„ **М**ежду тѣмъ какъ ревностно старались сооружать зданіе Логики — сказалъ Эвклидъ — подлѣ него возносилась Риторика ; въ послѣдней меньше прочности , за то больше изящества , больше великолѣпія. “

Первая могла быть нужна — сказалъ я : но не знаю , на что полезна Риторика. Развѣ краснорѣчіе прежде не имѣло власти надъ Греческими народами ? развѣ оно не оспаривало награды у храбрости во времена героическія ? развѣ не обрѣтаемъ всѣхъ красотъ высшійша въ твореніяхъ Гомера , котораго надлежитъ почитать первымъ изъ

Ораторовъ, равно какъ первымъ изъ Поэтовъ? Не видимъ ли ихъ въ писаніяхъ мужей, опличныхъ дарованіями, шествовавшихъ по слѣдамъ великаго Пѣснопѣвца? Надобно ли столько правилъ, когда есть множество примѣровъ? — „Надлежало выбрать примѣры — отвѣчалъ Эвклидъ: а симъ — то Риторика и занимается.“ — Я возразилъ: не ужели Пизистраты, Солоны, великіе Ораторы, которые въ народныхъ собраніяхъ и въ судилищахъ предавались спремленію природнаго краснорѣчія, — не ужели они обманывались въ выборѣ? Почто искусствомъ замѣняютъ врожденную способность?

„Дарованію предписаны правила — отвѣчалъ Эвклидъ — для того чѣмъ удерживать его порывы, и соединить его силы. Ты знаешь, что Аристотель, впрочемъ не одобряющій науки Риторической, признается, что она можетъ быть полезна; знаешь, и сомнѣваешься въ достоинствѣ Риторики! Ты слышалъ Димосеена, и сомнѣваешься въ достоинствѣ Риторики!“ — О! — сказалъ я: Димосеенъ и безъ учителей своихъ управлялъ бы умами. Правда, безъ его помощи, можетъ быть Эсхинъ не умѣлъ бы плѣнять своимъ краснорѣчіемъ. — „Слѣдственно ты соглашаешься — отвѣчалъ Эвклидъ — что наука можетъ обработать природное дарованіе? Съ равнымъ чистосерде-

чѣмъ и я признаюсь, что почти въ томъ состоянїи все ея достоинство. —

Пошомъ, подходя къ полкамъ, продолжалъ: „Здѣсь видишь сочиненія Писателей, сообщившихъ намъ правила о краснорѣчїи, и тѣхъ, которые оставили хорошіе примѣры. Почти всѣ они жили частію въ прошедшемъ столѣтїи, частію въ текущемъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: Кораксъ Сиракузскій, Тизїасъ, Фразимахъ, Протагоръ, Продикъ, Горгіасъ, Полосъ, Ликимній, Алкидамасъ, Феодоръ, Эвенъ, Каллиппъ, и другіе; къ числу послѣднихъ — достойно прославившіеся: Лизїазъ, Аншифонъ, Андокидъ, Изей, Каллиспратъ, Исократъ; въ наше время опличающіяся Димосѣенъ, Эскинъ, Гиперидъ, Ликургъ, и проч.“

Я читалъ вашихъ Оракторовъ — сказалъ я; но Ритороровъ (*) еще не знаю. Въ прежнія бесѣды, по благосклонности своей, вы рассказали мнѣ объ успѣхахъ и нынѣшнемъ состоянїи вашей Словесности въ разныхъ родахъ; могу ли просить такого же снизхожденія относительно Риторики?

„Ходъ основательныхъ наукъ (**) легко можешь быть извѣстенъ — отвѣчалъ Эв-

(*) Ораторы сочиняли и произносили Рѣчи; Риторы писали правила о краснорѣчїи.

(**) Напримѣръ, Математическихъ.

клайдъ — потому что какъ онѣ имѣютъ одну дорогу къ цѣли своей, то можно однимъ разомъ видѣть обѣ точки, и ту, съ которой начинается путь ихъ, и ту, на которой оканчивается. Иначе бываетъ съ *искусствами*, зависящими отъ воображенія (*). Невозможно, или по крайней мѣрѣ весьма трудно, опредѣлить точную мѣру ихъ усиліямъ и успѣхамъ; ибо вкусъ, которой судитъ о нихъ, непостояненъ, — цѣль ихъ не всегда опредѣленна, — поприще ихъ состоитъ изъ многихъ дорожекъ, одна подлѣ другой лежащихъ. Какимъ образомъ замѣтишь первые шаги таланта? какимъ образомъ, съ циркулемъ въ рукѣ, слѣдовать за пареніемъ генія по пространству неизмѣримому? какимъ образомъ различишь сіяніе отъ мнимаго блеска, которой окружаетъ его, — изъяснить существо нѣжной пріятности, мгновенно исчезающей предъ глазами наблюдателя, — наконецъ, какимъ образомъ назначить цѣну и достоинство той верховной изящности, которая составляетъ совершенство въ каждомъ родѣ? Чтoby удовлетворить тебя, сдѣлаю нѣсколько историческихъ замѣчаній о Риторикѣ. Впрочемъ, какъ сей матеріи обыкновенно сопутствующую прикрасу; то я въ состояніи предложить только немного историческихъ извѣстій, довольно общихъ.

(*) Каковы Поэзія, Краснорѣчіе.

„Въ продолженіе многихъ столѣтій наши Писатели обыкновенно употребляли языкъ пѣвическій. Проза имъ казалась рѣчью слишкомъ простою: они думали, что ею нельзя удовольствоваться всѣхъ нуждъ ума, а еще болѣе воображенія, которое тогда обрабатывали съ особливимъ тщаніемъ. Философъ Ферекидъ изъ Скироса, и Кадмъ изъ Милета, передъ симъ почти за двѣсти лѣтъ, начали выходить за предѣлы законовъ, спѣснявшихъ словесное выраженіе. Хотя они открыли путь новой, легчайшей; однакожь еще многіе держались прежняго обыкновенія, такъ что Солонъ долженъ былъ переложить свои законы въ стихи, и Философы Эмпедоклъ и Парменидъ принуждены были правила своего ученія украсить прелестями Поэзіи.

„Введенное обыкновеніе писать прозою сперва послужило къ размноженію Испориковъ. Многіе Авторы издали лѣтписи о разныхъ народахъ. Въ слогъ ихъ находимъ недоспашки, которые шѣмъ болѣе ощущительны, что вкусъ нашъ испытывалъ многія переменны. Слогъ ихъ ясець и коротокъ, но безъ пріятности, безъ гармоніи. Реченія стояли безъ опоры; глаза, слѣдуя за ними, упомляются, потому что ищутъ союзовъ, которые должны бы соединять фразы — и не находятъ.

У прежнихъ Писателей, а особливо у Историковъ, встрѣчается въ реченіяхъ множество пѣиическихъ оборотовъ, или, лучше сказать, у нихъ реченія суть не что иное, какъ остатки стиховъ, у которыхъ опята мѣра. По всему видно, что сіи Писатели подражали Поэтамъ, и что одно время могло образоваться слогъ прозаическій, и открыты правила Риторики.

„Первые опыты сей науки сдѣланы были въ Сициліи. Около ста лѣтъ послѣ смерти Кадма, Коракасъ, Сиракузскій житель, собралъ учениковъ, и сочинилъ трактатъ о Риторикѣ, уважаемый и въ наше время, хотя вся тайна краснорѣчія, по мнѣнію сего Писателя, состоитъ въ хитромъ расположеніи нѣкоторыхъ вѣроятностей. Вотъ примѣръ его искусства. — Одного человека подозреваютъ, что онъ побилъ другаго, и приводящъ его въ судъ; разумѣется, что обвиняемый долженъ быть или слабѣе, или сильнѣе обвинителя: Коракасъ и говоритъ — въ первомъ случаѣ онъ невиноватъ; во второмъ — онъ могъ бы отвести подозрѣніе. Тизіасъ, ученикъ Коракса, пространно описалъ сіе и другія средства въ книгѣ, которую и теперь еще мы имѣемъ; пользуясь ими, онъ лишилъ учителя своего награды, которую долженъ былъ заплатить ему (*).

(*) Тоже случилось съ Риторомъ Пропагоромъ. Одинъ молодой человекъ обѣ-

„Подобныя уловки уже были введены въ Логику, для кошорой тогда начали соспавляшь правила; сїи хитрости безпрепятственно перешли изъ Науки мыслишь въ Науку говоришь. Такимъ образомъ скоро вмѣшались въ Риторикѣ софизмы и духъ прошивурбчїя, кошорыя уклоняли Логику отъ истины.

„Протагоръ, ученикъ Демокришовъ, будучи въ Сициліи, видѣлъ, какое уваженіе отдавали Кораксу. Сей Риторъ сперва славился глубокими изслѣдованїями о природѣ существъ; потомъ отличился сочиненїями о Грамматикѣ и о разныхъ частяхъ орапорскаго искусства. Ему отдають честь за то, что онъ первой собралъ предложенїя, из-

щаль заплашишь ему значную денежную сумму за науку, но съ тѣмъ условїемъ, ежели выиграешь въ судѣ первое тяжбное дѣло. Выучившись совершенно, онъ объявилъ Протагору, что денегъ не заплатишь. Риторъ позвалъ ученика въ судѣ, и сказалъ ему: „Ты непременно заплатишь мнѣ; ибо если выиграю тяжбу, получу деньги по судебному приговору; если же проиграю, также получу оныя по силѣ нашего условїя.“ — Никакъ не получишь — отвѣчалъ хитрый ученикъ: ибо если буду оправданъ, ничего не дамъ тебѣ по судебному приговору; если же буду обвиненъ, также ничего не дамъ, по силѣ нашего условїя. — Ареопагъ не могъ рѣшить сего дѣла.

вѣспныя подѣ названіемъ *общихъ мѣстъ*, которыя употребляетъ Орапоръ или для умноженія своихъ доводовъ, или для большей удобности говоришь о всѣхъ матеріяхъ.

„Сїи *мѣста*, впрочемъ весьма обильныя, приводятся въ малое число отдѣленій. Разсматривается, на примѣръ, какое -нибудь дѣйствіе относительно къ *причинѣ*, къ *слѣдствію*, къ *обстоятельствамъ*, къ *лицамъ*, и проч.; отъ сихъ отношеній происходятъ новыя положенія и противоположности съ ихъ доводами; почти всѣ они изъяснены чрезъ вопросы и отвѣты въ сочиненіяхъ Протагора и другихъ Риториковъ, продолжавшихъ сію работу.

„Опредѣливъ способъ сочинять вступленіе, располагашъ повѣствованіе, и возбуждашъ страсти въ судьяхъ, разширили предѣлы Краснорѣчія, которое до тѣхъ поръ вмѣщалось въ судилищахъ и на площадяхъ народныхъ. Вступивши въ соперничество съ Поэзіею, Краснорѣчіе сначала прославляло боговъ, героев, и гражданъ погибшихъ на сраженіи. Потомъ Исократъ писалъ Похвальные Слова людямъ знашимъ по чину. Далѣе, начали выхвалять безъ разбору гражданъ полезныхъ и бесполезныхъ; вездѣ воскурился ѳиміамъ; уже не наблюдали мѣры ни въ похвалахъ, ни въ ругательствахъ.

„Все сіе происходило вѣ теченіе около ста лѣтъ; между тѣмъ съ равнымъ шщаніемъ занимались образованіемъ слога, и не только удержали при немъ все богатство, занятое у Поэзіи, но спарались еще умножить оное, и со дня на день украшали его новыми цвѣтами и доброгласіемъ. Сіи блестящіе матеріалы сперва были набрасываемы вѣ кучу безъ разбору, подобно камнямъ, собираемымъ для зданія; внутреннее побужденіе и чувствіе заставили стараться о томъ, какъ бы расположили ихъ вѣ прекрасной порядокъ. Тогда — вмѣсто отдѣленныхъ реченій, за недоспапкомъ силы и связи, падавшихъ почти на каждомъ словѣ — соспавилось сочетаніе отборныхъ выраженій, копорья, бывъ соединены между собою, взаимно поддерживали другъ друга. Разборчивое ухо плѣнилось, внимая доброгласію прозы; умъ основательной восхищался, видя, какъ полная мысль величественно развивается вѣ періодѣ.

„Столь счастливой способъ, открытой уважаемыми Риторамы — каковы, на примѣръ, Горгіасъ, Алкидамасъ, Фразимахъ — усовершенствованъ Исократомъ, ученикомъ перваго. Тогда начали вмѣщать періоды почти вѣ равныхъ пространствахъ, начали соединять и отдѣлять члены ихъ, посредствомъ переплещенія словъ и мыслей; слова, вѣ частыхъ разспановкахъ (*inversion*), такъ

сказать, текли, извиваясь по пупи для нихъ назначенному; однакожь это не мѣшало въ началѣ реченія угадывать, чѣмъ оно должно окончиться. Сія хитросць, при искусствѣ и бережливости, была источникомъ удовольствія для умовъ наблюдательныхъ; напрошивъ того, когда употребляли ее слишкомъ часто, она ушомляла, такъ что въ собраніяхъ народныхъ слушатели иногда перебивали рѣчь, и сами оканчивали долгой періодъ, не дожидаясь Орашора.

„Когда сугубыми усиліями сдѣлали слогъ полнымъ, плавнымъ, доброгласнымъ, способнымъ для выраженія всѣхъ матерій, всѣхъ страстей, — примѣтили, что языкъ Грековъ раздѣляется на три рода: 1, на пѣищескій, то есть благородный и пышный; 2, на разговорный, то есть простой и умеренный; 3, на высокій прозаическій, заимствующій отъ обоихъ первыхъ болѣе или менѣе, смотря по свойству предлагаемой матеріи.

„Орашоровъ также раздѣлили на два класса: къ первому причислили тѣхъ, которые краснорѣчіемъ своимъ поучали народъ въ собраніяхъ, подобно Периклу, или защищали гражданъ въ судилищахъ, какъ Антифонъ и Лизіасъ, или украшали Философію цвѣтами Поэзіи, какъ Демокрипъ и

Платонъ; ко второму принадлежали тѣ, которые занимались Риторикою, — будучи побуждаемы низкимъ корыстолюбіемъ, или еуешнымъ хвасповствомъ, произносили пышныя Рѣчи передъ собраніемъ о сущности правительсва и законовъ, о нравахъ, о наукахъ, искусствахъ, и въ Рѣчахъ своихъ обыкновенно зашмевали мысли высокопарными выраженіями.

„Большая часть сихъ послѣднихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Софистовъ, разсыпалась по всей Греціи. Они переходили изъ города въ городъ; вездѣ были принимаемы; толпы учениковъ, которые съ помощію краснорѣчія желали достигнуть первыхъ степеней, составляли ихъ свиту, дорого платили имъ за уроки, и бродя за ними, собирали запасъ *общихъ мѣстъ*, о которыхъ я упомянулъ выше.

„Писанія Софистовъ, которыя хранятся у меня, опличаются такою разборчивостію, симетрія наблюдаена въ нихъ съ такою точностію, цвѣтовъ разсыпано въ нихъ такъ много, что самъ читатель чувствуетъ упомленіе ошъ трудовъ, понесенныхъ Авторами. Иногда они обольщаютъ, но никогда не прогаютъ, пошому что странность замѣняетъ у нихъ истину; воображеніе ихъ пылаетъ, но душа остается холодною.

„Они почишають Риторикѣ по орудіемъ убѣжденія, которое требуетъ болѣе остроумія, нежели чувства, — по нѣкоторымъ родомъ Тактики, которая учитъ набирать множество словъ, стѣснятъ ихъ, разширяютъ, подкрѣпляютъ одни другими, и выставляють ихъ противъ непріятеля. У нихъ есть свои хитрости, свои запасныя войска; но главнѣйшее подкрѣпленіе ихъ состоитъ въ шумъ и въ звукъ оружія.

„Эпопѣя звукъ наиболѣе слышенъ въ Похвальныхъ Словахъ Геркулесу и полубогамъ, которыхъ по большой части прославляютъ; бѣшенная страсть хвалитъ простирается даже до существъ бездушныхъ. У меня есть книга подъ названіемъ *Похвальное Слово соли*; всѣ богатства воображенія испощены для восхваленія благодѣяній, которыми соль осыпаетъ родъ человѣческой.

„Негодованіе, возбуждаемое большею частію такихъ сочиненій, доходитъ даже до нестерпимой досады, когда сїи Писатели стараются увѣрить, что Ораторъ всегда долженъ быть въ состояніи оправдать злодѣяство и невинность, ложь и истину.

„Не лѣзя не чувствовать омерзѣнія, когда сїи господа основываютъ свои умствованія на хитростяхъ Діалектики. Просвѣ-

щенные умы, чшобъ испытать силы свои, охотно вмѣшиваются въ подобныя хипро-слешенія. Ксаншипъ, сынъ Перикловъ, любилъ рассказывать, что — когда во время празднованія нѣкоторыхъ игръ, неосторожно пущенная стрѣла умертвила лошадь — спецъ его и Протагоръ цѣлой день доиски-вались, что было причиною сего произше-швїя: стрѣла ли? рука ли, которая бросила ее? или учредители игръ?

„По слѣдующему примѣру можешь судить, какой восторгъ нѣкогда возбуждало мнимое краснорѣчїе. Во время Пелопонесской войны прибылъ въ здѣшній городъ одинъ Сицилія-нецъ, заставившій удивляться всю Грецію; это былъ Горгїасъ, присланный къ намъ отъ жишелей Леонша, отечественнаго горо-да его, просить помощи. Онъ, возшедши на Орапорское мѣсто, произнесъ рѣчь, въ ко-торой разсыпалъ множество фигуръ самыхъ смѣлыхъ, и выраженій самыхъ пышныхъ. Сїи вздорныя прикрасы разсѣяны были въ періодахъ, изъ которыхъ одни сходшвовали между собою равною мѣрою, другїе отличались отъ пер-выхъ одинакимъ паденїемъ; все сїе такъ подѣйшвовало на многочисленное собранїе, что восхищенные Аѣиняне помогли Леон-шинцамъ, убѣдили Орапора остаться у нихъ, и одинъ передъ другимъ старались учиться у него Риторикѣ. Горгїаса осыпали похвала-

ми, когда онъ произнесъ Похвальное Слово гражданамъ, пожертвовавшимъ жизнью за опечество, когда вышедши на театръ объявилъ, что готовъ говорить о всѣхъ матеріяхъ, и когда на общественныхъ играхъ произнесъ Рѣчь о совокупномъ вооруженіи разныхъ Греческихъ народовъ противъ варваровъ.

„Греки, собравшіея для торжествованія игръ Пифическихъ, опредѣлили соорудить ему спашую, которую, въ его же присутствіи, поставили въ храмъ Аполлоновомъ. Таланты его оказали еще большіе успѣхи въ Фессаліи. Жители сей страны умѣли только усмирять коней и обогащаться торговлею: Горгіасъ явился между ними — и Фессалійцы немедленно полюбили пріятныя качества ума, и захопѣли ими опличаться.

„Сей Риторъ приобрѣлъ богатства, которыя равнялись его славѣ; но переворотъ въ умахъ былъ не что иное, какъ минутное упоеніе. Горгіасъ есть Писатель холодный; чѣмъ усильнѣе старается достигнуть выпренности, тѣмъ болѣе она удаляется отъ него; пышныя выраженія часто показываютъ въ немъ бѣдность мыслей. Не смотря на то, онъ расширилъ предѣлы науки; самыя погрѣшности его служили наставленіемъ.“

Эвклидъ, показавъ многія Рѣчи Горгіасовы, и разныя сочиненія учениковъ его Полоса, Ликимнія, Алкидамаса и другихъ, прибавилъ: „Вся сія пышность, копорою они наполнили свои писанія, для меня очень мало значить, въ сравненіи съ простымъ, но благороднымъ краснорѣчіемъ, опличающимъ творенія Продика Хіосскаго. Сей Писатель весьма нравится мумамъ, любящимъ точность; онъ почти всегда употребляетъ свойственныя слова, и открываетъ едва примѣтное различіе въ словахъ, копорыя кажутся однозначительными.“

Это правда — отвѣчалъ я: но онъ каждое слово возвышаетъ со спрожайшею точностію, копорая упоминаетъ чисташеля. Помнишь ли, что онъ нѣкогда говорилъ Сократу и Протагору, желая согласить ихъ мнѣнія? „Вы толкуете, а не спорите; „ибо толкуютъ съ друзьями, спорятъ съ „непріятелями. Симъ вы заслужите наше „логтеніе, а не похвалы; ибо логтеніе „пробываетъ въ сердцѣ, а похвала иногда „только въ устахъ. Намъ это доставитъ „удовольствіе — не пріятность; ибо удо- „вольствіе приличествуетъ уму, приобрѣ- „тающему знанія, а пріятность свойствен- „на чувствамъ, когда онѣ ощущаютъ на- „слажденіе.“

„Еслибъ Продикъ всегда такимъ образомъ изъяснялся — сказалъ Эвклидъ: кто могъ бы съ терпѣніемъ слушать его и читать? Загляни въ его сочиненія, и ты будешь удивляться благоразумію, изящности слога. Платону угодно было вложить ему въ уста отвѣтъ, о которомъ ты теперь упомянулъ. Сей мудрецъ также шутилъ надъ Протагоромъ, надъ Горгіасомъ и другими славными Рипорами своего времени. Онъ въ разговорахъ своихъ заставлялъ Рипоровъ спорить съ ихъ учителемъ; въ сихъ мнимыхъ бесѣдахъ есть много забавнаго.“

Какъ! — спросилъ я: развѣ Платонъ не вѣрно описалъ Сократовы разговоры? „Думаю, что такъ — отвѣчалъ Эвклидъ: мнѣ кажется еще, что большая часть сихъ разговоровъ — сущій вымыселъ.“ — Почему же никто не опровергалъ такого обмана? — „Федонъ, прочитавъ разговоръ, названный его именемъ, рѣшишельно объявилъ, что онъ совсѣмъ не узнаетъ себя по словамъ, которыя Платонъ вложилъ въ уста его. Горгіасъ то же говорилъ, читая свой разговоръ, и прибавилъ, что молодой Авторъ имѣетъ дарованіе писать сапиры, и что скоро заступитъ мѣсто Поэпа Архилоха.“ — Однакожь ты признаешься, что портреты вообще довольно сходствуютъ съ подлинниками. — „О Периклъ и о Сократъ не су-

дять по Аристофановымъ Комедіямъ; равнымъ образомъ не должно судить о трехъ, упомянутыхъ мною, Софистахъ, по Разговорамъ Платоновымъ.

„Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ причину возставать противъ ихъ ученій, но надлежало ли представлять ихъ людьми глупыми, непросвѣщенными, неспособными умствовать, всегда готовыми попадаться въ явныя сѣти, — наконецъ людьми, коихъ сочиненія ничего, кромѣ презрѣнія, не заслуживаютъ? Не имѣя чрезвычайныхъ талантовъ, они не могли бы сдѣлаться столько опасными. Не говорю, чтобы Платонъ завидовалъ ихъ славѣ, въ чемъ нѣкогда можешь быть стануть подозрѣвать его; однакожь, кажется, онъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ слишкомъ любилъ вымыслы и шушки.

„Какъ бы то ни было, злоупотребленія, вкравшіяся при немъ въ витійство, ондѣлили Философію отъ Риторики, кои до того времени занимались однимъ предметомъ, и назывались однимъ именемъ; раздоръ между ними продолжается до нынѣ, и это не рѣдко лишаетъ ихъ взаимной помощи, которую прежде получали другъ отъ друга. Первая укоряетъ вторую — и часпо съ презрѣніемъ — за то, что она похищаетъ

права ея, и что смѣешь разсуждать о Религии, Политикѣ и Морали, не зная начальныхъ основаній. Можно бы дать описаніе Философіи, что она сама, будучи не въ состояніи рѣшить наши споры выспренностію своего ученія и опредѣленностію своего языка, должна бы дозволить, чтобы соперница ея приняла на себя должность истолковательницы, украшала бѣ ее своими прелестями, и сдѣлала бѣ ее для насъ вразумительною. Это исполнили Ораторы позднѣйшихъ временъ; пользуясь успѣхами Философіи и Риторики, они посвящали дарованія свои благу обществу.

„Смѣло ставлю Перикла главою ихъ. Наставленіямъ Риторовъ и Философовъ онъ обязанъ шѣмъ порядкомъ, шѣми знаніями, которыми, съ помощію превосходнаго дарованія, вознесли вишійство на верхъ совершенства. Алкивиадъ, Кристіасъ, Теремъ, слѣдовали по стопамъ его. Тѣ, которые явились послѣ, стараясь подражать имъ, или сравнились съ ними, или превзошли ихъ. Можно утвердительно сказать, что истинное краснорѣчіе нынѣ господствуетъ во всѣхъ родахъ сочиненій.

„Тебѣ извѣстны славные Писатели нашего времени; ты можешь судить о достоинствѣ cadaго изъ нихъ.“ — Я судилъ

о нихъ по своему чувству — отвѣчалъ я: мнѣ хотѣлось бы знать, согласны ли правила Риторики со впечатлѣніемъ, которое они во мнѣ сдѣлали. — „Правила — сказалъ Эвклидъ — суть плоды долговременной опытности; онѣ взяты съ лучшихъ сочиненій великихъ Поэтовъ и первыхъ Оракторовъ.

„Искусство краснорѣчія весьма обширно. Оно торжествуетъ въ общихъ собраніяхъ, гдѣ разсуждаютъ о выгодахъ народа, — въ судилищахъ, гдѣ разбираютъ тяжбы частныхъ людей, — въ Рѣчахъ, гдѣ надобно изобразить порокъ и добродѣтель, свойственными имъ красками, — наконецъ вездѣ, гдѣ нужна прѣбуетъ, научить людей. Отсюда происходятъ три рода Краснорѣчія: *совѣтательный* (délibératif), *судебный* (judicaire), и *доказательный* (démonstratif). — Ускоришь или оспановишь приговоръ народа, защитишь невинность или обличишь виновнаго, хвалишь добродѣтель или охуждаешь порокъ — вотъ въ чемъ состоитъ важная обязанность Оратора. Какъ онъ исполняетъ ее? посредствомъ убѣжденія. Какъ дойти до того, чшобъ убѣдить слушателей? съ помощію глубокой учености, говорятъ Философы; съ помощію правилъ, говорятъ Риторы.

„Превосходство Риторики, по мнѣнію Философовъ, не состоитъ ни въ удачной

связи Вступленія , Повѣствованія и другихъ часшей Рѣчи , ни въ прелести слога , голоса и шѣлодвиженій , которыми обыкновенно стараются плѣнять народъ изнѣженный. Все сіе не что есть иное , какъ постороннія принадлежности , впрочемъ полезныя , но всегда опасныя. Чего мы требуемъ отъ Оратора ? чтобы со врожденною способностію соединялъ науку и размышленіе.

„Если натура призываетъ тебя къ управленію должности Оратора ; дождись , пока Философія медленно приведетъ тебя ко Краснорѣчію , — пока она удостовѣритъ тебя , что Краснорѣчіе должно прежде доказать , потомъ убѣдить , и чѣмъ , слѣдственно , сила искусства состоитъ въ правильномъ умствованіи , — дождись , пока Философія научитъ тебя имѣть основательныя понятія , выражать ихъ ясно , ловить всѣ отношенія и противуположности предметовъ , знать и умѣть объяснять другимъ сущность каждой вещи. Такимъ образомъ продолжительное дѣйствіе Философіи озаритъ умъ твой свѣтомъ познаній , приличныхъ Полицику , праведному судіи , доброму гражданину ; подъ ея надзоромъ получишь свѣденія о разныхъ образахъ правленія и законовъ , о выгодахъ народовъ , о природѣ человѣческой , и о непостоянной игрѣ страшей.

„Но сія наука, приобретаемая долговременными трудами, легко можетъ покориться заразѣ мнѣній и предразсудковъ, если не будетъ подкрѣпляема испытанною честностію, совершеннымъ благоразуміемъ, горячею любовію къ справедливости, и глубочайшимъ благоговѣніемъ къ богамъ, свидѣтелямъ рѣчей и помышленій.

„Тогда слово швое, сдѣлавшись органомъ истины, будетъ просшымъ, сильнымъ, разительнымъ, важнымъ, какъ сама истина; красота его сосшоаясь будетъ болѣе въ изяществѣ добродѣтели, нежели въ пышности витійства; стрѣлы швой долешаясь до своей цѣли: ибо каждой будетъ увѣренъ, что онѣ пущены рукою, которая никогда не соплешала сѣшей коварства.

„Тогда только получишь право вѣщать къ народу объ истинныхъ выгодахъ его, — въ судилищахъ говоришь объ истинной справедливости, — въ Словахъ, посвящаемыхъ памяти великихъ мужей или торжеству благонравія, прославляешь истинную честность.

„Мы видѣли, какъ Философы думаютъ о Риторикѣ; теперь надлежало бы разсмотрѣть, какую цѣль себѣ предполагаютъ Риторы, и какія правила намъ предписываютъ.

Но Аристотель вознамѣрился собрать оныя въ своемъ сочиненіи, въ которомъ предложитъ о семъ предметѣ съ искусствомъ, замѣченнымъ уже въ прежнихъ его писаніяхъ.

„Предшественники его иногда занимались только остроумнымъ расположеніемъ частей Рѣчи, не заботясь о доводахъ убѣдительныхъ; иногда собирали только общія правила, или, такъ называемыя, *общія мѣста*. Одни оспавили намъ нѣсколько правилъ о слогѣ, и о средсвахъ возбуждать страсти; другіе писали о способахъ изобрѣтать хитрости, съ помощію которыхъ правдоподобіе могло бы одержать верхъ надъ истиною, не правое дѣло надъ правымъ: но никто изъ нихъ не думалъ о частяхъ существенныхъ, на примѣръ, о голосѣ и дѣйствіи; каждой писалъ наставленія для Спряпчаго, не говоря ни слова о публичномъ Орапорѣ.“ — Это удивляетъ меня — сказалъ я; должность послѣдняго полезнѣе, благороднѣе и труднѣе, нежели перваго. — „Вѣрно думали они — отвѣчалъ Эвклидъ — что въ собраніи, гдѣ всѣми гражданами движетъ общая польза, краснорѣчіе имѣетъ долгъ только предложить дѣло, и подать совѣтъ полезный; но что потребны всѣ хитрости риторическія, чтобы возбудить страсти въ равнодушныхъ судіяхъ, для которыхъ тяжба есть предметъ совершенно посторонній.

„Аристотель въ сочиненіи своемъ представилъ въ другомъ видѣ правила сихъ Писателей; нѣкоторыя онъ опровергнетъ, и почти ко всѣмъ присоединитъ умныя замѣчанія и важныя дополненія. Ты со временемъ прочтешь его; слѣдственно нѣтъ нужды о семъ говорить болѣе.“

Я неотступно просилъ Эвклида продолжать, — но тщетно; насилу онъ согласился отвѣчать на слѣдующіе вопросы. Принимаютъ ли Риторы правила Философовъ? — „Иногда отъ нихъ удаляются, а особливо когда правдоподобію отдаютъ преимущество передъ истиною.“ — Въ чемъ состоитъ первое качество Орапера? — „Онъ обязанъ быть искуснымъ Логикомъ.“ — Первая должность его? — „Показать, есть ли вещь, или нѣтъ ее.“ — На что особливо онъ долженъ обращать свое вниманіе? — „На то, чтобы для всякой матеріи находить средства убѣждать.“ — На сколько частей раздѣляется Рѣчь? — „Риторы принимаютъ много частей; но главныхъ считается четыре: Вступленіе, Предложеніе или Повѣствованіе, Доказательство, и Заключение; первую часть и послѣднюю можно также прочь отставить.“ — Я хотѣлъ было продолжать; но Эвклидъ извинился, и я насилу упросилъ его сказать еще нѣсколько замѣчаній о выраженіи,

(Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

Историческое извѣстіе объ Орлеанской Дѣвственницѣ.

Исторія не представляетъ женщины удивительнѣе *Анны д' Аркъ*. Ничего нѣтъ невѣроятнѣе, но нѣтъ ничего истиннѣе сего феномена. Правда, въ жизни ея встрѣчающіяся приключенія чудесныя, сверхъ-естественныя, которымъ можно было вѣрить въ ея время, и которыя нынѣ кажутся нелѣпыми: однакожь если оставимъ ихъ безъ вниманія, то все еще найдемся множество такихъ событій, которыя впрочемъ не сообразны съ общими правилами вѣроятности, но въ которыхъ не лзя сомнѣваться, по причинѣ неоспоримыхъ доказательствъ. Г. Шостаръ, Членъ многихъ Ученыхъ Обществъ, собравши въ одну книгу сіи доказательства, и все относящееся до *Анны д' Аркъ*, оказалъ полезную и пріятную услугу тѣмъ читателямъ, которые знаютъ Орлеанскую Дѣвственницу только по Вольперовой Поемѣ — а такихъ большая часть.

Вотъ главнѣйшія происшествія: — Карлъ VII былъ Королемъ Французскимъ только по титулу. Парижъ, Руанъ, Троя, Реймсъ, Лаонъ, Санли, Бове, словомъ — двѣ трети Франціи соспожали подъ власнiю Англичанъ, или держали ихъ сторону. Городъ Орлеанъ

готовился къ добровольной или принужденной сдачѣ; шестнадцати-лѣтняя крестьянка, родомъ съ береговъ рѣки Мозеля, является къ Вокулерскому Комменданшу, и рассказываетъ о себѣ, что принудитъ непріятелей опустить отъ Орлеана, и что проводитъ Карла VII въ Реймсѣ, гдѣ надлежало совершиться вѣнчанію на Королевство. Карлъ долженъ былъ ѣхать восемьдесятъ миль черезъ провинціи, занятыя непріятелемъ; сперва надлежало опустить у Англичанъ нѣсколько крѣпкихъ городовъ, въ томъ числѣ Троя, и самой Реймсѣ. Крестьянку сочли сумасшедшею, и не хотѣли слушать ее. *Анна* неопустимо требовала, и Коммендантъ принужденъ былъ отправить ее при письмѣ къ Королю, которой со всѣмъ Дворомъ находилась въ Блоа. *Анна* говорила предъ нимъ съ такою же непоколебимою твердостью. Положено было снабдить съѣстными припасами осажденныхъ въ Орлеанѣ; *Аннѣ* поручили исполнить намѣреніе. Она отправилась; передъ нею шли Священники, и пѣли гимны; солдаты, бывшіе въ уныніи отъ частыхъ поражений, ободрились. *Анна*, занявъ мѣсто между городомъ и непріятелемъ, доставила осажденнымъ нужную помощь; потомъ напала на Англійскія укрѣпленія. Сраженіе продолжалось четыре часа, и передовые окопы взяты приступомъ; на другой день взяты вторые и третьи. *Анна* подвергала

себя всѣмъ опасностямъ. При нападеніи на вторые окопы, Французы въ смятеніи побѣжали назадъ; *Анна*, не могши остановить ихъ, прикрывала отступленіе. Англичане погнались; *Анна* удерживала непріятелей; стыдъ остановилъ Французовъ, которые бросились на Англичанъ, и взяли укрѣпленіе. Оставался послѣдній окопъ, самой важной. *Анна* всю ночь провела безъ сна; это однакожь не помѣшало ей прежде всѣхъ явиться на приступъ. Получивъ рану въ горло, принуждена была оставить мѣсто сраженія. Французы опять пришли въ безпорядокъ, и Англичане думали, что очарованіе разрушено. Храбрый Дюноа, будучи упомленъ отъ непрерывнаго сраженія, почти цѣлой день продолжавшагося, уже хотѣлъ отступить; *Анна*, едва успѣвши перевязать рану, являясь и снова нападаетъ; непріятель видитъ себя принужденнымъ удалиться. Онъ дѣйствительно снялъ осаду 8 Мая 1429 года, оставивъ артиллерію, обозъ, больныхъ, и сѣстные припасы.

Вотъ слова изъ письма Герцога Бедфорта, тогдашняго Правителя Англїи и Франціи: „Прежде осады Орлеана Англичане во всемъ имѣли удачу; но послѣ сей эпохи десница Божія поразила ихъ ужаснымъ ударомъ; все несчастіе происходитъ отъ суевѣрнаго страха, поселяемаго въ Англійскихъ

солдатахъ „нѣкоторою женщиною, прямою
„ученицею Сатаны, — женщиною, соспа-
„вленной изъ адской персти, и называемою
„*Дѣвственницею*; она воуетъ съ помощію
„колдовства и дьявольскаго навожденія. Не-
„счастія и пораженія — продолжаетъ Гер-
„цогъ Бедфордъ — не только погубили боль-
„шую половину нашихъ войскъ, но и остав-
„шуюся привели въ крайнее уныніе; напро-
„тивъ того непріятели ободрились“ и проч.

По освобожденіи Орлеана, *Дѣвственница* сказала Карлу VII: „Государь! долго раз-
суждать не о чемъ; пришло время дѣйство-
вать; надобно ѣхать въ Реймсъ для приня-
тія вѣнца Королевскаго.“ — Отправились въ
Реймсъ, не имѣя ни денегъ для довольствованія солдатъ жалованьемъ, ни сѣбныхъ припасовъ для прокормленія ихъ, ни артиллеріи для покоренія городовъ, занятыхъ непріятелемъ. Когда подступили подъ Троа, котораго жители жестоко ненавидѣли Карла VII, *Анна* объявила, что прежде шрехъ дней Король войдетъ въ городъ; Реймскій Архіепископъ, которому такое обѣщаніе показалось весьма невѣроятнымъ, ошвѣчалъ: Даемъ тебѣ сроку семь дней; если успоишь въ словѣ, мы и тогда почтемъ себя счастливыми. — *Анна*, огорченная сомнѣніемъ, бѣжитъ къ городу, ставитъ знамя свое над орденомъ, и кричитъ: *подавайте фашины!* Жи-

шли отворяютъ ворота, и присягаютъ быть вѣрными своему Государю. Реймсѣ, Лаонѣ, Соассонѣ и Компьенѣ послѣдуютъ сему примѣру. *Анна* также счастливо сражалась во многихъ провинціяхъ. Въ Парижѣ она не имѣла удачи, и чуть-было не лишилась жизни. Когда Англичане вмѣстѣ съ Бургонцами, своими союзниками, вознамѣрились опять овладѣть Компьенемъ, *Анна* заперлась въ сѣмѣ городѣ; была взята на вылазкѣ, и продана Жаномъ Люксамбургомъ, Генераломъ Бургонскихъ войскъ, Королю Англійскому. *Анна*, желая избавишься отъ плѣна, выскочила изъ башни черезъ окошко, но была поймана и обложена оковами. Ужасно слушать, какія неисповѣдныя скорбленія терпѣла сія Героиня отъ Епископа Бовескаго, которой держалъ сторону Англичанъ. Парижскій Университетъ, находившійся тогда подъ властію Англій, попребовалъ, чтобы *Анна д'Аркъ* была судима за ересь, колдовство и сообщеніе съ діаволами. Ее сожгли, за мнимыя сіи преступленія, въ Руанѣ 1431 года.

Анна д'Аркъ не дѣйствовала въ сраженіяхъ никакимъ смертоноснымъ оружіемъ; подвергалась всѣмъ опасностямъ, но сама никого не поражала. Она, съ малымъ знаменемъ въ рукѣ, усипремлялась на непріятелей, и вела за собою Французовъ. Постоянная неустрашимость, швердая увѣренность въ

побѣдѣ, искусство въ оборотахъ, присутствіе духа — вошъ все ея оружіе, все очарованіе. „Я намѣрена выгнать непріятелей Короля моего — говорила *Анна*, — но не хочу никого убивать.“ — Когда Англичане отступили отъ Орлеана, Французы хотѣли за ними гнаться. „Не надобно — сказала *Анна*: пускай бѣгутъ; мы сдѣлали свое; за чѣмъ безъ нужды проливать кровь человѣческую?“ При осадѣ Жержо находился молодой Дюкъ Алансонскій, кошорой не за долго передъ тѣмъ женился. „Впередъ, Дюкъ! впередъ! кричала *Анна*: не бойтись ничего; я обѣщала Дюшессѣ Алансонской обратно привести васъ въ добромъ здоровьѣ.“ Такимъ образомъ она ободряла Французовъ!

Судя по тому, какъ *Анна* отвѣчала на вопросы, кошорые дѣланы ей были въ судѣ, надобно думать, что она имѣла умъ рѣдкій въ тогдашнемъ вѣкѣ.

(Изъ Фр. Журн.)

III.

Анекдоты изъ жизни Дюкло.

Дюкло родился 1704 года въ Динанѣ. По окончаніи учебнаго курса въ Парижѣ, онъ вознамѣрился было сдѣлаться Адвокатомъ, но

склонность къ Липшературѣ заставила его избрать другое поприще. 1739 года Дюкло принялъ въ Члены *Академіи надлисей и изящныхъ наукъ*, хотя тогда еще не издалъ ни одного изъ своихъ сочиненій. Въ 1747 *Французская Академія* удостоила его чести именоваться своимъ Членомъ. Мирабо, за старостию будучи не въ состояніи отправлять должность Безсмѣннаго Секретаря Академіи, хотѣлъ, чтобы Дюкло заступилъ его мѣсто, которое и предоставлено ему по согласію всѣхъ Членовъ; но Дюкло принялъ сіе мѣсто съ такимъ условіемъ, чтобы Мирабо по смерти своей жилъ въ Луврѣ, и пользовался пенсіею. Въ 1750 Лудовикъ XV назначилъ его Исторіографомъ Франціи, послѣ Вольтера, которой тогда расположился имѣть пребываніе свое въ Пруссіи.

Дюкло извѣстенъ былъ въ качествѣ человека справедливаго и честнаго. Недовѣрчивый Руссо говаривалъ: „Благодаря Г-на Дюкло, я теперь знаю, что справедливость и честность могутъ иногда быть вмѣстѣ съ ученостію.“ — „Въ то время, когда мой *Эмиль* уже ошданъ былъ въ типографію — повѣствуетъ Женевскій Гражданинъ — я читалъ Г-ну Дюкло *Исловѣданіе вѣры Савоярдскаго Священника*; онъ слушалъ спокойно и съ великимъ удовольствіемъ. По окончаніи чтенія, Дюкло спросилъ: Это содержишься

въ книгѣ; которую будутъ печатать здѣсь въ Парижѣ? Да — опвѣчалъ я: и по Королевскому приказанію. — Очень хорошо — прибавилъ Дюкло; однакожь ради Бога не сказывайте никому, что вы читали при мнѣ сей отрывокъ.“ — Безпокоясь о судьбѣ Жанъ-Жака, онъ представлялъ ему, какія несчастія навлечетъ эгошъ Эмиль; но тщетно. Одинъ Дюкло постоянно любилъ Жанъ-Жака въ то время, когда всѣ осторожные люди бѣгали отъ него, какъ отъ опаснаго сумасброда. За то Дюкло былъ одинъ же, котораго Руссо не ненавидѣлъ.

Дюкло любилъ говорить правду вглаза и заочно о комъ бы то ни было, и никакъ не могъ приучить себя къ присворству, которое часто бываетъ полезно въ общежитіи. Одинъ разъ, будучи нездоровъ, онъ велѣлъ позвать извѣстнаго Врача, котораго дарованія и искусство вездѣ выхвалялъ, но котораго не могъ перпѣть за его дурное сердце и поступки. Врачъ, приѣхавши къ больному, сказалъ: мнѣ очень пріятно быть достойнымъ вашей довѣренности; но сіе приглашеніе крайне удивляетъ меня, ибо извѣстно, что вы не можете смотрѣть на меня безъ отвращенія. — „Эго правда — опвѣчалъ съ живостію Дюкло: чтожь дѣлать! вишь и умереть же мнѣ не хочется!“

Дюкло обыкновенно вступался за Пирона, когда заходила рѣчь о принятїи его въ Члены Академіи. Извѣстно, что многіе почитали препятствомъ шому неблагоприсшояныя Пироновы стихотворенія. Дюкло отражалъ сей упрекъ слѣдующимъ образомъ : „Еслибъ здѣсь была Римская Академія, не уже ли не приняли бы въ Члены *Виргилія*, *Горація* и *Овидія* за то, что одинъ написалъ *Эклоги*, другой нѣсколько соблазнительныхъ *Одъ*, третій *Науку любитъ*? Ваши причины ни куда не годятся. Я не люблю Пирона, но уважаю его сочиненія.“

Сколько Дюкло старался, для чести Академіи, о принятїи Пирона въ Члены, столько прошивился, когда хотѣли оказашъ сіе опличіе кому-нибудь изъ шакихъ людей, копорые, не имѣя впрочемъ никакого права на кресла Академическія, долговременное искапельство вмѣняли себѣ въ заслугу. Одинъ знакомой просилъ Дюкло, чшобъ онъ подалъ голосъ въ пользу *Аббата Трюбле*, и прибавилъ къ шому, что *Трюбле* уже нѣсколько лѣшъ съ такою ревностію добивается сего мѣста, что даже сдѣлался опъ шого болѣнъ. „Академія учреждена не для больныхъ“ отвѣчалъ Дюкло.

Онъ больше любилъ *говорить*, нежели *болтать*. *Бесѣда* его состояла не изъ во-

просовъ и опвѣшовъ, часто ничего незна-
чущихъ; нѣшъ, съ рѣчью его лились — остро-
уміе, разительныя черты, слова, которыя
дѣйствовали на слушателей, и печатлѣлись
въ памяти. Сказавши свое мнѣніе, онъ да-
валъ волю говорить другимъ, и уже не мѣ-
шался въ разговоръ.

Дюкло не шутилъ ни надъ кѣмъ; язви-
тельные слова вырывались у него отъ чув-
ства негодованія противъ дурныхъ поступ-
ковъ. Многимъ извѣстно слѣдующее острое
изреченіе: *Un tel est un sot; ce moi, qui le dit,*
ce lui, qui le prouve. Такой — то глупецъ;
я говорю это, а онъ подтверждаетъ.

Онъ такъ не любилъ принужденно-
сти, что въ состояніи былъ оскорбить гру-
быми словами, лишь только бѣ отъ нее осво-
бодиться. Вотъ примѣръ. Одинъ изъ прі-
ятелей зовешъ его обѣдать, не сказывая,
что къ столу приглашенъ и Г. Калоннъ,
котораго Дюкло ненавидѣлъ. Докладываютъ
о прибытіи Калоння. Лишь только сей во-
шелъ въ комнату, Дюкло беретъ шляпу и
шпагу, подходитъ къ хозяину и говоритъ
громко: „Развѣ вы не знаете, что я не могу
быть вмѣстѣ съ этимъ человекомъ?“ по-
томъ идетъ вонъ, не дождавшись отвѣта.

Дюкло съ молодости любилъ сытно ѣсть
и пить хмѣльное, и всегда держался этой

привычки, не заботясь, что многіе почитали его человекомъ *дурнаго тона*, и что обыкновеніе пить вино въ хорошихъ обществахъ уже вышло тогда изъ моды (*).

Таковъ былъ характеръ человека, коимъ во Франціи считался первымъ изъ остроумцевъ, пока Вольперовы дарованія не заимали его славы. Дюкло добровольно призналъ Вольпера своимъ побѣдителемъ и, какъ говоритъ Лагарпъ, *échappa à la foiblesse trop commune de passer dans le parti de l'envie, quand on voit la gloire s'éloigner*. Дюкло провелъ вѣкъ свой счастливо, былъ всѣми уважаемъ, и осмался извѣстнымъ потомству въ качествѣ остроумнѣйшаго Французскаго Писателя.

(Изъ Франц. Смѣси.)

(*) Лагарпъ въ піесѣ, подъ названіемъ: *Тѣнь Дюкло*, изображаетъ его слѣдующимъ образомъ. Дюкло говоритъ самъ о себѣ:

Je suis véridique,
Peu courtisan, mais excellent buveur,
Très-bon convive, un peu brusque et parleur,
Et dans le vin surtout plein d'éloquence,
• • • • •
Piron et moi, de la vieille méthode
Nous fûmes seuls fidèles sectateurs
Et les derniers des beaux-ésprits buveurs.

IV.

С Т И Х И ,

*поднесенные Принцу Баварскому отъ
Общества глухо - нѣмыхъ, въ Парижѣ.*

Принцъ Баварскій въ Маѣ мѣсяцѣ посѣщалъ
разныя руководѣльни Института глухо -
нѣмыхъ. Когда пришелъ въ типографію, пи-
шомцы писнули и подали ему стихи, кото-
рые помѣщаются здѣсь въ подлинникѣ для
Читателей, разумѣющихъ Французской языкъ.
Принцъ былъ пронутъ до глубины сердца,
и увѣрялъ, что день сей пребудетъ въ па-
мяти его незабвеннымъ. Вотъ стихи :

En nous condamnant au silence,
La nature, malgré cette extrême rigueur,
N'a pu nous ravir le bonheur
De vous offrir, comme toute la France,
Respect, amour, reconnoissance,
Ami des malheureux, et des arts protecteur,
De Sourds - Muets vous aimerez l'hommage;
De leurs talens naissans c'est le plus cher ouvrage,
C'est l'interprète de leur coeur.

(Изъ Франц. Слѣси.)

V.

Безсмертіе.

Со Славой Зависть обитаетъ !
 Великій человекъ счастливымъ не бываетъ ;
 Искусство жишь — всю жизнь свою скрывать ,
 И въ смертный только часъ безсмертіе начать!
 М — 3.

VI.

С м ѣ с ь.

Вотъ рѣдкой примѣръ трудолюбія и бережливости : Одинъ человекъ , живущій въ Бешналь - Гринѣ (въ Англіи) , гдѣ всѣ называютъ его старымъ Томасомъ , ночью отправляетъ должность полицейскаго сторожа ; поутру , отдохнувъ одинъ часъ , идетъ работать на каменной заводъ , трудится весь день , и ввечеру возвращается къ ночной своей должности. Вообще онъ не спитъ въ сутки болѣе часа , выключая воскресные дни. Теперь сему человеку болѣе 60 лѣтъ. Онъ питается только хлѣбомъ и сыромъ ; ѣсть обыкновенно ходя , и ничего не пьетъ , кромѣ воды. Дѣятельность его чрезвычайна. По Воскресеньямъ ходитъ два раза въ церковь , и молился по большей части стоя. Посредствомъ столь удивительнаго трудолюбія Томасъ нажилъ довольно великую сумму денегъ , копорыми снабжаетъ прилѣж-

ныхъ ремесленниковъ, получая отъ нихъ самую малую прибыль.

(Изъ Великобрит. Газ.)

*

Маленькія дѣвочки, семи и осми лѣтъ, носятъ (въ Парижѣ) юпки не ниже колѣна; пятнадцать и шестнадцать лѣтнія одѣваются въ фуру, длиною до лодыжекъ. Такимъ образомъ стыдливоспъ примиряется съ пріятностію, и юпка уже не страшитъ любопытныхъ глазъ на гуляньѣ — но и не мѣшаетъ имъ замѣчать легкія, крошечныя ножки на балѣ. Женщины, переступившія за шестнадцатой годъ, носятъ робы съ шлейфомъ, копорыми ноги совсѣмъ закрываются. Въ старину въ Римѣ по одеждѣ можно было узнать возрастъ мужчины; въ наше время во Франціи по юпкѣ можно узнать возрастъ женщины!

(Изъ Модн. Журн.)

*

Нѣкто *Вислѣ* издалъ въ Парижѣ странное сочиненіе, подъ названіемъ: *Пасилогія*, или *Музыка*, разсматриваемая въ качествѣ повсемственнаго языка. Онъ находить въ Библии доказательство, что Богъ и Ангели въ разговорахъ не употребляли другаго языка, кромѣ *Музыки*, и выводитъ заключеніе, что люди, созданные по образу Божію, сначала выражали мысли свои пѣніемъ, и что нынѣшняя рѣчь есть уже слѣдствіе грѣхопаденія. Склады азбучныя Сочинитель за-

мѣняешъ ношами, слова шакшами, періоды арїями. Стоишь только соединишь ихъ — и выдешъ *языкъ повсемственный!* Французъ, Италїянецъ, Нѣмецъ, Англичанинъ — говоритъ Г. Сочинитель — каждой не зная другихъ языковъ, кромѣ природнаго, совершенно разумѣютъ себя, когда играютъ квартетъ; слѣдственно Музыка есть *повсемственный языкъ!* Доказательство неоспоримое; однакожь можно отвѣчать, что сїи господа, если бы вмѣсто Музыки научены были на примѣръ Лапинскому, или другому какому-нибудь языку, то вѣрно еще лучше разумѣли бы другъ друга. Но что значатъ всѣ языки мершвые и живые, въ сравненїи съ богатствомъ Музыки! Пять или шесть тысячъ словъ составляютъ нашъ Лексиконъ, между тѣмъ какъ Музыка содержитъ въ себѣ нѣсколько тысячъ милліоновъ различїй въ составленїи тоновъ! . . . Справнѣе всего мнѣніе Автора о славномъ пѣвцѣ *Гара*. Онъ говоритъ, что *Гара* поетъ какъ Ангелъ, слѣдственно *душа его*, когда оставитъ бренную одежду, *будетъ возноситься отъ одной октавы до другой*, пока достигнетъ небеснаго обиталища, гдѣ заставятъ ее пѣть первой голосъ въ хоръ праведниковъ!! —

* (Изъ Гамб. Жур.)

Французскіе Стихотворцы пустились сочинять эпическія поэмы; бредятъ въ стихахъ о побѣдахъ; оканчиваютъ походъ въ

одинъ день; взявши Ульмъ, Меммингенъ и Дирнштейнъ, ввечеру ожидаютъ побѣдителя на берегахъ Геллеспонта. Въ такомъ вкусѣ описано Аусперлицское сраженіе въ десяти пѣсняхъ. — Одинъ изъ новыхъ Эспешиковъ предписываетъ слѣдующій рецептъ для эпическихъ рифмопворцовъ :

„Возми какое-нибудь дѣйствіе, которое имѣло бы начало, средину и конецъ (а особливо *конецъ* всего лучше во многихъ эпическихъ поэмахъ); ограбь Французскую Газету, Парижскій Журналъ и другіе публичные листки; выведи какого-нибудь новаго пророка изъ школы Нострадамуса, взлети на небеса, примѣшай нѣсколько бурь, моровой заразы и другихъ народныхъ бѣдствій, а всего лучше чудесъ; все это расположи въ александрійскихъ стихахъ. Потомъ ищи себѣ чипапелей, копорые вѣрили бы всему, что имъ ни будешь пѣшь въ своей поэмѣ.

(Изъ Гамб. Журн.)

*

Въ 1805 году вышло новыхъ сочиненій: въ Англїи 800, во Франціи 1150, въ Германїи 4645! — Это служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что у трудолюбивыхъ Нѣмцовъ *выходитъ гернилъ* болѣе, нежели у какого-либо другаго изъ просвѣщенныхъ народовъ Европы.

ПОЛИТИКА.

I.

*Замѣтанія о войнѣ 1805 года, и о
Пресбургскомъ мирѣ.*

(Писаны однимъ Нѣмецкимъ Патриотомъ.)

Послѣ кратковременной, безпримѣрно несчастной войны, 26 Декабря 1805 года между Австріею и Франціею заключенъ миръ въ Пресбургѣ. Извѣстіе о немъ возбудило величайшую радость въ каждомъ, кто имѣетъ понятіе о бѣдствіяхъ, неразлучно сопряженныхъ съ войною, и кто зналъ о несчастныхъ произшествіяхъ послѣдней кампаніи. И какой другъ челоѣчества, принимающій въ судьбѣ своего ближняго участіе, какой патриотъ, видя любезное опечесство отъ собственныхъ сыновъ постыдно преданное власи надменнаго непріятеля, не долженъ былъ радоваться такому случаю? — Но радость сія могла ли быть продолжительна? никакъ! Ей надлежало кончиться потчасъ по объявленіи спашей мирныхъ. Спокойный, безприспиранный наблюдатель еще прежде былъ принужденъ сложить свою радость; отдавъ

долгъ чувствіямъ миролюбиваго , добраго сердца , и взвѣсивъ происшествія на вѣсахъ здраваго разума , онъ противъ воли своей ощутилъ желаніе , чтобы миръ совсѣмъ не сбылся , или по крайней мѣрѣ , чтобы онъ заключенъ былъ еще не такъ скоро.

Неоспоримо , что несчастной выборъ военачальниковъ и распоряженій съ Австрійской стороны , что хитрое умѣнье Французовъ пользоваться чужими ошибками , и счастье ихъ оружія довели Императора Австрійскаго до самаго крипическаго состоянія. Исторія едва ли можетъ представить примѣръ , сему подобный. Чье сердце не пронупо жалостію къ судьбѣ Императора Франца , которому — при всемъ усердномъ его желаніи озарить блескомъ вѣнецъ свой , и осчастливить подданныхъ — рѣдко удавалось достигать цѣли своихъ намѣреній. Не на одну только жестокую судьбу онъ долженъ жаловаться ; нѣтъ ! онъ долженъ обвинять людей , которые окружаютъ его , которые со всѣхъ сторонъ обманываютъ его , никогда не дають ему видѣть происшествія въ настоящемъ ихъ порядкѣ , и во всякомъ случаѣ дѣлаютъ его орудіемъ чужой воли. Время все опкрываетъ ; нѣтъ сомнѣнія , что оно обнаружитъ , какъ Англійская полиника дѣйствовала на нѣкошорую часть его Министерства. Извѣстно всему Свѣту , какія

услуги оказали ему Генералы — для чести и пользы Государя и отечества. На многихъ мѣстахъ они оставили памятники или своего невѣжества, или малодушія; самый огромный, вѣчный памятникъ ихъ поношенія стоишь — въ Ульмѣ.

Невѣроятно, чтобы измѣна и подкупленіе замѣшаны были въ числѣ происшествій; однакожь никогда простить не лзя, что съ такими силами, а особливо съ пышностію, которую приобрѣсти надлежало въ долговременную войну съ Французами, Австрійскіе полководцы допустили сдѣлаться тому, что случилось. Конечно, самой искусной военачальникъ и самое храброе войско могутъ быть побѣждены; историческія событія, а болѣе всего война семилѣтняя представляють тому неоспоримыя доказательства: но столь многія, столь частыя и такъ скоро одно за другимъ слѣдовавшія пораженія, претерпѣнныя Австрійцами въ послѣднюю несчастную войну, не надлежитъ приписывать непостоянству Фортуны; ибо самое непостоянство ея должно бы произвести, если не совсѣмъ прошивныя, по крайней мѣрѣ не столь бѣдственные слѣдствія.

Советъ, поданный о началіи новой войны, былъ обдуманъ весьма не хорошо; онъ

могъ только служить къ пользѣ Англїи; пошому что удалялъ отъ береговъ канала 200,000 человекъ Французскаго войска, и освобождалъ Англичанъ отъ мучительной боязни — хопя они наружно и шушили надъ планомъ высадки, и называли его несбыточнымъ. „Но сіе-то отдаленное положеніе большей и лучшей части Французскихъ войскъ развѣ не было побудительною причиною воспользоваться благопрїятнымъ временемъ, и отважиться на что-нибудь рѣшительное прошиву Франціи, которая безпрестанно усиливается и захватываетъ чужое?“ Вотъ что можно было бы представить себѣ, и даже съ нѣкоторою увѣренностію надѣяться. удачи, еслибъ спокойной, безпристрастной наблюдатель, обративъ вниманіе на удивительную поспѣшность и дѣятельность Наполеона и войскъ его, не имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ препятствій; ибо можно было предвидѣть, какъ и случилось, что Французскія войска прилешашъ на крыльяхъ вѣтра, и ударяшъ на непріятеля. Положимъ, что предпрїятіе было бы для Австрійцевъ благоуспѣшно, — все надлежало не забывать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло; надлежало сравниться съ Французами рѣшительностію и скоростію въ дѣйствїяхъ; надлежало поспѣшно подойти къ Рейну, ввести въ Швейцарію сильной корпусъ, и отшуда дѣйствовать прошивъ Фран-

ціи, а особливо искашь средствъ пробишься къ Ліону.

Также весьма полезно было бы раздѣлить силу Французовъ. Положимъ, въ чемъ и сомнѣваться не должно, что Французамъ удалось бы часть войска переправить черезъ Рейнъ, и пошѣснить назадъ Австрійцевъ; покрайней мѣрѣ Баварскія и Виршембергскія войска не могли бы соединиться съ Французскими, и непріятель не имѣлъ бы шѣхъ важныхъ выгодъ, которыя получилъ, занявши дружественныя земли. При храбромъ сопротивленіи Австрійцевъ, Россіяне подоспѣли бы къ назначенному мѣсту, и если бы прибытіе ихъ не дало рѣшительнаго перевѣса споронѣ Союзниковъ, покрайней мѣрѣ послужило бы сильною преградой дальнѣйшимъ успѣхамъ непріятели.

Если же не хотѣли, или не могли употребить способа выше упомянушаго — то есть съ поснѣшностію и силою пройти впередъ, и занять всѣ области до самаго Рейна; то было бы гораздо лучше, по крайней мѣрѣ безопаснѣе, вовсе не простирашь споль далеко своего движенія. Тогда Баварія и Виршембергъ не были бы раздражены, и если они прежде еще согласились взять сторону Франціи, то покрайней мѣрѣ не могли бы ни чемъ оправдать поступка споль непатріот-

пического. Тогда предстояла бы выгода въ скоромъ соединеніи съ большею частію Россійскаго вспомогательнаго войска; чрезъ по внутренняя сила значно увеличилась бы, сошпавивъ огромную массу, которую трудноѣ обойти, отрѣзать или разбить, нежели одинъ отдѣленной корпусъ. Еслибъ дождались сего времени, — еслибъ прикрыли, какъ должно, берега Инна, рѣки пограничной съ Баваріею, — еслибъ полководцы словомъ своимъ и примѣромъ умѣли ободрять храбрыхъ воиновъ: Французская спремительность разбилась бы о сію стѣну.

Впрочемъ извѣстно, что противъ Французовъ и тактики ихъ невыгодно вести войну шолько оборонительную; но было бы еще время идти впередъ искать непріятеля. Если онъ еще не переправлялся черезъ Дунай; по ему, можетъ быть, и никогда не удалось бы сдѣлать того, или покрайней мѣрѣ переправа стоила бы великихъ трудовъ и потерь въ людяхъ, а польза отъ труднаго перехода была бы неважна и непродолжительна. Положимъ, что Дунай оставался бы у него за спиною; тогда или Союзники ожидали бы его надъ Инномъ, или Баварія была бы театромъ сраженія, гдѣ рѣшить надлежало, Французамъ ли переправляться обратно за Дунай, или Союзникамъ за Иннъ. Въ первомъ случаѣ Союзники много, очень

много выиграли бы, потому что Французская самонадѣятельность должна была бы исчезнуть; во второмъ — то есть, когда бы Французы побѣдили Союзниковъ — вѣрно не хуже было бы того, что случилось. Если бы огромная масса въ сѣ рѣшительное сраженіе потерпѣла великой ущербъ, не уже ли непріятель находился бы въ лучшемъ положеніи, не уже ли онъ не былъ бы равно ослабленъ? Съ многочисленнымъ войскомъ никакъ не могло бы случиться того, что послѣдовало съ корпусомъ Вернека, или Макка. Въ случаѣ крайней нужды оно переправилось бы опять за Иннъ, и заняло бы мѣста, заблаговременно искусствомъ приготовленная, гдѣ получило бы нужное подкрѣпленіе, и гдѣ непріятель опять принужденъ былъ бы терять людей, и ослаблять силы свои, если бы захотѣлъ наступать на Союзниковъ.

Пускай никто не говоритъ, что бы опровергнуть мое предложеніе: „къ Французамъ безпрестанно приходили свѣжія войска; ихъ нельзя было ослабить!“ — Спрашиваю: развѣ Союзники не могли имѣть сихъ пособій? развѣ, по близости, не удобнѣе было имъ дополнять свое войско? — Въ самомъ дѣлѣ, Россійскія колонны успѣвали соединиться съ арміею. Мало ли сама Австрія имѣла способовъ дополнять недосташокъ? сколько войскъ находилось въ

разныхъ мѣстахъ Имперіи? какой помощи не лзя было ожидать отъ вооруженія храбрыхъ Венгровъ? какой поддержки не лзя было надѣяться отъ воинственнаго духа многихъ народовъ, подвластныхъ Австріи? Конечно, еслибъ люди сіи, искренно любящіе Императора своего и отечество, а особливо еслибъ Венгры, Богемцы, Тирольцы, Спирійцы и другіе, видѣли въ планѣ своихъ защитниковъ болѣе соотвѣтственности и силы — то даже и тогда, когда соединенная армія не одинъ разъ претерпѣла бы пораженіе, даже и тогда они не оставили бы своихъ, всѣ подняли бы оружіе, всѣ пожертвовали бы и жизнью своею и имѣніемъ, для избавленія отечества отъ опасности. Могли бы осмѣлиться хитрые Галлы, которые помнятъ еще — что въ соспоянїи сдѣлашь народъ раздраженный — могли ль бы осмѣлиться напасть на разъяреннаго льва? а еслибъ они и дерзнули, не повлеклоль бы такое безразсудство печальныхъ слѣдствій за собою?

Впрочемъ, еще не дошло бы до того, чтобы принимашь столь отчаянныя мѣры. Правда, и самой непримиримой врагъ Франціи долженъ согласиться, что Французскіе полководцы и солдаты храбры. Легкое и гибкое шѣло ихъ, — національная гордость ихъ, и врожденное честолюбіе, — удобно, иногда однимъ словомъ воспламеняемый энтузіазмъ, — ихъ любовь къ отечеству, —

ихъ образъ воспитанія, — ихъ знанія, хотя поверхностныя, но распространенныя на всѣ состоянія, — ихъ особливыя способности къ военнымъ наукамъ, — ихъ новая, утонченная тактика, — ихъ искусныя распоряженія и дѣйствія, — ихъ быспрота, даже бѣшеная опрометчивость при нападеніи, — ихъ расшоропность и присушествіе духа въ опасностяхъ, — ихъ отличное умѣнье вести перепалку, — вѣрная надежда на полученіе награды за услуги, — кропкое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, — дарованія, свѣдѣнія, духъ предпріимчивости и личная храбрость большей части изъ главныхъ предводителей, — долговременное упражненіе въ военныхъ подвигахъ, и привычка къ побѣдамъ: всѣ сіи и другія обстоятельствова помогаютъ Французамъ отличатся въ военномъ дѣлѣ.

Со всѣмъ тѣмъ Французы люди не сверхъестественные. Если взвѣситъ дарованія противъ дарованій, искусство противъ искусства, храбрость противъ храбрости, — тяжесть должна быть на обѣихъ сторонахъ одинакова. Пусть Нѣмецъ не гибокъ, не горячъ, — однакожь его не лъзя назватъ дурнымъ солдатомъ; ему нуженъ только хорошій полководецъ, безъ котораго и Французъ значилъ бы половину того, что онъ есть нынѣ. Австрійскія войска часто, даже въ революці-

онную войну, а особливо подъ предводительствомъ любимаго Эрцгерцога Карла, показывали блестящїе примѣры храбрости; Россїяне, твердые какъ сѣна каменная, давно уже славятся въ Мїрѣ воинскими доблестями. Такія войска, не бывъ раздѣлены на малые корпусы, съ искусными полководцами, имѣя передъ собою правое дѣло свое, за собою земли, обитаемыя добрыми, храбрыми жителями — такія войска не впустили бы Французовъ въ Австрію. Положимъ, что на границѣ они были бы принуждены уступить искусству и счастію многочисленнѣйшаго непрїятеля, — не уже ли не могли бы по крайней мѣрѣ зацѣпить столицу Нѣмецкой Имперїи? — Такъ! надлежало или поспѣшнѣе лѣстѣ на встрѣчу непрїятелю, или мужественно принять его на границѣ, — тогда Вѣна оставалась бы до сихъ поръ непобѣжденною дѣвственницею, и непрїятель не завладѣлъ бы областями. О! какъ много зависитъ отъ хорошаго плана!

Въ планѣ военныхъ дѣйствій Австрія, Россія и Англія положили не переходить черезъ Иннъ, или по крайней мѣрѣ не переходить до тѣхъ поръ, пока Русскіе не соединятся съ Австрійцами. Какая нужда была нарушать сію важную статью плана? Слѣпое ли самонадѣянїе было побудительною шому причиною, или зависливое желанїе

пожать лавры, и не допустить Россіянъ до участія въ славѣ и побѣдѣ: то и другое — признаемся не нарушая скромности — очень, очень неблагоприятно. Чувствуя свои силы, не надлежало терять изъ виду силъ прошивуположныхъ, а особливо въ такое время, когда прежнія раны, нанесенныя страшнымъ непріятелемъ, еще не закрылись.

Пускай не говорятъ: „За чѣмъ же Россіяне такъ долго медлили? за чѣмъ они не спѣшили соединиться?“ Возраженіе самое легкомысленное! Напроривъ того должно удивляться, какимъ образомъ военные корпусы могли такъ скоро придти изъ дальней стороны и въ несносную пору года. Они все сдѣлали, что можно было. Первая Россійская колонна пришла на мѣсто за три дни до назначеннаго времени. Еслибъ Австрія поступила сообразно заключенному условію; еслибъ войска ея дождались на Иннѣ покрайней мѣрѣ половины Россійскихъ вспомогательныхъ войскъ; еслибъ передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, храбрые, но утомленные походомъ, Россіяне имѣли время отдохнуть и подкрѣпиться — въ чѣмъ Французы, при всей поспѣшности своей, вѣрно не помѣшали бы имъ: то можно бы смѣло биться объ закладъ, что непріятель, даже съ помощію Баваріи, не сдѣлалъ бы того, чему, къ несчастію, мы были свидѣтелями.

Скажу болѣе: даже при всѣхъ ошибкахъ противъ плана не послѣдовали бы шаки бѣдствія, когдабъ выборъ палъ на другихъ начальниковъ. Справедливы или несправедливы слухи, которыми объяснись хотяшь, почему главное начальство поручено Макку: но въ томъ нѣтъ сомнѣнїя, что или слѣпоша, или особенныя причины побудили ввѣрить сему человѣку такую великую армію, и выславили его противъ искуснѣйшихъ и счастливейшихъ непрїятельскихъ полководцовъ. Можетъ быть Маккъ по теорїи хорошій воинъ, но на практикѣ до сихъ поръ онъ еще ни гдѣ не отличился. Правда, въ короткое продолженіе времени онъ дѣйствовалъ, какъ наѣздникъ, не несчастливо; однакожь лишь только выступалъ на сцену въ качествѣ военачальника, вездѣ и во всемъ имѣлъ неудачи.

Это происходило не такъ давно, чтобы можно было запомнить; воспоминаніе о прежнихъ неудачахъ должноствовало бы родить не малое сомнѣніе при выборѣ, потому что войска, будучи подъ начальствомъ такого предводителя, не могли твердо надѣяться на счастливые успѣхи. Не уже ли въ Австрійской арміи не было способнѣйшихъ Генераловъ? развѣ не было Эрцгерцога Карла, украшеннаго лаврами побѣды,

Карла, которой приобрѣлъ любовь и довѣренность всего войска? И здѣсь онъ сберегъ бы прежнюю славу свою, какъ сдѣлалъ въ Италіи — и благодарное опечесство въ другой разъ признало бы его своимъ избавителемъ. Въ планѣ положено дѣйствовать въ Германіи оборонительнымъ образомъ, въ Италіи наступательнымъ. Если это положено не въ шутку, то надлежало дать Эрцгерцогу гораздо болѣе войска. Лишь только увидѣли (и это можно было предвидѣть), что главная сила непріятельская идетъ противъ Германіи, надлежало тотчасъ призвать сего испытаннаго военачальника шуда, гдѣ угрожала большая опасность, и гдѣ служба его была нужнѣе. Положимъ, что важнѣйшія причины требовали, Героя, одержавшаго побѣду надъ *Моро*, выставивъ противъ его товарища, *Массены*; развѣ все таки не было, кромѣ Макка, другаго Генерала, которому можно бы поручить должность, столь важную и блестящую? Кто вздумалъ бы утверждать это, тому вѣрно не извѣстны записки Австрійскихъ походовъ. Я наименовалъ бы здѣсь многихъ достойныхъ мужей; но не хочу этого дѣлать, потому что отъ забвенія, или по незнанію могу не упомянуть о комъ-нибудь изъ нихъ, достойномъ споять на ряду съ другими. Впрочемъ, изъ всѣхъ Генераловъ можно бы взять одного *на удачу*; вѣрно и пог-

да не случилось бы такого несчастія. Если бы выборъ палъ на Макка по тайному дѣйствію непріятеля, то едва ли сей могъ бы что-либо выдумать для себя полезнѣе.

Мнѣніе очень суровое — по несчастію, оно оправдано событіемъ. Кажется, Маккъ самъ хорошо не зналъ, что должно дѣлать, и чего желать; духъ нерѣшительности распространился на всѣхъ подчиненныхъ Генераловъ. Безъ сомнѣнія, главная ошибка состояла въ томъ, что войско его слишкомъ *раздробили*, слѣдственно *ослабили*; непріятелю было не трудно вездѣ бить его, отрѣзывать, запирашь. Надлежало, какъ можно тѣснѣе, соединить всю его силу, и выставить противъ главнаго войска непріятельскаго. Пускай отдѣленные корпуса Французскіе могли пробиться въ томъ, или въ другомъ мѣстѣ; но ожидая Россіянъ, Австрійцамъ все нечего было бы страшиться: ибо, если бы дошло до главнаго сраженія, то малые корпуса непріятельскіе должны бы поспѣшно возвратиться къ арміи, или въ противномъ случаѣ подвергнуться опасности быть отрѣзанными, и попасться въ руки Союзниковъ. Если же соединенной Австрійской силѣ посчастливилось бы одержать что-нибудь рѣшительное надъ непріятелемъ: тогда увидѣли бы, что въ состояніи сдѣлать раздраженная Нѣмецкая храбрость, управляемая искуснымъ начальникомъ.

Слѣдствіемъ раздробленія войска на части была новая ошибка, а именно — раздѣленные корпусы не могли съ поспѣшною скоростію подкрѣплять себя взаимно, а особливо когда занятое положеніе казалось сомнительнымъ и опаснымъ. Отъ того произошло, что части, одна послѣ другой, были отрѣзываемы, и слабость всего войска отчасу увеличивалась. Никогда Французамъ не удалось бы окружать корпусы Австрійцевъ, и ловить ихъ, наподобіе согнанныхъ въ одно мѣсто звѣрей, если бы въ войскѣ было болѣе согласія и соотвѣтственности въ дѣйствіяхъ, и если бы части оказывали взаимную помощь.

Сіи-то самыя окруженія, въ которыхъ состояло главное искусство Французской тактики, и которыя подали случай Французамъ выдумать острое изреченіе, „будто они били Австрійцевъ болѣе ногами, нежели руками,“ — сіи-то окруженія и кажутся неизъяснимѣе, поспыднѣе всего, что ни случилось въ минувшую войну. Не лзя было взять въ руки нумера Вѣдомостей, безъ того чпобъ не найти въ немъ поноснаго извѣстія, что цѣлыя Австрійскіе корпусы, иногда многочисленные, отрѣзаны, окружены, принуждены положить оружіе. Согласимся, что нехотѣніе оказывать взаимную помощь и медленность Нѣмецкая должны были уступить Французской

ловкости и оборопливости; но почему же въ эшотѣ, а не въ другой какой-либо, походѣ случилось столько спранныхъ произшествій? Почему въ эшотѣ походѣ безпре-
 станно полагали оружіе? Когда начальникъ малаго корпуса, будучи окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ, и не надѣясь ни откуда помощи — вмѣсто того, чѣмъ съ безчеловѣчнымъ упорствомъ, безъ нужды терять людей долговременнымъ защищеніемъ, или насильственнымъ проломомъ, вмѣсто того, чѣмъ повинуюсь гордоспи и своенравію лишитъ государство людей, которые впредь могутъ быть ему полезны — когда такой начальникъ, не видя никакого средства ко спасенію, не имѣя никакой надежды, соглашается лучше сдаться на договоръ, нежели проливать драгоцѣнную кровь чело-
 вѣческую; тогда онъ исполняетъ долгъ свой. Но чѣмъ можно оправдать частыя сдачи въ прошедшую войну? Многие имѣли довольно силы, имѣли надежду пробиться, и смѣлымъ, рѣшительнымъ предпріятіемъ могли дать дѣламъ лучшее направленіе; но сего не сдѣлали. Духъ робости овладѣлъ всѣми; непріятелю, часто прикрывавшему слабость свою хитростями и хвастовствомъ, сподило только закричать *положи ружье!* — и ружья были уже на землѣ. Цѣлыя арміи, которыя клялись Государю и опечеству жертвовать за нихъ своею жиз-

нію, со стыдомъ и поруганіемъ отведены во Францію, а начальники ихъ въ добромъ здоровьѣ, но съ поношеніемъ, возвратились домой. На нихъ лежишь все бремя безчестія. Пускай Австрійское войско составлено отчасти изъ зброду разныхъ націй, пускай много находится въ немъ негодныхъ людей, пускай заслуга нижнихъ чиновъ рѣдко въ немъ, равно какъ и во многихъ другихъ арміяхъ, получаетъ награду и ободреніе; однакожь рядовые солдаты вообще храбры, и многіе изъ нихъ, освободившіеся отъ поноснаго плѣна, единогласно увѣряли — нѣкоторые со слезами на глазахъ, и скрежеща зубами — что они по волѣ своихъ начальниковъ принуждены были класть оружіе, не сдѣлавши ни одного выстрѣла.

Было бы весьма несправедливо всѣхъ упрекать въ шрусости — ибо многіе сражались съ отличною храбростію; однакожь печальныя происшествія войны ясно показываютъ, что число шрусовъ было велико. Давно уже извѣстно, что Австрійскіе Офицеры — опять не безъ исключенія — не ободряють подчиненныхъ собственнымъ примѣромъ; часто случалось, — и это не сказка — что они передъ сраженіемъ сдавали начальство храброму, но не довольно искусному Вахмистру, или Фельдфебелю, и спановились за фронтомъ какъ можно далѣе,

для сбереженія драгоценной своей жизни. Что должны чувствовать войска, видя себя жертвами, на смерть осужденными? Они заслуживаютъ еще уваженіе, что въ такихъ обстоятельствахъ могли много сдѣлать. Что же сдѣлали бы они, еслибы предводители собою показывали примѣры личной храбрости? Когда начальники не спрашались опасности, тогда и рядовые идутъ бодро; но когда Офицеры претупаютъ отъ робости, когда опрочью отступаютъ назадъ, — не распространился ли паническій страхъ въ цѣломъ войскѣ? Правда, Австрійскіе воины иногда храбро выдерживали такую огненную пышку, и безъ предводителей своихъ спояли крѣпко противъ непріятеля; однакожь всего чаще случалось, что корпусъ, не видя при себѣ начальниковъ, слѣдственно считая себя принужденнымъ сдаваться, съ негодованіемъ бросалъ оружіе; ибо въ такомъ случаѣ никому не хочется безъ надобности жертвовать своею жизнію, или здоровьемъ. Если иногда одинъ изъ Офицеровъ оставался вѣрнымъ должности своей и чести, такой погибалъ шѣмъ скорѣе, чѣмъ отличіе сражался, и солдаты немедленно теряли бодрость, потому что некому было заступить мѣсто убитаго начальника. Мнѣ сказывалъ одинъ Австріецъ, что подлѣ Гинцбурга цѣлой баталіонъ, имѣя при себѣ только одного Майора, началъ сраженіе, и будучи

одушевляемъ примѣромъ храбраго своего предводителя, сперва дрался весьма хорошо; но когда пушечное ядро сразило Майора, и некому было засупить его мѣсто, баталіонъ принужденъ былъ немедленно сдаться. Одинъ изъ моихъ пріятелей, при самомъ еще началѣ войны и несчастныхъ ея произшествіяхъ, не безъ причины говорилъ, что онъ совсѣмъ не ожидаетъ лучшихъ слѣдствій.

Сущая правда, что многіе Офицеры или совсѣмъ не хотѣли занимать постовъ, или рѣдко оставляли ихъ; даже до того доходило, что они въ солдатахъ возбуждали крайнее уныніе, не соглашаясь на усиленные прозъбы драться съ непріятелемъ. Въ доказательство тому приведу одинъ примѣръ, о которомъ я слышалъ отъ Австрійскаго Фельдфебеля; мужество и честность блистали въ глазахъ сего человека, когда онъ рассказывалъ мнѣ о постыдной прусости, съ яростію проклиная своихъ начальниковъ. Баталіонъ — въ которомъ служилъ сей Фельдфебель — имѣя при себѣ двѣ пушки, долженъ былъ защищать мостъ отъ Французовъ, стоявшихъ на другой сторонѣ. Австрійскіе Офицеры отправились въ ближній шинокъ, и тамъ прогоняли скуку. Солдаты нѣсколько разъ приходили съ прозъбою, чтобы дозволено было охотникамъ напасть на малой отрядъ Французовъ; но въ этомъ

было отказано на отрёзъ, „вѣроятно пошому — прибавилъ усачь съ плачевнымъ смѣхомъ — что дозволивши драться, одному изъ нихъ надобно было бѣ идти съ нами.“

Наконецъ *лять* конныхъ егерей, подѣхавши къ мосту, начали стрѣлять по Австрійцамъ. Дѣло шло не на шушку, и солдаты оная отправили посольство къ пирующимъ въ шинкѣ Офицерамъ съ прозьбою о дозволеніи прочинить наглыхъ задирщиковъ — и оная получили отказъ. Это крайне огорчило благородныхъ сыновъ опечесства; они видѣли, что явно предають ихъ непріятелю; чувствуя свое достоинство, и не шерпя униженія, всѣ вдругъ одушевились одинакою мыслію. Съ одной стороны зная, что законъ строго запрещаетъ вступать въ сраженіе безъ повелѣнія начальствующаго, — съ другой шерпя огорченіемъ, и не желая болѣе находиться подъ управленіемъ недоспойныхъ людей, они признали себя свободными отъ должности, опечесствомъ на нихъ возложенной, — всѣ въ одну минушу съ яростію бросили ружья, и (башаліонъ съ двумя пушками!!) опдались въ плѣнъ *ляти* Французскимъ егерямъ. Моженъ бытъ многіе изъ сихъ храбрыхъ, но несчастливыхъ воиновъ, приспавши къ сторонѣ Французской, удовлетворили свое мщеніе, и помогли истреблять бѣдныхъ своихъ одноземцовъ.

Дѣло возможное, что сей и другіе анекдоты несправедливы, или по крайней мѣрѣ полусправедливы; но слова всѣхъ Австрійскихъ солдатъ такъ громки, такъ согласны, что не лзя не имѣть вѣры къ ихъ справедливости. Положимъ, что Офицеры, или повинувась приказу высшаго начальства, или имѣя въ виду важнѣйшія причины, часто должны были не соглашаться на желаніе солдатъ своихъ; но будучи среди непріятеля, находясь въ опчаянномъ положеніи, не лучше ли, не славнѣе ли опважиться на послѣднее средство, и пробиться, чего бы то не стоило, а особливо если сами солдаты пылающъ ревностію сражаются? Такимъ образомъ начальникъ исполняетъ свою должность, и если онъ не можетъ часть войска сберечь для государства, по крайней мѣрѣ берегаетъ честь свою; — а честь должна быть для воина безцѣнною; потерявъ ее, не для чего жить на свѣшѣ. Такъ думали храбрые Эрцгерцоги Фердинандъ, Іоаннъ; такъ думалъ опважный Волфскель и нѣкоторые другіе Генералы. Но число сихъ благородномыслящихъ весьма невелико въ сравненіи съ шѣми, которые для спасенія жизни своей, и чтобъ еще нѣсколько времени пользоваться значными доходами изъ имѣній своихъ, немедленно сдавались на договоръ — хотя имѣли довольно силы, и могли, съ помощію благора-

зумной рѣшительности, спаси честь Монарха и свою собственную.

Постыднѣйшій изъ всѣхъ примѣровъ подалъ Маккъ, копорой въ званіи Главнана-чальствующаго сугубую имѣлъ обязанность отличиться, покрайней мѣрѣ доброю своею волею. Послѣ несчастнаго, но славнаго отступленія Эрцгерцога Фердинанда, и послѣ насильственнаго вторженія въ неутральную Прусскую область во Франконіи — вторженія, копораго никогда и ничемъ оправдать не можно — я предусматривалъ будущее, и говорилъ, что если Австрійцы не возмутъ мѣрѣ осторожныхъ и сильныхъ, то положеніе ихъ будетъ весьма сомнительно; многіе одинаково думали со мною. Но не могли ли Маккъ, не долженъ ли онъ былъ предъусмотрѣть это еще ранѣе? Весьма слабо защищая Дунай, дозволивъ непріятелю свободно переправиться, онъ былъ столько еще слѣпъ, что не предвидѣлъ опаснаго своего состоянія. Положимъ, что быстрое наше-ствіе непріятеля изъ Франконіи было единственною причиною несчастія Макка; онъ долженъ былъ тотчасъ догадаться объ опасности такого маневра, и ежели не хотѣлъ видѣть Французовъ у себя за спиною и на флангахъ, ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ со всевозможнѣйшею поспѣшностію отступить къ Австрійскимъ грани-

цамъ, соединишься съ Кинмайеромъ и Русскими войсками, и занявъ положеніе надъ Инномъ, дожидаться непріятеля, или же, еще лучше, со свѣжимъ подкрѣпленіемъ бодро иди къ нему на встрѣчу. Если это ему не вспало на умъ, — оставалось еще другое средство .сберечь себя; а именно, надлежало попятнуться къ Тиролю; засѣвши между горами, онъ могъ, ежели не совсѣмъ остановить Французовъ, покрайней мѣрѣ помѣшать имъ идти впередъ. Въ такомъ случаѣ непріятель едва ли осмѣлился бы приблизиться къ Австрійскимъ предѣламъ: ибо, положимъ что онъ, оставивъ многочисленный корпусъ передъ Тиролемъ, повелъ бы армію свою противъ Русскихъ и противъ Кинмайерова корпуса; тогда долженъ былъ бы опасаться, чтобы Маккъ не опрокинулъ упомянушаго корпуса, и не зашелъ бы въ тылъ главной арміи.

Но сей Генералъ ни о чемъ не заботился; бродилъ съ нерѣшительностію, или, лучше сказать, позволялъ себя перегонять съ одного мѣста на другое между Иллеромъ и Дунаемъ, позволялъ непріятелю громить, или брать въ плѣнъ отряды своей арміи, до тѣхъ поръ, пока самъ не попался въ разсавленные сѣти. Не смѣя дать главное сраженіе, онъ бросился съ *тридцати-тысячнымъ* корпусомъ въ Ульмъ, хотя зналъ,

что въ немъ не лзя держаться , и что из-шощенный сей городъ не въ состоянїи долго кормить столь многочисленное войско. Французы того и хопѣли ; поспѣшно окружили пойманныхъ лтицъ — и скоро потомъ начались переговоры о сдачѣ. Кто станешъ обвинять Наполеона , что онъ воспользовался обстоятельствомъ , и что выпустилъ осажденныхъ на волю , не за такую дешевую цѣну , какою хопѣлось бы имъ купить свободу ? Осаждающіе требовали , чтобъ Австрійцы положили оружіе и отдались въ плѣнъ — ни больше , ни меньше. Какъ смѣшнымъ ни казался хвастливой приказъ Макковъ — кто заговоритъ о сдачѣ , тотъ немедленно будетъ разстрѣлянъ — для шѣхъ , которые имѣли уже случай удивляться храброси сего Генерала ; однакожь онъ возбудилъ прїятныя надежды , по крайней мѣрѣ подавалъ причину думать , что изъ двухъ крайностей выбрана будетъ не безчестная. Но скоро слѣдствіе показало , сколь тщетна была и сія послѣдняя надежда. Поносной договоръ заключенъ , договоръ , по силѣ котораго Австрійцамъ , если въ шеченіе пяти дней ни откуда не получатъ помощи , дозволено выдти съ военными почестями (позолоченная пилюля !) , и потомъ положить оружіе. Офицеры могли возвратиться домой на честное слово — милость ,

для многихъ весьма непріятная! — прочіе оспались военноплѣнными.

Ожиданная помощь не подоспѣла; и откуда ей придти? развѣ Deus ex machina, или какая-нибудь Фея должна была помочь Генералу въ шѣсныхъ его общояпельствахъ? еще прежде срока исполненъ постыднѣйшій договоръ, возбудившій негодованіе въ цѣлой Германіи, даже въ цѣлой Европѣ. Почти тридцать тысячъ храбрыхъ воиновъ должны были пройти мимо рядовъ гордыхъ побѣдишелей, съ злою радостію взирающихъ на бѣдныя жертвы, пошомъ положить бесполезное оружіе у ногъ надменнаго непріятеля, и дать себя веспи во Францію. Многіе божились, что имъ казалось тогда, будто ведутъ ихъ на лобное мѣсто; многіе старые и молодые ратники, любящіе опечество и славу, рыдали; многіе, въ досадѣ, шакъ сильно бросали ружья, что шомполы изъ нихъ выскакивали. Чего другаго и ожидать надлежало, когда искры благороднаго честолобія и патриотизма погасли не во всѣхъ сердцахъ сихъ 30,000 воиновъ?

(Продолженіе въ слѣд. Нум.)

II.

Нота Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ Г - на Башера , поданная Регенсбургскому Сейму ().*

Нижеподписавшійся Повѣренный въ дѣлахъ Е. В. Императора Французовъ и Короля Италіи при генеральномъ Сеймѣ Нѣмецкой Имперіи получилъ отъ Е. В. повелѣніе объявить слѣдующее:

Ихъ В. Короли Баварскій и Виртембергскій , Государи самодержавные Регенсбургскій , Баденскій , Гессенъ - Дармштадтскій , Нассаускій и другіе первостепенные Князья Южной и Западной Германіи , вознамѣрились заключить между собою союзъ — коимъ обезопасилъ бы ихъ отъ неспокойства будущаго времени — и престоли бысть Чинами Имперіи.

Но велику положеніе , въ которое Пресбургской пракшашъ поставилъ Дворы союзные съ Франціею посредственнo , а Князей окрестныхъ и сопредѣльныхъ непосредственнo , не соответствующее нынѣшнему состоянию Имперіи ; но необходимость требовала

(*) Читатели увидятъ , сколь основательны причины , побудившія Французское Правительство къ насильственному уничтоженію Нѣмецкаго Союза. *Изд.*

для упомянутыхъ Дворовъ и Князей учредишь, по новому плану, систему ихъ отношеній, и шѣмъ уничижишь прошиворѣчіе, которое было бы всегдашнимъ источникомъ движеній, безпокойствъ и опасности.

Франція съ своей стороны — находя существенную пользу охраняшь миръ въ Южной Германіи, не сомнѣваясь, что въ ту самую минушу, когда приказала бы войскамъ своимъ переправиться обратно за Рейнъ, несогласіе, какъ неизбежное слѣдствіе прошивуположныхъ или неизвѣстныхъ, худо опредѣленныхъ и худо понимаемыхъ, отношеній, снова подвергло бы опасности спокойствіе народовъ, и можетъ бышь воспламенило бы войну на твердой землѣ, и кромѣ того будучи обязана споспѣшествовать благу своихъ сѣюзниковъ, и доставить имъ способы наслаждаться всѣми выгодами, которыя предоставлены имъ по трактату Пресбургскому, и которыя подтверждены ею — Франція въ составленномъ союзѣ не могла ничего другаго видѣть, кромѣ естественнаго слѣдствія и необходимаго дополненія сего трактата.

Уже съ давняго времени, послѣдовавшія одна за другими перемѣны, умножавшіяся отъ сполѣтія до сполѣтія, довели Нѣмецкую Констипуцію до того, что она сдѣлалась только шѣнью самой себя. Время перемѣнило всѣ ош-

вошенія силы и величія, сначала существовавшія между разными Чинами Конфедераціи, и между каждымъ изъ нихъ и *цѣлымъ*, котораго они частію составляли. Сеймъ перешалъ имѣть волю, которая была ему свойственна. Опрежденія Верховныхъ Трибуналовъ оставались безъ исполненія. Все показывало столь великую слабость, что Федеративный Союзъ ни за кого уже не могъ представить своего поручительства, а для сильныхъ служилъ только средствомъ несогласій и замѣшательства. Слѣдствія прое-крашной коалиціи (военнаго союза) довели сію слабость до самой крайности. Одно Курфиршество уничтожено присоединеніемъ Ганновера къ Пруссіи; одинъ Сѣверный Король присоединилъ Имперскую Провинцію къ прочимъ своимъ владѣніямъ; Пресбургской императоръ предоставилъ Ихъ В. Королямъ Баварскому и Виртембергскому, и Е. С. Курфирсту Баденскому полное самодержавство; безъ сомнѣнія другіе Курфирсты пошребовали бы себѣ такого же преимущества, и имѣли бы право шребовать его, но оно не можетъ согласоваться ни со словами, ни съ разумомъ Имперской Конституціи.

Почему Е. В. Императоръ и Король обя-занъ объявить, что онъ *болѣе не признаетъ существованія Конституціи Нѣмецкой*, но что признаетъ полное и независимое само-

державство каждаго изъ Князей, которыхъ области нынѣ составляютъ Германію, и что намѣренъ продолжать съ ними тѣ же сношенія, какія имѣетъ съ другими независимыми Государствами Европы.

Е. В. Императоръ и Король принялъ шишуль *Протектора Рейнской Конфедераціи*. Онъ сдѣлалъ это единственно для мирныхъ видовъ, и для того, чтобы посредничество его, постоянно употребляемое между слабѣйшими и сильнѣйшими, предотвращало всякаго рода несогласія и замѣшательства.

Такимъ образомъ удовлетворивъ драгоценнѣйшія выгоды своего народа и своихъ сосѣдовъ, употребивъ всевозможное стараніе о будущемъ спокойствіи Европы, и въ особенности о спокойствіи Германіи, безпрепятственно бывшей театромъ войны, уничтоживъ прошивурѣчіе, которое спавило народы и Государей подъ мнимое покровительство системы, существенно прошивной полишическимъ ихъ выгодамъ и практическимъ, Е. В. Императоръ и Король надѣется, что націи Европейскія перестанутъ слушаться тѣхъ, которыхъ хотятъ, чтобы война вѣчно продолжалась на твердой землѣ, — что войска Французскія, перешедшія за Рейнъ, обратно переправятся въ послѣдній разъ, и что народы Германіи будутъ видѣть только въ

Исторіи ужасную картину безпорядковъ, опустошеній и убійствъ, всегдашнихъ спутниковъ войны.

Е. В. объявилъ, что никогда не назначитъ предѣловъ Франціи далѣе Рейна, — и въ точности исполнилъ свое обѣщаніе. Теперь его единственное желаніе клонится къ тому, чтобы, употребивъ средства, которыя ввѣрены ему Провидѣніемъ, освободить моря, возратить вольность торговль, и такимъ образомъ обезопасить спокойствіе и благоденствіе Міра.

Подписано: Башеръ.

Регенсбургъ.

Августа 1 дня,

1806 года.

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Наконецъ дѣйствительно случилось то, чего Нѣмецкіе Папріоты ожидали съ болѣзненнымъ предчувствіемъ. Е. В. Францъ II сложилъ съ себя корону Нѣмецкой Имперіи. Въ печатномъ объявленіи, сообщенномъ всѣмъ уполномоченнымъ Министрамъ на Регенсбургскомъ Сеймѣ, упомянуты побудительныя причины сего поступка, и при концѣ

сказано : „Объявляемъ чрезъ сіе , что почи-
наемъ расщоргнутымъ союзъ , соединявшій
Насъ съ полишическимъ тѣломъ Нѣмецкой
Имперіи , — что по слѣдствію заключеннаго
Рейнскаго Союза почишаемъ Нашъ санъ Вер-
ховнаго Главы Имперіи , и съ нимъ сопря-
женныя обязанности, уничтоженными, и что
слагаемъ съ себя и корону Императорскую ,
кошорую до сего времени Мы носили , и
управленіе Имперіи , кошорое Мы на себя
приняли. — Освобождаемъ и увольняемъ ошъ
обязанностей , относительнo къ Намъ , за-
конному Главъ Имперіи , возложенныхъ Кон-
спишуціею на Курфирштовъ , Князей , Чи-
новъ , Членовъ , и въ особеннoсти на Верхов-
ныя Судилица и на всѣхъ служителей Им-
періи.“

И такъ Нѣмецкая Конспишущія исчезла.
Чины новаго Рейнскаго Союза безъ сопроти-
вленія поддались игу чужестранца , кошорой
разоряетъ ихъ области. Гдѣ теперь
искать старинной Нѣмецкой вѣрности , вза-
имной любви , кошорая соединяла Государей
съ подданными , шой благородной гордoсти ,
кошорая не могла даже помыслишь безъ ужаса
объ оковахъ порабощенія? Бонапарше сдѣлал-
ся совершеннымъ обладателемъ Южной и За-
падной Германіи ; нѣтъ сомнѣнія , что онъ
постарается шитло Прoшектора замѣнить
другимъ , и распространить свое локрови-
тельство на всю Имперію.

Нѣмецкія Государства, не принадлежащія къ Рейнскому Союзу, вооружаются съ великою поспѣшностію. Вообще, войска всѣхъ Державъ Европы находятся въ движеніи. Французы съ одной стороны идутъ къ Инну, съ другой къ Саксоніи и Вестфаліи. Кажется, Бонапарте военными приговорами намѣренъ испугать тѣхъ, которые не хотятъ признавать новыхъ распоряженій, сдѣланныхъ имъ въ Германіи. Дружба между Пруссіею и Франціею спановится опчасу холоднѣе. По трактату Рейнскаго Союза, сочиненному и подписанному въ Парижѣ, Курфиршество Бранденбургское, законно принадлежащее Королю Прусскому, и Курфиршество Ганноверское, которое онъ присвоиваетъ себѣ, уничтожены, равно какъ все, что прежде составляло Нѣмецкую Имперію; слѣдственно политика и выгоды обязываютъ Пруссію взять другія мѣры, совершенно противныя прежнимъ. Пруссія должна теперь помириться съ Англіею, и вступить въ тѣснѣйшую связь съ Австрійскимъ Правительствомъ. Когда спремительной пошкѣ угрожаетъ опасностію страна, жители должны единодушно заботиться о спасеніи, пока еще есть время; пусть некогда думаетъ, каждому особенно, о прибыточномъ обмѣнѣ полей, и о другихъ частныхъ пользахъ. . . .

Между тѣмъ какъ надежда на возстановленіе мира въ Европѣ очевидно исчезаетъ,

между тѣмъ какъ самъ Бонапарше знаетъ, лучше другихъ, какое слѣдствіе должны имѣть посшупки его — Монисёръ проповѣдуетъ, что скоро настанетъ общій порядокъ и тишина, что Австрія и Пруссія признали Рейнской Союзъ, что миръ съ Россіею будетъ подтвержденъ въ С. Петербургѣ, что Англійскій народъ желаетъ мира, и что болѣзнь Г-на Фокса есть единственнее препятствіе заключенію пракшапа. Это не что иное, какъ хитрая уловка, кошорую Бонапарше почелъ нужнымъ выдумать для того, чтобы склонить Дворы скорѣе признать сдѣланныя имъ перемѣны. Извѣстно, что болѣзнь Г-на Фокса ни мало не мѣшаетъ переговорамъ, и если Бонапарше, подражая Директоріи, клеветаетъ на нѣкошорыхъ Членовъ Тайнаго Совѣта, будто желающихъ мира; то дѣлаетъ это для того, чтобы сложить всю вину на Бриттанской Кабинетъ, и на мнимое разногласіе Членовъ, когда Негоціанторы, находящіеся нынѣ въ Парижѣ, не согласяшся принять его предложеній.

Не понятно, какой выгоды ожидаетъ для себя Французское Правительствіе, распущая вѣсти о миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ. Кто, зная нынѣшнія политическія обстоятельства, повѣритъ Монисёру, въ кошоромъ напечатано: „Всѣ плѣнные Австрійцы, находящіеся въ Виртембергскихъ

владѣніяхъ, гдѣ они задержаны были по причинѣ встрѣпившихся затрудненій, оппосительно исполненія спашей Пресбургскаго шракшаша, нынѣ оппущены, и возвращаются въ Австрію? — Всѣ Французскія войска великой арміи получили пупевыя расписанія, для возвращенія въ оппечество. — Корпусъ Маршала Нея переправившя черезъ Рейнъ при Новомъ Брейзахѣ. — Корпусы Маршаловъ Моршье, Бернадотта и Ожеро переправяшя черезъ Рейнъ по мосту въ Майнцѣ. — Корпусъ Маршала Су и разные конные оппряды перейдутъ черезъ Рейнъ подлѣ Спразбурга, а корпусъ Маршала Даву при Шпейерѣ. — Такимъ образомъ передъ окончаніемъ Сентября корпусы великой арміи выдутъ изъ Германіи, и *въ концѣ сего мѣсяца не оппается въ ней ни одного Француза.* — Вокругъ Парижа будутъ разбины лагеры для арміи, на все время праздниковъ. Въ лагерьхъ при Мѣдонѣ уже расположилось 12 баталіоновъ, которые стоятъ тамъ восемь дней.“ Въ *Публицистѣ* написано, вразсужденіи мира, слѣдующее: „Во всѣхъ сердцахъ ожила надежда на возспановленіе общаго спокойствія, и мы не сомнѣваемся, что мощный *геній*, преодолѣвшій шакое множество трудностей, и одержавшій столько побѣдъ, успѣетъ наконецъ возвращишь миръ Европѣ.“ — *Журналъ*, шакъ называемый *Парижскій*, гла-сисшъ: „Богъ знаетъ чего не выдумываютъ

объ Австріи и Пруссіи; а того не упоминаюшъ, что Францію съ Пруссіею соединяющъ тѣснѣйшая дружба, — что несогласія съ Австріею, происшедшія по поводу занятія Кашшаро, совершенно уничтожены мирнымъ трактатомъ съ Россіею, и что Австрійскій Императоръ и всѣ Нѣмецкіе Государы признали Рейнскую Конфедерацію. . .“ — Если Бонапарше не видишъ никакихъ препятствій къ скорому возстановленію общаго покоя въ Европѣ, на что велѣлъ вновь набрать 80,000 рекрутъ? Хошя Французское Правительство и хочетъ увѣрить, что сей наборъ не означаетъ никакихъ предпріятій, что въ самыя спокойныя времена онъ былъ бы нуженъ для исправленія службы, и что по этому не должно ничего заключать ни о войнѣ, ни о мирѣ; но самое объясненіе сіе обнаруживаетъ умыселъ. За чѣмъ Франція умножаетъ войска свои, когда сама признается, что не съ кѣмъ ей сражаться? — Прокламаціи Императора Франца II, объ отреченіи отъ Нѣмецкой Короны, ясно показываютъ, что мѣры, имъ принимаемыя, суть слѣдствія нужды, а не свободной воли. Положеніе, въ кошоромъ находишся Австрія, есть самое непріятное. Не смотря на то, всѣ ея движенія заславляюшъ догадываться, что и она не долго будетъ оставаться въ политическомъ бездѣйствіи. Безпрестанно опправляюшъ внизъ

по Дунаю множество бомбъ и ядеръ въ Леопольсшадшъ, назначенный быть главнымъ Депо Австрійской Монархіи; учреждающіяся огромныя магазины въ Моравіи на Шлезскихъ границахъ; артиллеристы получили повелѣніе со всевозможною поспѣшностію приготовить 8,000,000 пушечныхъ зарядовъ, и 22,000,000 патроновъ. Ежели правда, что ни одного Француза не останется въ Германіи, то почему до сихъ поръ не только еще крѣпость Браунау не отдана Австрійцамъ, но даже правой берегъ рѣки Изонцо недавно заняли Французскія войска? Ежели правда, что Францію съ Пруссіею соединяетъ тѣснѣйшая дружба, то прошивъ кого идутъ ополченія сей послѣдней Державы? что значить Сѣверный Союзъ, къ копорому, по объявленію Монисѣра, присоединяющіяся Государя Сѣверной Германіи?

Достойна примѣчанія статья, напечатанная въ Англійскомъ Журналѣ Morning Post, гдѣ между прочимъ предсказано, какія мѣры приметъ Россія, относительно мирнаго трактата, заключеннаго въ Парижѣ. „Пониженіе цѣнъ на бумажныя наши деньги приписываемъ двумъ причинамъ: во первыхъ, въ Булони опять дѣлаются приготовления къ высадкѣ въ Англію; во вторыхъ, вѣроятно, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ не утвердитъ трактата, прошивнаго выгодамъ Рос-

сіи, тракшаша, при заключеніи кошораго пересступлено за предѣлы даннаго полномочія. Начинающѣ думашь, что успѣхъ мирныхъ переговоровъ не такъ важенъ, какъ прежде полагали, и надежда на выгодный миръ совершенно исчезла съ шѣхъ поръ, какъ утренняя газета, почишаемая Министерскою, объявила, что *Лордъ Лаудердаль* отправляется въ *Парижъ* единственно для того, чтобъ узнать истинныя наклонности Французскаго Правительства, узнать затрудненія, встрѣтившіяся въ продолженіе переговоровъ, — ибо извѣстно, что личное присутствіе гораздо лучше тому поможетъ, нежели сношеніе чрезъ письма. Замѣчанія, въ той же газетѣ напечатанныя, клонятся къ тому, чтобы удостоверить, что миръ съ Россіею никакъ не можетъ сбыться; ибо замыслы человека, управляющаго Франціею, противны выгодамъ Россійской Имперіи. Военная сила и множество способовъ могутъ склонить на сторону Бонапарте всы могущества; но малѣйшее несчастіе можетъ также разрушить Государство, которое, безпрестанно думая о разширеніи, нерадитъ о способахъ приобрести искреннюю и связанность своихъ Союзниковъ.“

✱

По письмамъ изъ Мадрида видно, что Испанское Правительство велѣло собрать

армію изъ 40,000 человекъ, которая немедленно отправится должна въ походъ — но еще неизвестно куда. Въ Лондонскихъ публичныхъ листкахъ содержатся любопытныя подробности о предполагаемыхъ переменѣхъ вразсужденіи Испанскаго Королевства. Сказано между прочимъ, что изъ Бискаи, Наварры, Каталоніи, и половины Арагона будетъ составлено особое Королевство для Князя Мира, и что Король Испанскій въ замѣну сихъ Провинцій получитъ Португаллію. Въ одной утренней газетѣ напечатано, что пока Бришпанская кровь будетъ печь въ жилахъ Министровъ, до тѣхъ поръ станутъ препятствовать уничтоженію Португалліи, старинной и вѣрной союзницы Англійскаго Королевства. По сей причинѣ Лордъ Сен-Винсентъ и Генералъ Симсое съ высадными войсками отправились къ устью рѣки Тага, для защищенія Португальскаго Королевства.

✱

Пишутъ изъ Америки, что Генералъ Миранда имѣетъ многихъ сообщниковъ на островѣ Тройцы, и что, съ помощію приверженныхъ къ нему жителей, онъ надѣется получить важные успѣхи. Вотъ прокламація его къ жителямъ Тройцы:

„Друзья и соотечественники! Знаменитый случай предстоитъ избавить отъ

угнетенія , и освободитъ отъ ига самовластнаго Правительсва народъ , достойный лучшей участи , народъ , которому надлежало бы наслаждаться всѣми благами , испощенными Провидѣніемъ для прекраснѣйшей страны въ Мірѣ , но которой носитъ на себѣ оковы деспотизма жесточайшаго , нестерпимаго. Сей народъ , угнетенный бѣдствіями , съ распростертыми объятіями ждетъ шѣхъ , которые вооружаясь для защищенія справедливости и свободы ; онъ проситъ васъ принять участие въ славномъ подвигѣ , и возвратитъ счастье и независимость подобнымъ вамъ людямъ. — Поспѣшите соединиться подъ хоругвию вашего соотечественника , твердо вознамѣрившагося избавить свою родину , и пролить кровь свою до послѣдней капли для счастья отечества , котораго онъ не забывалъ ни на одну минушу во все продолженіе своей жизни ! — По прошествіи года , будете сдѣланъ раздѣлъ полей каждому по чину , и рядовые солдаты , начиная со дня вступленія въ службу , начнутъ получать пищу , одежду и по четверти пѣспра безъ вычета. — А вы , храбрые волонтеры , съ благородною рѣшительностію вызвавшіеся раздѣлять съ нами славу и успѣхи ! немедленно слѣдуйте за Офицерами , которымъ ввѣрено начальство надъ вами , и которые нестерпиво желаютъ вести васъ къ побѣдѣ и оча-

стію. Заливъ, открытый Колумбомъ, и прославившій имя его на вѣки, скоро будетъ свидѣтелемъ вашего мужества и вашихъ подвиговъ.“

✱

Несчастливые жители Калабріи жестоко отмщаютъ мучителямъ своимъ за ихъ насильства. Они лишаютъ жизни всѣхъ Французскихъ солдатъ, которые попадающа къ нимъ въ руки. Вдова одного начальника инсургентовъ, именемъ Родіо, разстрѣляннаго въ Неаполѣ, собрала корпусъ защитниковъ, которой названъ *корпусомъ отпущенія*. Разъяренные Калабрійцы, поймавши Полковника и Поручика Польскаго Легіона, сожгли ихъ живыхъ; одного Епископа предали мучительной смерти за то, что онъ съ духовенствомъ своимъ встрѣчалъ Іосифа Бонапарте. Множество жителей присоединилось къ Англійскому Генералу Стуарту, которой съ войсками находится теперь въ Калабріи. Іосифъ Бонапарте приказалъ поступать съ жителями сей Провинціи по всей строгости военныхъ законовъ. Массена ведетъ свой корпусъ для подкрѣпленія Генераловъ Ренье и Вердье, которые находились въ самомъ критическомъ положеніи.

✱

Недавно писали въ разныхъ публичныхъ листкахъ о кровопролитномъ сраженіи, происходившемъ въ окрестностяхъ Бореча, между Турками и Сербами; послѣдніе, подъ предводительствомъ начальника своего Миллинко, одержали побѣду; 4000 Турковъ осталось на мѣстѣ сраженія. Теперь въ Брюннской газетѣ напечатано извѣстіе о новой важнѣйшей побѣдѣ Сербовъ надъ Турками при рѣкѣ Дринѣ, вѣроятно подъ начальствомъ самаго Георга Чернаго. Турковъ убито 9000, въ томъ числѣ шрое Пашей. Значная добыча досталась въ руки побѣдителей.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ, 1806.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Греческихъ Риторахъ и Риторикѣ.

(Окончаніе.)

Какъ ни богатъ Греческой языкъ — казалъ я: однакожь ны вѣрно замѣшилъ, что выраженія у васъ не всегда соответствуюшъ мысли. — „О, конечно — опѣчалъ Эвклидъ: мы пользуемся правомъ первыхъ изобрѣтателей языка; дозволяемъ себѣ употреблять на удачу новыя слова, кошорыя выдумываемъ сами, или производимъ опъ другихъ словъ извѣстныхъ. Иногда къ подлинному значенію употребляемаго слова мы прибавляемъ еще смыслъ иносказательный, или изъ двухъ словъ составляемъ одно; но сія послѣдняя вольность болѣе свойственна Поэтамъ, а особливо шѣмъ, кошорыя сочиняюшъ Диѳирамбы. Впро-

чемъ , новости вводить надлежитъ не иначе какъ съ крайнею оспорожносшю ; народъ принимаетъ ихъ шолько въ такомъ случаѣ , когда онѣ сошвѣшсшвуютъ с в о й с т в у языка .

„Изящество реченія состоитъ въ зву-
кѣ , кошорой оно даетъ слышать , и въ зна-
менованіи , кошорое оно въ себѣ содержитъ .
Все , что оскорбляетъ спыдливость , все , что
прошивно вкусу , должно быть изгнано изъ
сочиненій.“ — Однакожь — сказалъ я — нѣ-
кто изъ вашихъ Писателей не пола-
гаетъ никакой разницы между словами ,
ушверждая , что мысль всегда будетъ имѣть
одинакое дѣйствіе , какимъ образомъ ее ни
выразишь . — „Онѣ ошибается — опвѣчалъ
Эвклидъ : изъ двухъ словъ , предложенныхъ
на выборъ , одно приличнѣе и благопристой-
нѣе , нежели другое ; одно заставляетъ уга-
дывать мысль , другое совершенно обьяс-
няетъ оную .

„Мы имѣемъ слова собшвенныя и пере-
носныя , простыя и сложныя , Греческія и
чужеземныя ; однѣ возвышеннѣе и красивѣе ,
нежели другія , пошому что онѣ возбуж-
даютъ въ насъ понятія , болѣе возвышен-
ныя , болѣе пріятныя ; наконецъ еспь слова
шоль низкія , шоль прошивныя слуху ,
что ихъ никогда не должно употреблять ни
въ стихахъ , ни въ прозѣ .

„Изъ словъ, соединяемыхъ различнымъ образомъ, составляются періоды, одночленные, двучленные, причленные и четырехчленные.

„Рѣчь не должна состоять изъ сцепленія полныхъ, размѣренныхъ періодовъ, какіе видимъ въ сочиненіяхъ Горгіаса и Исократа, — ниже изъ реченій короткихъ, опривисныхъ, какія находимъ у Древнихъ. Первые упоминаютъ умъ, послѣднія прошивны слуху. Мѣшай періоды короткіе съ длинными, — тогда слогъ швой будетъ отличашься искусствомъ и вмѣспѣ простошою; онъ даже получишъ характеръ величія, когда послѣдній членъ періода будетъ длиннѣе первыхъ, и когда оней окончится однимъ изъ шѣхъ долгихъ слоговъ, на которыхъ голосъ ошдыхаетъ.

„Прилигностъ и ясностъ суть два главныя качества выраженія (élocution). Давно уже примѣчено, что выражатъ высокія мысли низкимъ словами, и напрошивъ мысли обыкновенныя словами высокопарными, значило бы шоже, что обладашеля Міра одѣшь въ рубище, или на простолюдима возложишь порфиру. Замѣчено также, что душа имѣетъ разныя средства изъясняшья, зависящія отъ различія состояній, въ которыхъ она пребываетъ, шо есть ошъ движенія или покоя, — что

языкъ старика не сходствуетъ съ языкомъ юноши, и что сельскіе жители говорятъ не такъ, какъ городскіе. Изъ того слѣдуетъ, что выраженіе (diction) должно быть различное, соответствующее свойству и качеству того, кто говоритъ, и того, о комъ говорится, — соответствующее предмету Рѣчи и обстоятельствамъ говорящаго. Изъ того слѣдуетъ также, что слоги пѣнической, прозаической, исторической, разговорной существенно не сходствуютъ между собою, и что даже нравы и склонности Писателя примѣтнымъ образомъ дѣйствуютъ на слогъ его во всѣхъ родахъ сочиненій. — Ораторъ и Писатель должны предварительно научиться своему языку. Если ты не наблюдаешь грамматическихъ правилъ, часто можешь случаться, что я не пойму твоихъ мыслей. Употреблять двузначительныя реченія и бесполезныя объясненія, — безъ нужды полагать союзы, которыми связываются члены періода, — смѣшивать число множественное съ единственнымъ, — не обращать вниманія на различіе, недавно установленное между мужскими именами и женскими, — означать однимъ словомъ впечатлѣнія, производимыя двумя разными чувствами, и употреблять глаголъ *видѣть* относительно и ко зрѣнію и ко слуху, — разбрасывать, по примѣру Гераклиша, слова такъ, чтобъ читатель не могъ догадаться, гдѣ Авторъ хотѣлъ спа-

вишь знаки препинанія : всѣ сіи недоспашки дѣлають слогъ темнымъ. Неясность бываетъ еще болѣе сдущительна , когда излишнія прикрасы и длина періодовъ развлекають вниманіе читателя, и не даютъ ему времени опдохнуть, или когда, въ быспромъ порывѣ, мысль уходитъ отъ его наблюденія, подобно бѣгунамъ ристалищнымъ, которые мгновенно скрываются отъ глазъ зрителя.

„Ни что столько не дѣлаеть слога яснымъ, какъ употребленіе словъ, всѣмъ извѣстныхъ; но если всегда сщанешь полагать ихъ въ обыкновенномъ значеніи, то слогъ твой будетъ низокъ; можно возвысить его новыми оборотами и словами переносными.

„Въ прозѣ движеніе должно быть основано на очевидной мѣрности, однакожь не на шѣй, которая принадлежитъ стихотворству. Большая часть Писателей не дозволяетъ мѣшать стиховъ съ прозою, доказывая мнѣніе свое правиломъ, которое всегда надлежитъ имѣть передъ глазами, а именно, что искусство должно быть закрыто, и что Авторъ, если хочеть распрогать меня или убѣдить, обязанъ скрывать свое намѣреніе. Стихи же, разсѣянные въ прозѣ, показываютъ принужденность и домогательство.“ — Какъ! — сказалъ я: ежели въ восторгѣ

случишься написать стихъ, не уже ли надобно выбросишь его, и шѣмъ ослабишь мысль? — „Если написанное походитъ на стихъ — отвѣчалъ Эвклидъ: пускай остается; выраженіе дѣлается красивѣе; но если выльется стихъ правильный: разрушь его, и составь изъ обломковъ періодъ, который будетъ отъ того доброзвучнѣе. Многіе Писатели, и самъ Исократъ, подвергнулись порицанію за то, что не остерегались отъ сей погрѣшности.

„Гликерія, плещи вѣнокъ свой, менѣе заботишься о расположеніи цвѣтовъ, нежели Авторъ, имѣющій нѣжное ухо, о добротвѣ звуковъ. На это есть множество правилъ, — умолчу о нихъ; упомяну только объ одномъ, которое бываетъ предметомъ частыхъ споровъ. Можно ли сряду спавишь два слова такія; изъ которыхъ одно оканчивается, другое начинается одинакою гласною? Исократъ и ученики его тщательнѣе остерегаются отъ подобнаго спеченія; Демосѣенъ равнымъ образомъ часто избѣгаетъ его; Фукидидъ и Платонъ рѣдко; Криптики строго велятъ беречься сей погрѣшности; нѣкоторые допускаютъ исключенія, и говорятъ, что такое строгое правило иногда вредило бы важности выраженія.“

Я слышалъ — сказалъ я — о разныхъ родахъ слога, каковы, на примѣръ, благород-

ной, важной, простой, пріятной, и такъ далѣе. — „Оставимъ Риторамъ — опивчалъ Эвклидъ — опредѣляшь разныя свойства слоговъ. Я вмѣспилъ ихъ въ двухъ словахъ: ежели въ твоёмъ выраженіи сохранены ясность и прилижность, ежели соблюдена въ немъ точная соотвѣстственность между словами, мыслями и содержаніемъ; то болѣе нечего требовать. Вникнувши въ сіе правило, не станешь удивляться тому, что буду говорить далѣе.

„Судебное краснорѣчіе существенно отличается отъ употребляемаго въ Рѣчахъ, произносимыхъ къ народу. Оратору прощаютъ погрѣшности и повторенія, которыхъ не прощаютъ Писателю. Рѣчь, которую хвалили въ собраніи народа, не имѣла равнаго успѣха при чтеніи, отъ того что въ первомъ случаѣ помогало ей дѣйствіе (*); другая Рѣчь, написанная съ возможнымъ тщаніемъ, не понравилась собранію, если опняшь отъ нее дѣйствіе. Выраженіе, плѣняющее насъ великолѣпіемъ своимъ, становится до крайности холоднымъ, когда нѣтъ въ немъ доброгласія, когда Авторъ не скрылъ своихъ требованій, и когда — скажу словами Софокла — онъ слишкомъ надуваетъ щеки свои, играя на малой свирѣлкѣ. Слогъ многихъ Оракторовъ

(*) L'action, то есть голосъ и тѣлодвиженіе.

несносенъ отъ встрѣчающихся стиховъ и сложныхъ именъ, занятыхъ у Поэзии. Алкидамасъ досаждаешъ множествомъ излишнихъ прилагательныхъ, а Горгіасъ непонятными метафорами, весьма далекими отъ собственнаго значенія. Излишество въ гиперболахъ разливаетъ смертной хладъ въ душѣ читателя. Какъ не смѣяться надъ Авторами, которые не знаютъ различія между слогомъ сильнымъ и принужденнымъ, и которые мучатся, выдумывая высокія реченія? Одинъ изъ нихъ, говоря объ утесѣ, которымъ швырнулъ Полифемъ въ корабль Улиссовъ, сказалъ: „Видѣли козъ, спокой-
„но пасущихся на семъ утесѣ въ то время,
„когда онъ летѣлъ, разсѣкая воздухъ.“

Я замѣтилъ злоупотребленіе фигуръ — сказалъ я: можетъ быть, надлежало бы совсѣмъ изгнать ихъ изъ прозы, какъ уже и дѣлаютъ нѣкоторые новые Писатели. — „Слова собственные — ошвѣчалъ Эвклидъ — составляютъ языкъ разума; слова, употребляемая въ переносномъ смыслѣ, суть языкъ страсти. Разумъ рисуетъ картину, умъ набрасываетъ на нее легкія прикрасы, страсть даетъ ей жизнь и движеніе. Душа, которая хочетъ, чтобы мы дѣлили съ нею чувства ея, призываетъ себѣ въ помощь всю Природу, и творитъ для себя новый языкъ. Находя въ окру-

жающихъ предметахъ сходства и противоположности, она изъясняется фигурами, изъ которыхъ главнѣйшія заключаются въ одной, а именно въ *улодобленіи*. Когда говорю, *Ахиллъ стремится какъ левъ*, — дѣлаю сравненіе; *Ахиллъ легчайшій вътра* — это гипербола; неустрашимость его противопологаю *Верситовой робости* — выходитъ антитеза. Такимъ образомъ сравненіе сближаетъ два предмета; метафора сливаетъ ихъ; гипербола и антитеза раздѣляютъ ихъ, сдѣлавъ прежде сближеніе.

„Сравненія болѣе приличны Поэзій, нежели прозѣ; гипербола и антитеза болѣе Словамъ надгробнымъ и похвальнымъ, нежели судебнымъ и произносимымъ къ народу. Метафора свойственна всѣмъ родамъ сочиненій и всѣмъ слогамъ. Она придаетъ выраженію какую-то необычайность; мысли, всѣмъ извѣстной, даетъ видъ новости. Цицеронъ на минушу останавливается, и сквозь легкую завѣсу немедленно усматриваетъ отношенія, которыхъ Сочинитель скрылъ единственно для того, чтобы доставить ему удовольствіе, получаемое отъ угадыванія. Недавно мы удивлялись одному Автору, которой старость уподобилъ соломѣ. „Стебель прежде опягченъ былъ колосьями; нынѣ безплоденъ, близокъ къ разрушенію.“ Однакожь сія эмблема принята, потому что она од-

ною чертою изображаетъ переходъ отъ цвѣтущей юности къ состоянію дряхлаго старца.

„Удовольствія ума происходятъ отъ нечаянности, и мгновенно исчезающъ; следовательно повсюряемая новая фигура скоро теряетъ цѣну новости. Она смѣшивается съ обыкновенными словами, подобно другимъ метафорамъ, которыя по нуждѣ размножились въ языкахъ, а особливо въ нашемъ. Слѣдующія выраженія, на примѣръ, *ясной голосъ*, *жесткій нравъ* и имъ подобныя, потеряли свое достоинство, и счищаются наравнѣ съ прочими.

„Пускай метафора, если можно, представитъ вещь въ дѣйствіи. Смотри, какъ все одушевляется подъ кистію Гомера: у него копье *жадно* ко вражеской крови, стрѣла *нетерпѣливо хотѣтъ* поразить непріятеля. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выбирай метафоры, возбуждающія пріятныя понятія. Гомеръ сказалъ: *Аврора съ перстами розовыми*; вѣрно онъ замѣтилъ, что Природа иногда набрасываетъ на прекрасную ручку тѣни розоваго цвѣта, которыя еще болѣе украшаютъ ее. Но что выдетъ изъ фигуры, если сказать: *Аврора съ багрянными перстами*? Каждая фигура должна имѣть точное, оцущительное отношеніе къ своему предмету. Вспомни, какъ опечалились Аѳиняне, когда Периклъ

сказалъ имъ: *Наше юношество погибло на сраженіи; мы лишились того, что потерялъ бы годъ, еслибъ опяять у него весну.* Какое совершенное сходство! ибо юность, въ сравненіи съ другими возрастами жизни, есть тоже, что весна въ отношеніи къ другимъ временамъ года.

„Справедливо порицаютъ Эврипида за слѣдующее выраженіе: *весло, самодержецъ морей; столь блестящее шипло всѣмъ не пристало веслу.* Осуждаютъ и Горгіаса — кошорой сказалъ: *вы ложнете съ легалію то, что лосѣяли со стыдомъ* — вѣроятно по той причинѣ, что слова *сѣять* и *ложинать* до нынѣ въ переносномъ смыслѣ были употребляемы только Поэтами. Наконецъ, не одобряютъ фигуры у Платона, кошорой, желая выразить, что городъ благоустроенный не долженъ имѣть спѣнъ, сказалъ: „*надобно, чтобъ спѣны лежали на землѣ и спали.*“

Эвклидъ говорилъ много о различныхъ украшеніяхъ слова, приводилъ удачныя *умолганія*, *шонкія наломнанія* (allusion), оспривая мысли и опѣшны. Онъ признался, что большая часть сихъ оборотовъ ни мало не прибавляетъ нашихъ знаній, но что они показываютъ только, съ какою быспрошою умъ доходитъ до слѣдствій, не останав-

ливаясь на среднихъ понятїяхъ. Онъ признался также, что нѣкоторыя правила о краснорѣчїи были попеременно одобряемы и отвергаемы отъ Кришиковъ, равно просвѣщенныхъ. Сказавши нѣсколько словъ о томъ, какъ должно управлять голосомъ и телодвиженїями, и напомнивши, что Демосеенъ почитаетъ дѣйствїе первымъ, вторымъ и третьимъ качествомъ Оратора, Эвклидъ прибавилъ: „Краснорѣчїе вездѣ соответствуетъ характеру народа. Греки, обитающїе въ Карїи, Мизїи и Фригїи, до сихъ поръ еще грубы, и не знаютъ другаго изящества, кромѣ роскоши, въ которой уповаютъ Сатрапы, ихъ начальники. У нихъ Ораторы произносятъ утомительныя Рѣчи голосомъ чрезвычайно громкимъ. Спаршанцы, извѣстные по строгости нравовъ своихъ и здравомыслїю, не любятъ пышности: они говорятъ весьма коротко; одно слово иногда содержишь въ себѣ цѣлой трактатъ о Политикѣ, или Морали.

„Пускай чужестранецъ послушаетъ нашихъ превосходныхъ Ораторовъ, пускай прочтетъ лучшихъ Писателей, — онъ тотчасъ увидитъ, что находится среди народа образованнаго, просвѣщеннаго, чувствительнаго, отличающагося умомъ и вкусомъ. Онъ найдетъ во всѣхъ одинакую ревность изыскивать красоты, приличныя каждому

роду сочиненій ; найдетъ во всѣхъ равное искусство употреблять оныя у мѣста ; почти вездѣ найдетъ черты , возбуждающія вниманіе , — милья прелести , украшающія разумъ. Не станетъ ли онъ удивляться , въ сочиненіяхъ , гдѣ господствуетъ совершенная простота , находя языкъ , по видимому обыкновенной , но которой въ самомъ дѣлѣ очень далекъ отъ обыкновеннаго ? Какъ онъ изумится , открывши въ нихъ восхищающія красоты , которыя однакожь не прежде замѣтитъ , какъ послѣ тщетныхъ усилій перевести ихъ на свой языкъ !“

Я спросилъ , кого изъ Авторовъ почитаетъ онъ совершеннымъ въ слогъ ? — „Никого въ особености , всѣхъ вообще — отъ началъ Эвклидъ. Никого особенно , потому что Платонъ и Демосѳенъ , Писатели ближайшіе къ совершенству , иногда погрѣшаютъ , одинъ излишествомъ въ украшеніяхъ , другой недостаткомъ въ возвышенности ; — всѣхъ вообще называю образцовыми , потому что разсматривая ихъ сочиненія , сравнивая однихъ съ другими , можно не только усовершенствовать слогъ свой , но еще приобрести сей вкусъ , изящный и тонкій , которой судитъ о произведеніяхъ ума , и даетъ имъ цѣну : способность чувствовать красоты сдѣлалась у насъ такъ общею , что ее можно почесть врожденною.

„Ты знаешь, съ какимъ негодованіемъ нашъ народъ ловитъ неисправности въ произносимой Рѣчи, — какъ быстро оспанавливаетъ Оратора въ собраніяхъ за каждымъ несвойственнымъ выраженіемъ, при каждомъ неприличномъ звукѣ; знаешь, какъ наши Ораторы стараются удовольствоваться слухъ, столь нѣжной и строгой.“ — Эшотъ слухъ — сказалъ я — нешерпящій погрѣшностей прошивъ гармоніи, ни мало не огорчается словами неблагоприсстойными. Не каждой ли день потчуютъ васъ опвратительными укоризнами, срамными ругательствами? Не правда ли, что средства, употребляемая нѣкошорыми Ораторами, чтобъ возбудить удивленіе, состоятъ въ частомъ повтореніи гиперболъ, въ блескъ антишезъ и всего великолѣпія Орапорскаго, въ шѣлодвиженіи и чрезмѣрныхъ вопляхъ? — Эвклидъ отвѣчалъ, что умные люди не одобряютъ сихъ излишествъ. — А народъ? — спросилъ я: народъ не предпочитаетъ ли дурныхъ драматическихъ сочиненій хорошимъ? — „Слава Автора зависитъ не отъ минутной похвалы, вынужденной или нечаянношю, или по хитрости.“ — Вошъ другое доказательство, что изящной вкусъ не есть общимъ вашимъ удѣломъ: вы имѣете дурныхъ Писателей. Одинъ, на примѣръ Горгіасъ, щедрою рукою въ прозѣ разсыпаетъ всѣ богатства Поэзіи; другой

ровняетъ , округляетъ , опшесываетъ , вытягиваетъ періоды , и прежде нежели успѣетъ дойти до конца , забываетъ , о чемъ говорено въ началѣ ; еще другіе становятся даже смѣшными отъ излишнихъ напѣжекъ , — примѣръ одинъ , говоря о Кеншаврѣ , называетъ его человекомъ , копорой самъ на себѣ сидитъ верхомъ.

„Сіи Авторы — опвѣчалъ Эвклидъ — подобны злоупотребленіямъ , копорыя вездѣ вкрадываются ; ихъ торжешво подобно сновидѣніямъ , копорыя , кромѣ сожалѣнія , ничего послѣ себя не оставляютъ. Сихъ Авторовъ и обожателей ихъ я не полагаю въ числѣ народа , копораго хвалю вкусъ , и копорой состоитъ изъ гражданъ просвѣщенныхъ. Сіи-то граждане произносятъ рѣшительной приговоръ , а всѣ прочіе рано или поздно принимаютъ мнѣніе первыхъ. Ты согласишься , что такихъ людей у насъ болѣе , нежели гдѣ-нибудь.

„Мнѣ кажется , Краснорѣчіе теперь достигло до высочайшей своей степени. Что будешь съ нимъ послѣ ? “ — Это не трудно предвидѣть — сказалъ я : оно ослабѣетъ , если вы подпадете чуждому господству , — совсѣмъ исчезнетъ , если Философія покоритъ васъ своей власти. По счастью , послѣдняя опасность не страшна для васъ. —

Эвклидъ понялъ мысль мою, и просилъ, чтобы я продолжалъ. — Съ охотою — сказалъ я — ежели только извинишь мои парадоксы, мои заблужденія.

Философія у меня значишь — разумъ совершенно просвѣщенный. Теперь спрашиваю: всѣ обманчивые призраки, вкравшіеся въ языкъ, равно какъ и шѣ, которые сдѣлались предметами желаній нашихъ, не должны ли исчезнуть предъ лицомъ Философіи, какъ исчезають ночныя шѣни при появленіи дневнаго свѣшила?

Пусть будетъ нашимъ судьею одинъ изъ Геніевъ, которые обитають на сферахъ небесныхъ, и любяють строгую истину. Положимъ, что онъ теперь находится между нами; показываю ему Рѣчь о морали: онъ одобряетъ основательность положеній, ясность мыслей, силу доказательствъ и значительность словъ. Я говорю Генію, что Рѣчь сія не будетъ имѣть никакого успѣха, если не переложу ее на языкъ Орапорскій. Надобно разставить члены періодовъ по размѣру; надобно сіе слово переставить на другое мѣсто, для того чибобъ звукъ его былъ пріятнѣе слуху. Я не вездѣ выражался съ надлежащею точностію; слушатели могли бы досадовать, что я не полагаюсь на ихъ понятливость. Слогъ

мой очень простъ; надобно разбросать въ немъ нѣсколько свѣщающихся почекъ. — А что значатъ свѣщающіяся почки? спрашиваетъ Геній. — Это гиперболы, сравненія, метафоры и другія фигуры, которыя дѣлаютъ предметъ гораздо выше, или гораздо ниже настоящей цѣны его. Слова мои вѣрно кажутся тебѣ странными; но мы, люди, такъ созданы, что имѣемъ нужду употреблять ложь и тогда, когда защищаемъ истину. Приведу нѣсколько сихъ фигуръ, взятыхъ по большей части изъ пиншическихъ сочиненій, гдѣ онѣ разсыпаны щедрою рукою, и откуда Орапоры перенесли ихъ въ прозу. Вотъ начало похвального Слова, украшеннаго фигурами: *Хочу сдѣлать имя Героя моего вѣчно славнымъ у всѣхъ народовъ.* — Постой, — говоритъ Геній: какъ можешь увѣрять, что во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ будетъ славиться твое сочиненіе? — Никто не утверждаетъ сего — я опшѣчаю: но это фигура. *Предки его, которые были около Сициліи, поселились близъ горы Этны, подлоры небснаго свода.* — Геній опять говоритъ тихо: небо поддерживается малымъ ушесомъ, находящимся на маломъ шарѣ, называемомъ землею!! какая нелѣпость! — *Слова, сладчайшія меда, текутъ изъ устъ его; онѣ безпрерывно падаютъ,*

подобно снѣжинкамъ, которыя падаютъ на живу. — Какое отношеніе — говоришь Геній — между словами, медомъ и снѣгомъ? — Онъ собралъ цвѣты музыки; лира его погасила пламень молніи. — Геній смотритъ на меня съ изумленіемъ; я продолжаю: У него взоръ и мудрость Юпитеровы, страшной видъ Марсовъ, сила Нептунова; число красотъ, или побѣжденныхъ, равняется числу древесныхъ листьевъ, и волнъ, умиротворяющихъ на берегу моря. При сихъ словахъ Геній исчезаетъ, и возносится къ обители свѣта.

„Хотя ты употребилъ слишкомъ уже много фигуръ въ семъ похвальномъ Словѣ — сказалъ Эвклидъ: однакожь не могу не признаться, что гиперболы вводяшь въ заблужденіе наши мысли и чувства, и что онѣ покажутся ужасными для ума, къ нимъ непривыкшаго. Впрочемъ надобно ожидать, что нашъ разумъ когда-нибудь выйдетъ изъ младенчества.“ — Этого не надѣйся — отвѣчалъ я: человекъ потерялъ бы настоящее отношеніе свое ко всей Природѣ, еслибъ могъ достигнуть того совершенства, къ которому кажется способнымъ. Предположи, что внѣшнія чувства наши сдѣлались бы чрезвычайно нѣжными: тогда молоко и медъ были бы нестерпимы для языка; тогда рука, опершись на что-нибудь твердое,

долучила бы рану; запахъ розы произвелъ бы въ насъ судорожныя движенія; самой тихой звукъ заглушилъ бы уши; глаза увидѣли бы ошврашишельныя морщины на прекрасной поверхности бѣлаго шѣла. Такая же переменна послѣдовала бы и съ умомъ нашимъ: дай ему совершенную проницательность, спрожайшую точность — тогда слабость и невѣрность знаковъ, которыми изображаемъ свои мысли, будущъ для него нестерпимы; тогда онъ выдумаетъ для себя другой способъ извѣсниться. Что же послѣдовало бы съ языкомъ спраспей, что сдѣлалось бы съ самыми спраспями подъ верховнымъ управленіемъ разума, столь чистаго, столь совершеннаго? онѣ должны бы исчезнуть, а съ ними воображеніе, и человекъ не былъ бы уже шѣмъ, чѣмъ онъ есть нынѣ.

При теперешнемъ его состояніи, все, что ни происходитъ отъ ума, сердца, рукъ — все показываетъ недостатокъ и нужду. Натура, назначивъ ему шѣсныя предѣлы, строго наказываетъ, когда онъ хочеть переступить за чершу. Не думаешь ли, что онъ, приучась къ образу гражданской жизни, сдѣлалъ шагъ къ совершенству? Что онъ приобрѣлъ? въ порядкѣ общественномъ законы человѣческіе заступаютъ мѣсто законовъ естественныхъ, начертанныхъ богами, — въ нравахъ вмѣ-

что добродѣтели явилось лицемѣрство, — въ удовольствіяхъ мечны предпочтены существенности, — въ обхожденіи прилеворство замѣнило чувства сердечныя. Вкусъ чело- вѣка такъ испортился отъ излишняго очищенія, что прѣшныя искусства уже пред- почищаются полезнымъ; чистота слога — достоинству мыслей; хитрость — истинѣ. Смѣло скажу, просвѣщенные народы имѣють передъ нами (*) только въ томъ преимуще- ство, что довели до совершенства иску- ство прилеворясья и способы скрываются подъ личиною.

Изъ всего шобою сказаннаго вижу, что Риторика имѣетъ шу же цѣль, и что до- стигаетъ ее съ помощію прѣшныхъ звуковъ и украшеній. И такъ, вмѣсто того, чтобы учиться правиламъ риторическимъ, буду дер- жаться, какъ и до сихъ поръ, мнѣнія Ари- стотелева. Я спросилъ у него, по какимъ примѣшамъ можно узнать хорошее сочиненіе? онъ отвѣчалъ: если нечего ни прибавишь къ нему, ни убавишь.

Побесѣдовавъ шакимъ образомъ съ Экли- домъ, мы пошли гулять къ сторонѣ Лицея. Идучи дорогою, онъ показалъ мнѣ письмо,

(*) Анахарсисъ разумѣетъ себя и своихъ одно- земцовъ, Скиѳовъ.

которое недавно получилъ отъ одной своей пріятельницы, и котораго правописаніе показалось мнѣ незаслуживающимъ одобренія; вмѣсто *e* часто тамъ стояло *i*, вмѣсто *d* писано *z*. — Я не одинъ уже разъ удивлялся — сказалъ я — нерадѣнію Аѳинянокъ. — „Онѣ пишутъ такъ — отвѣчалъ Эвклидъ — какъ говорятъ, и какъ прежде всѣ говорили.“ — Слѣдственно — спросилъ я — въ произношеніи послѣдовали перемѣны? — „Великія — отвѣчалъ Эвклидъ: въ старину говорили *ммера* (день); потомъ вошло въ обыкновеніе произносить *емера*, гдѣ первое *e* употреблено пошаченное; наконецъ *емера* — съ *e* открытымъ.

„Обыкновеніе пребудетъ — чтобы сдѣлать нѣкоторыя слова звучнѣе и великолѣпнѣе — отнимать буквы, и приставлять на мѣсто ихъ другія; такія перемѣны лишаютъ всей надежды шѣкъ, которые хотятъ обратиться до начала языка. Скажу болѣе: обычай передаетъ забвенію слова, бывшія нѣкогда въ употребленіи, и которыя весьма полезно бы возобновить.“

Вступивши на передній дворъ Лицея, мы слышали пронзительные крики, отдающіеся изъ храмины гимнастической. Риторъ Леонъ и Сефистъ Пифодоръ жарко спорили между собою. Мы насилу могли до нихъ

досѣснитъся, по причинѣ многолюдства. Пожалуйте, господа! — сказалъ намъ Леонъ. Пиеодоръ ушверждаетъ, будто его наука ни чемъ не разнишя отъ моей, и будио мы оба имѣемъ одну цѣль — обманывать нашихъ слушателей. Какое удивительное право хочетъ присвоить себѣ эшотъ человекъ, копорой долженъ бы стыдиться, что носитъ на себѣ имя Софиста!

„Сіе имя — отвѣчалъ Пиеодоръ — нѣкогда было почленно; имъ назывались всѣ шѣ, начиная отъ Солона до Перикла, которые посвящали время свое изученію мудрости; само значеніе слова эшо показываетъ. Платонъ, желая осмѣять людей, во зло употреблявшихъ сіе названіе, успѣлъ сдѣлать, что ученики его сшали гнушаться именемъ Софиста. Однакожь я знаю, что онъ всегда называетъ симъ именемъ Сократа, копорого конечно вы уважаете; онъ приписываетъ шило Софиста и Орашору Аншифону, копорого должность также почленна. Но дѣло сосшотъ не въ пустомъ шилѣ. Я опрекаюсь отъ него предъ всѣми вами, и не имѣя въ виду никакихъ побудительныхъ причинъ, кромѣ истины и разума, докажу, что Риторъ и Софистъ имѣютъ одну цѣль, копорой достигаютъ однѣми и шѣми же средствами.“

Едва удерживаю свое негодованіе — ска-
залъ Леонъ: какъ! ты смѣешь подлыхъ
наемниковъ, словесныхъ ремесленниковъ,
которые научаютъ своихъ слушателей во-
оружаться двузначущими реченіями и хищ-
рыми умствованиями, — которые учатъ защи-
щать правсе дѣло и неправое — ты смѣешь
сравнивать ихъ съ почтенными людьми,
которые оправдываютъ невинность въ суди-
лищахъ, разсуждаютъ въ собраніяхъ о
дѣлахъ общественныхъ, прославляютъ доб-
родѣтель въ Словахъ, ей посвящаемыхъ! —
„Я не сравниваю людей — отвѣчалъ Пиео-
доръ: говорю только о наукѣ, ими препо-
даваемой. Увидимъ, не страшнѣе ли сіи
почтенные люди Софистовъ, самыхъ опас-
нѣйшихъ.

„Не правда ли, что твои и мои учени-
ки, не стараясь искаать истины, обыкно-
венно осшанавливаются на правдоподобіи?“ —
Не спорю; однакожь первые основываютъ свои
умствования на важныхъ правдоподобіяхъ, а
другіе — на ничтожныхъ вѣроятностяхъ. —
„Что разумѣешь ты подъ словомъ *правдо-
подобіе*?“ — То, что всѣмъ людямъ, или
большей части людей, кажется похожимъ на
правду. — „Обдумай хорошо свой отвѣтъ; ибо
изъ него можно вывести заключеніе, что Со-
фисты, которые краснорѣчіемъ умѣли скло-
нять весь народъ на свою сторону, предла-

гали мнѣнія правдоподобныя.“ — Софисты ослабляли простой народъ; но мудрецы умѣли осиперегаться отъ ихъ обмановъ.

„Слѣдственно — спросилъ Пиеодоръ — отъ мудрецовъ надобно требовать изъясненія, чтобъ узнать, сходно ли съ правдою такое - то предложеніе, или нѣтъ?“ — Безъ сомнѣнія — отвѣчалъ Леонъ; прибавляю еще, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надобно почитать правдоподобнымъ то, что признано такимъ отъ большей части мудрецовъ, или, по крайней мѣрѣ, отъ просвѣщеннѣйшихъ. Доволенъ ли ты? — „А! ты самъ говоришь, что иногда весьма трудно отличить правдоподобіе, что большая часть мудрецовъ не находятъ его, и что только просвѣщеннѣйшіе могутъ распознать оное?“ — Да, говорю. — „Но если сомнѣваешься въ существенности правдоподобія, отъ всѣхъ закрытаго, соѣшлуешься ли съ симъ малымъ числомъ просвѣщенныхъ мудрецовъ?“ — Нѣтъ; въ такомъ случаѣ полагаюсь на свое мнѣніе, увѣренъ будучи, что они согласились бы со мною. Но что хочешь ты заключишь изъ сихъ скучныхъ тонкостей?

„Хочу заключишь — отвѣчалъ Пиеодоръ, что ты безъ малѣйшей разборчивости слѣдуешь мнѣнію, которое тебѣ угодно сдѣлать правдоподобнымъ, и что Рихоръ и Со-

фистъ равно основываются на обманчивыхъ вѣроятностяхъ.“ — Однакожь Риторъ говоришь чистосердечно, а Софистъ прищворяется. — „О! въ такомъ случаѣ разница состоитъ только въ намѣреніи; — такъ думаютъ сами Философы. Однакожь я хочу лишить тебя и сего преимущества. Ты осуждаешь Софистовъ за то, что они защищаютъ истину и ложь. Спрашиваю: Риторика и Діалектика развѣ не содержатъ въ себѣ правилъ, какъ защищать два противныя мнѣнія?“ — Не спорю; однакожь ученику советують не употреблять во зло сихъ способовъ; онъ долженъ знать ихъ для того, чтобъ остеречься отъ сѣтей, которыя искусной противникъ можетъ вокругъ его разставить. — „Эшо значитъ тоже, что давши молодому человѣку кинжалъ и мечъ, скажешь ему: когда непріятель будетъ наступать на тебя, и когда потребуешь того выгоды твоей, честолюбіе или мщеніе, поражай его однимъ изъ сихъ орудій, но другаго не шрогай, хотя бы отъ него зависѣла побѣда. Я подивился бы такой кротости. Но чтобы намъ увѣришься, можешь ли онъ исполнить данной совѣтъ, пойдемъ на мѣсто сраженія, или лучше скажешь, дозвожь мнѣ вести себя.

„Предположимъ, что тебѣ поручено обвинить человѣка, котораго преступленіе не

доказано, и что я долженъ напомнить тебѣ правила, копорыя ежедневно учили преподающъ своимъ слушателямъ. Я и говорю: первой долгъ твой есть убѣдить; а чтобы успѣшь въ семъ, надобно понравиться и распрогать. Ты имѣешь умъ и дарованія, всѣ уважаютъ тебя; употреби въ пользу сѣи преимуществва. Благосклонность слушателей на твоей сторонѣ; она увеличится, если ты въ Рѣчи своей разсыплешь правила о справедливости и честности, а особливо если польспишь судьямъ, выхваляя знанія ихъ и безпристрастіе. Старайся заслужить похвалу всего собранія; тебѣ не трудно будетъ получить ее. Ничего нѣтъ легче, говорилъ Сократъ, какъ хвалишь Аѳинянъ среди Аѳинъ; соображайся со вкусомъ ихъ, и выставляй все то честнымъ, что уважається. Если надобность потребуетъ, сравни хорошія и дурныя качества обоихъ противниковъ; представь въ самыхъ яркихъ краскахъ достоинство, существенное или мнимое, того, кого защищаешь; извини погрѣшности его, или лучше, назови ихъ излишествомъ добродѣтели; наглость пускай будетъ величіемъ духа, опрометчивость — мужествомъ, расщочительность — щедростію, бѣшеной гнѣвъ — искрами чистосердечія: такимъ образомъ ослѣпишь судей. Самое лучшее преимущество Риторики состоитъ въ томъ, что она украшаетъ и безобразитъ, увели-

чиваетъ и уменьшаетъ всѣ предметы; слѣдственно ты смѣло можешь соперника своего представить въ самомъ опшрашительномъ видѣ; обмокнувъ перо свое въ желчь, какъ можно спарайся увеличить малѣйшїя погрѣшности его, очернишь добродѣтельнѣйшїя поступки, навести пятна на характеръ. Если онъ разуменъ, остороженъ; увѣрай, что онъ подозрительенъ, что способенъ къ предательству. Нѣкоторые Орашоры сперва украшаютъ вънкомъ жершву свою, потомъ уже повергаютъ ее на землю. Они начинаютъ хвалить соперника, и отклонивши отъ себя подозрѣнїе въ зломъ умыслѣ, вонзаютъ кинжалъ въ сердце его. Если понравится тебѣ сїя хитрая злоба, вотъ другое оружіе, сколько же страшное. Когда соперникъ забросаетъ тебя своими доказательствами, — ты, не опвѣчая на оныя, опыграйся колкими насмѣшками, и увидишь, что судьи возмутъ швою сторону. Если соперникъ подалъ совѣшъ къ несправедливому поступку, опшверждай, что онъ виноватѣе, нежели когда бы самъ сдѣлалъ его; если послушался совѣша другихъ, доказывай, что исполненїе вреднѣе совѣша. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ нашихъ Орашоровъ, недавно взявшись защищать двѣ разныя стороны, опшреблялъ сїи средства въ свою пользу. Если гражданскїе законы опшвивурѣчатъ швоему дѣлу, сошлись на законъ естественный, и

ушверждай, что онъ справедливѣе первыхъ. Еслижь гражданскіе законы тебѣ благопріятствуютъ, упорно доказывай, что судьи непременно должны руководствоваться ими, и что никакой предлогъ не можетъ освободить отъ сей священной обязанности. Положимъ, что противникъ твой признается въ своей ошибкѣ, и станетъ увѣрять, что погрѣшилъ безъ умыслу, или по случаю, — ушверждай, что это было обдуманное намѣреніе. Если онъ рѣшился присягнуть для доказанія своей невинности, говори смѣло, что онъ хочетъ въ роломствомъ избавишься отъ заслуженнаго наказанія. Вызываешься ли самъ подтвердить присягою все, тобою сказанное? говори, что нѣтъ ничего благороднѣе, какъ поручить свое дѣло въ покровительство боговъ. Если съ твоей стороны не будешь имѣть свидѣтелей, постарайся уменьшить силу сего доказательства; еслижь имѣешь ихъ, не забудь представить, сколь они важны. Требуешь ли выгоды твоя, чтобы соперниковы невольники вытерпѣли пытку? ушверждай, что это послужитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ. Надобно ли, чтобы твой невольникъ не былъ допущенъ до пытки? говори, что это доказательство самое ненадежное, самое опасное. Сіи средства полезны въ дѣлахъ тяжёлыхъ; но надлежитъ со всѣхъ сторонъ обезпечить побѣду. Произнося Рѣчь, думай болѣе

о судьяхъ, нежели о своемъ дѣлѣ. Склонивши судьей, побѣдишь соперника. Возбуди въ нихъ участіе и жалость къ тому, кого защищаешь; старайся, чтобы печаль была видна въ глазахъ твоихъ, въ измѣненіяхъ голоса. Когда примѣшишь, что судьи смягчаются, и что всѣ правосудія начинаютъ колебаться: ударь на нихъ всею силою краснорѣчія, соедини ихъ спрашши со своими, направь на соперника все презрѣніе ихъ, все негодованіе, весь гнѣвъ; а ежели онъ знаменъ по званію своему и по богатству, возбуди въ судьяхъ зависть, и ожидай всего отъ злобы, которая обыкновенно слѣдуетъ за нею. Всѣ сіи правила, Леонъ, служатъ къ обвиненію науки, которую ты занимаешься. Суди объ ихъ дѣйствіи по ужасному отвѣту одного славнаго Визаншійскаго стряпчачаго. Недавно я спросилъ: что гласятъ законы опечесства его въ разсужденіи нѣкотораго дѣла? — „То, чего мнѣ захочется“ — отвѣчалъ стряпчій.

Леонъ хотѣлъ отвесити на Ораторовъ упреки, которые Пиеодоръ дѣлалъ Рипорикѣ. — „Нѣтъ! — съ жаромъ отвѣчалъ сей послѣдній: дѣло идетъ о злоупотребленіяхъ, неразлучныхъ съ сею пагубною наукою; я напоминаю то, что находится во всѣхъ трактатахъ риторическихъ, что ежедневно

дѣлають извѣстнѣйшіе Орашоры, что про-
свѣщеннѣйшіе насшавники ежедневно веляшь
намъ дѣлать, наконецъ, что я и ты вы-
учили еще въ младенчесшвѣ.

„Представимъ себѣ, что происходитъ
въ мѣстахъ, гдѣ, какъ говоришся, препо-
дають молодымъ людямъ Орашорскую на-
уку; можно подумашъ, что шамъ образу-
ють комедіаншовъ, декорашоровъ и бор-
цовъ. Смотри, съ какимъ важничаньемъ
учашъ ихъ направляшь взоры, измѣняшь
звуки голоса и движенія шѣла, держашъ
себя въ разныхъ положеніяхъ; съ какимъ
усильнымъ спараніемъ показывають имъ
способы шо расширатъ мнимыя краски, ко-
шорыми надобно разцвѣшитъ Рѣчь, шо со-
спавляшь коварную смѣсь вѣроломства и
насилія! Какіе обманы! какое варварство!
Развѣ это украшенія вишійства? развѣ это
солушники истины и невинности? Я ду-
малъ, что нахожусь въ ихъ убѣжищѣ — и
вижу себя въ страшномъ вершешѣ, гдѣ со-
спавляешся ядъ смершоносный, гдѣ приго-
шовляешся губительное оружіе. Всего стран-
нѣе, что ашотъ ядъ, это оружіе продаюш-
ся подъ защитою Правительства, и что
люди, кошорые дѣлають изъ нихъ самое
пагубнѣйшее употребленіе, въ награду за
подвиги свои пользующся общимъ довѣріемъ и
удивленіемъ.

„Я не намѣренъ извлекать ядъ, сокрытый почти во всѣхъ правилахъ, преподаваемыхъ нашими Риториками. Но скажи, какъ должно назвать наставленіе, о кошоромъ я уже упоминалъ, и на кошоромъ утверждено зданіе Риторики? что значитъ — надлежитъ сильно распрогашъ судей? для чего ихъ распрогивать? для чего распрогивать ихъ, кошорыхъ надлежало бы успокоить, еслибъ страсти ихъ были въ движеніи? для чего распрогивать тогда, когда всего нужнѣе, чтобъ умъ и чувствія ихъ были въ покоѣ? Какъ! въ цѣломъ свѣтѣ признано, что страсти вводящъ въ заблужденіе разсудокъ, и предсавляющъ вещи глазамъ нашимъ въ другомъ видѣ, — а отъ Орашора пребуящъ, чтобъ онъ возбуждалъ страсти въ самомъ себѣ, въ слушателяхъ и въ самыхъ судьяхъ! и еще съ безстыдствомъ увѣряющъ, что отъ движеній, безпорядочныхъ и буйныхъ, можешъ произойти справедливое рѣшеніе.

„Пойдемъ туда, гдѣ разсуждающъ о важныхъ дѣлахъ общественныхъ. Что мы тамъ увидимъ? молніи съ громами падающъ съ возвышеннаго орашорскаго мѣста, возжигаютъ буйныя страсти, и производятъ ужасной безпорядокъ; легкомысленной народъ спекается слушать себѣ похвалы, отъ кошорыхъ дѣлаешся наглымъ, получаетъ

сильныя впечатлѣнія, и сшановишся несправедливымъ; Орашоры безпрестанно напоминаюшъ, чшобъ мы береглись краснорѣчія ихъ прошивниковъ. Слѣдшвенно сіе краснорѣчіе опасно! Не смотря на то, оно одно управляетъ нами — и республика погибаетъ.

„Есть еще родъ краснорѣчія, кошорымъ Орашоры занимаются, и кошораго все достоинство состоитъ въ подбораніи лжей самыхъ свращишельныхъ, гиперболъ самыхъ несносныхъ, для прославленія людей обыкновенныхъ, даже презираемыхъ. Когда ввелось такое ласкашельство, добродѣтель должна ошъ похвалъ ошказаться. Но я не шану говорить болѣе о сихъ подлыхъ сочиненіяхъ; пускай шотъ хваляшъ ихъ или браняшъ, кто въ состояніи читаешъ ихъ.

„Изъ шого слѣдуетъ, что правосудіе оскорбляется въ самыхъ святилищахъ своихъ, республика — въ общихъ собраніяхъ, истина — въ Словахъ похвальныхъ и надгробныхъ. Справедливо говоряшъ, что Риторика усовершенствовалась въ наше время: будущимъ вѣкамъ ничего не остается прибавить къ ея ненавистной ужасности.“

При сихъ словахъ, одинъ Аѳинянинъ, кошорой давно уже готовился произнести Рѣчь къ народу, сказалъ съ презрительною

улыбкою : И шакъ, Пиеодоръ, ты порицаешь краснорѣчїе ? — „Нѣтъ, я оуждаю ту Ришорикку, кошора употребляетъ во зло краснорѣчїе.“ — Вѣрно имѣешь свои причины возставашь прошивъ красотъ языка. Однакожь всегда говорили и будущъ говоришь, что Орашоръ долженъ всевозможно стараться о прибрѣшенїи благосклонности своихъ слушашелей, доставляя удовольствїе ушамъ ихъ. — „А я всегда буду говоришь — ошвѣчалъ Пиеодоръ — или лучше сказашь, разумъ и честность всегда будущъ швердишь, что самое прекраснѣйшее дѣло, единственна должностъ Орашора, есть — вразумишь судей.“

Какимъ же образомъ вразумишь ихъ — сказалъ другой Аѣинянинъ, кошорой чрезъ искусство спряпчихъ выигралъ многїя шяжбы ? — „Какъ вразумляють въ Ареопагъ — ошвѣчалъ Пиеодоръ : гдѣ Орашоръ, не возбуждая спрасшей, предлагаетъ дѣло ясно и просшо ; какъ вразумляють въ Кришъ, въ Лакедемонъ и въ другихъ Республикахъ, гдѣ спряпчему запрещается расшрогивать слушашелей ; какъ вразумляли у насъ — и шому еще не прошло спа лѣтъ — когда обѣ стороны, будучи обязаны сами защищать себя, не могли произносишь Рѣчей, написанныхъ Вишїями.

„Возвращаюсь къ своему первому предложению. Я упомянулъ, что наука Риторъ существенно не разнится отъ науки Софистовъ; доказалъ, что не только дѣйствія, но и причины обѣихъ идутъ коварными путями къ одной цѣли. Вся разница между ними та, что Ораторъ болѣе занимается возбужденіемъ страстей, а Софистъ укрощеніемъ оныхъ.

„Вижу, что Леонъ готовъ грянуть на меня великолѣпнымъ и грознымъ снарядомъ риторическимъ. Прошу его прилѣжно подумать о семъ дѣлѣ, и вспомнить, что удары, которые онъ успремилъ на меня, падаютъ въ то же время на многихъ превосходныхъ Философовъ. Я могъ бы, для оправданія себя, сослаться на мнѣнія Платона и Аристотеля; но столь важныя свидѣтельства не нужны, когда есть въ готовности доводы, самые основательные.“

Лишь только Пиеодоръ успѣлъ окончить, Леонъ началъ защищать Риторику; но мы удалились, потому что было уже поздно.

Бартелеми.

II.

*Сатира къ С. . . . обѣ истинномѣ
благородствѣ.*

С. . . . , другѣ людей , полезной гражданинѣ,
Великой человекѣ , хотя не дворянинѣ !
Ты славно побѣдилѣ людей несправедливостѣ,
Собою посрамилѣ и барство и кичливостѣ.
Ты свой возвысилѣ родѣ ; свой гербѣ , свои
чины ,
И слава — собственно тобой сотворены ;
Твои послѣ тебя наследуютѣ попомки
Любовь къ отечеству , не шиплы только
громки .

Однакоже не лзя дворянство вздоромѣ счестѣ ,
Когда , съ заслугами соединяя честѣ ,
Почезный дворянинѣ блистая орденами ,
Быть хочестѣ , такѣ какѣ ты , полезенѣ намѣ
дѣлами .

Дворянство помниѣ онѣ лишь только для
шого ,
Чтобы достойнымѣ быѣ отличія сего ;
Заслуги праотцовѣ своими умножаешѣ —
И честѣ ихѣ имени еще свѣтлѣй сіяешѣ .

Напрошивѣ не могу я вышерпѣть никакѣ ,
Чтобы воспитанный Французами дуракѣ
Чужимѣ достоинствомѣ безстыдно украшался ,
И предковѣ шиплами предѣ свѣтомѣ вели
чался . —
Пусть праотцовѣ его сіяешѣ похвала ;
Искай въ Исторіи безсмертны ихѣ дѣла ;

Пускай Монархи имѣ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербѣ, дипломы въ награжденье;
Гербы и граматы въ глазахъ честныхъ лю-
дей —
Гнилой пергаментѣ, пыль, обѣдни ошѣ
червей,
Коль предковъ славныя являя намѣ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутѣ къ честямъ по-
реванья.
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ на-
битѣ,
Пошомокѣ глупой ихъ въ презрѣнной нѣгѣ
спитѣ;
А между тѣмъ сей Князь, Бояринѣ эшотѣ
гордой,
Надушый древнею высокою породой,
Глядитѣ, какъ будто онѣ насѣ царствомѣ
подарилѣ, —
И Богѣ не изѣ одной насѣ глины сотворилѣ;
Какъ будто съ Минихомѣ дѣлилѣ пруды и
славу,
Или съ Суворовымѣ взялѣ гордую Варшаву.
Не ужь ли вѣчно мнѣ глупца сего щадитѣ?
Однажды навсегда хочу его спроситѣ:
Скажи, о дивной Мужѣ, отличное шворенье!
Какія у людей животныя въ почтенѣ?
Мы дорого цѣнимѣ ретиваго коня,
За то, что спашенѣ онѣ, горячь, какъ
пыль огня;

За то, что никогда въ бѣгу не утомлялся,
И на ристалищѣ стократно отличался;
Но будь Алфановъ онъ, или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ, тотчасъ сбываютъ съ
рукъ;
Прощай почтеніе и къ племени и къ роду!
На немъ тащатъ дрова, или привозятъ
воду.
За чѣмъ же хочешь ты сабпить насъ мишу-
рой?
Родня великимъ ты — примѣры предъ тобой:
Румянцовъ и Орловъ среди громовыхъ зву-
ковъ;
Въ посольствѣ Князь Репнинъ, въ Сенатѣ
Долгоруковъ;
Спаситель Ерапкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители Наукъ Шуваловъ, Муравьевъ;
Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни
брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, Вельможей образецъ,
Державинъ славныхъ битвъ, любви, боговъ
Пѣвецъ:
Онъ движетъ въ насъ сердца, златая движа
струны;
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ
перуны.
Къ заслугамъ и чesнямъ премножество
дорогъ!
Наслѣдникъ бабушкинъ, и маминькинъ сынокъ,

Не на однихъ словахъ, будь баринъ самымъ
дѣломъ,
Великихъ сихъ Мужей поставь себѣ примѣ-
ромъ;
Будь чещенъ, какъ они — и Княжествомъ
хвались,
Полезенъ обществу — и предками гордись;
Пусть бабушка твоя ошъ крови будетъ Цар-
ской,
А дѣдушкой роднымъ Князь Курбскій, иль
Пожарской.
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь енуч-
комъ слышь;
Кто смѣетъ Минина породой укоришь?
Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Гер-
кулеса,
Не долженъ быть ни шрусъ, ни глупая по-
вѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ! — ты вѣчное
пяшно,
Безчестье праотцовъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благо-
родной,
Ошъ корня добраго гнилой сучокъ, негод-
ной — —
Остановись, мой духъ! въ досадѣ на
бояръ;
Ты слишкомъ далеко простеръ сердечной
жаръ;

Со знатнымъ будь всегда учтивѣе, скромнѣе.
Смягчи же грубый гласъ, спроси его нѣж-
нѣе:

Какъ древность рода вы изволите считатьъ?

„О! — я за шриста лѣтъ могу вамъ до-
казать,

„И доказательство такъ ясно и безспорно:

„Дипломы, грамоты! . . .“ Помилуйте,
довольно!

А кто поручится, коль смѣшь у васъ спро-
сить,

Что не изволили прабабушки шалишь

Надъ знаменистыми своихъ супруговъ лбами,

Простонародными украся ихъ рогами?

И не было ли встарь удалыхъ молодцовъ,

Которые у сихъ почтенныхъ старичковъ

Чистѣйшей крови токъ въ шеченьѣ возму-
тили?

Иль ваши праотцы другихъ счастливей были,

И въ длинной рядъ вѣковъ, на грѣшной сей
земли,

Въ родство съ Лаисами ни разу не вошли?...

При томъ, какъ Русскому, вамъ должно быть
извѣстно,

Что мѣшничество здѣсь ни мало несовмѣ-
стно;

Подъ скиптромъ Благосми для всѣхъ права
даны:

Полезные сыны Отечества равны,

И самой древній родъ , богатое наслѣдство ,
Не есть отличное для службы Царской сред-
ство.

Но если какъ нибудь ошибкой , или такъ ,
И выдешъ въ значной чинъ лѣннвецъ и дуракъ :
Почтенія къ нему ни мало не прибужешъ ,
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чинов-
нымъ будешъ.

Опечество мое ! ты будешъ вѣкъ цвѣ-
сти ;

Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверзтые пуши
Ко смерти на-бою , къ профеямъ послѣ боя !
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ ПЕТРЪ Героя ,
Кошорой не родствомъ , а самъ собой бли-
сшалъ —

И выберъ Мудраго заслугой оправдалъ.

Пускай же мальчики болшающъ и шан-
цуютъ ,

Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ ;
Пущь эши гордецы , безъ чести , безъ за-
слугъ ,

Старающся набратъ толпу большую слугъ ,

Лакеевъ отличать ливрейными цвѣтами

И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами.

Невѣжъ нужно бышь отличну отъ людей

Кафшановъ песпрошой и спашю лошадей ;

Но горькіе плоды ихъ старосшь ожидаютъ ,

Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.

Межь шѣмъ С. . . . шы, шрудясь, какъ
муравей,
Чинъ знашной заслужилъ прилѣжностью своей;
Твоею доблестью Отечество гордится:
Осмѣлился ль съ тобой Дворянской сынъ сра-
внишься,
Которой газы лишь и фейерверки жжешъ,
Или на пѣарнѣ жизнь прекрасную ведешъ?
С. . . . шы Наукъ, Словесности любишель,
Ошъ сильныхъ слабому покровъ и защищи-
шель;
Ты духомъ Дворянинъ! шрудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюллиемъ, за Кольбершомъ ступай;
Не Орденской звѣздой, сіяй шы намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душею, не чинами;
Монарху Славному со славою служи;
Добромъ и пользою Вселенной докажи,
Что АЛЕКСАНДРЪ къ дѣламъ людей из-
братъ умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ Отечество имѣетъ.

Воейковъ.

III.

Казотоо предсказаніе.

Недавно въ Парижѣ напечатаны Лагарло-
вы сочиненія и переводы, найденныя
послѣ смерти Автора. Главнѣйшія изъ нихъ

суть: Восемь пѣсней *Освобожденнаго Иерусалима* Тассова, въ стихахъ; Четыре пѣсни *Фарсалии* Лукановой, въ стихахъ же; Поэма *О женщинахъ*, и другія. При семъ собраніи приложена записка, найденная между бумагами Лагарпа; она помѣщена во многихъ Французскихъ Журналахъ: думаемъ, что и наши Читатели будутъ ею довольны.

Мнѣ кажется, что я только вчера былъ свидѣтелемъ описываемаго здѣсь происшествія, хотя въ самомъ дѣлѣ оно случилось въ началѣ 1788 года. Мы сидѣли за столомъ у одного вельможи, умнаго человѣка, и нашего академическаго собрата. Многолюдное общество состояло изъ особъ разнаго званія, изъ придворныхъ и гражданскихъ Чиновниковъ, Лишператоровъ, Академиковъ и проч. Пиршество было великолѣпное. Передъ окончаніемъ обѣда, вина Мальвоазійское и Констанское такъ развеселили гостей, что каждой почишалъ дозволеннымъ говорить все, лишь бы только заславить смѣяться. Шамфоръ прочиталъ свои неблагоприсойныя сказки; знатныя женщины, собесѣдницы наши, слушали не закрываясь опахаломъ. Потомъ начали шушиться надъ Религіею: одинъ читалъ отрывокъ изъ *Орлеанской Дѣвственницы*; другой повѣрялъ *Философическіе* стихи Дидеротовы:

Et des boyaux du dernier prêtre
Serez le cou du dernier roi.

Третій вспаешъ , держа въ рукѣ полной ешаканъ , и восклицаетъ : такъ , господа ! я столько же увѣренъ въ томъ , что нѣтъ Бога , какъ и въ томъ , что Гомеръ былъ глупецъ . — И въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ то , что думалъ . Начали разсуждать о Богѣ и о Гомерѣ ; нѣкоторые изъ собесѣдниковъ защищали того и другаго . Разговоръ спановился опчасу важнѣе . Съ удивленіемъ выхваляли *переворотъ* , сдѣланный Вольшеромъ въ умахъ современниковъ , и признавались , что въ томъ состоишъ главное право его на знаменитосшь . „ Онъ задалъ тонъ своему вѣку ; онъ заставилъ чинать себя и въ залахъ и въ переднихъ комнатахъ . “ Одинъ изъ гостей , на силу выговаривая опъ смѣха , разсказалъ намъ , какъ *перукмахеръ* , стоя за креслами съ гребенкою въ рукахъ , удивилъ его , сказавъ : *знайте* , сударь , что я , бѣдной слуга , также не держу никакой вѣры , какъ и другой кто - нибудь . — Всѣ заключили , что скоро послѣдуетъ важная переменна , и что *суетвѣріе* и *фанатизмъ* уступятъ мѣсто *Философїи* ; вычисляли , когда по видимому настанетъ сіе вождѣлѣнное время , и кто изъ собесѣдниковъ доживетъ *царствованїя Разума* . Старики съ прискорбіемъ говорили , что не увидятъ его ; молодые люди радовались , имѣя вѣроятнѣйшія причины ожидать близкой перемены ; всѣ поздравляли Академію съ тѣмъ , что она

приготовила великое дѣло, и что была главнымъ мѣстомъ, средоточіемъ, пружиною свободы мыслить.

Одинъ изъ собесѣдниковъ не бралъ участвія въ веселости нашего разговора, и даже шутилъ скромно надъ нашимъ воспоргомъ. Это былъ Казопъ, человекъ любезный и оригинальный, но по несчастію до безумія зараженный мечтами Иллюминашовъ. „Господа! — сказалъ онъ, принявъ на себя важный видъ: успокойтесь; вы всѣ доживете до эпохи великой и славной перемѣны, кошорой такъ сильно желаете. Вамъ извѣстно, что я опчаспи умѣю угадывать будущее; повпоряю, вы ее увидите. — Ему опвѣчаютъ извѣстнымъ припѣвомъ: *faut pas être grand forcier pour ça*, (для сего не нужно бышь великимъ колдуномъ.) — „А можетъ бышь и нужно для шого, что хочу сказать вамъ. Знаете ли, что послѣдуетъ за эпохою *революціею*, — что случится со всѣми, сколько васъ шупъ ни есть, и что будетъ послѣ? — Увидимъ — сказалъ Кондорсетъ съ угрюмымъ видомъ своимъ и дурацкою усмѣшкою: для *Философа* не прошивно попастъ на *Пророка*. — „Вы, Г. Кондорсетъ, издохнете на полу въ тюрьмѣ; умрете опъ яда, кошорой проглотите, чшобъ избавишься опъ рукъ палача, — умрете, говорю, опъ яда, кошорой принуждены будете носишь при себѣ въ сіе *стастливое* время.“

Сперва всѣ изумились; но вспомнивъ, что доброй Казотъ часто бредилъ на яву, стали смѣяться. — Г. Казотъ! сказка, которою вы насъ теперь попошчивали, не такъ забавна, какъ вашъ *Влюбленный дьяволъ* (*). Отъ чего пришло вамъ въ голову говорить о *тюрьмѣ*, объ *ядѣ*, о *палатахъ*? какое имѣетъ отношеніе вся эта дрянь къ *Философїи*, къ *царству Разума*? — „Я говорю вамъ, что во имя *Философїи*, *человѣчества*, *свободы*, васъ погубятъ, и что это случится въ *царствованіе Разума*; тогда *Разумъ* только будетъ имѣть свои *храмы*, во всей *Франціи* будутъ воздвигнуты *храмы одному Разуму*, а болѣе никому.“ — Увѣряю васъ — сказалъ *Шамфоръ* съ ядовитою улыбкою — что вы не будете въ числѣ жрецовъ при сихъ храмахъ. — „Я думаю тоже; но вы, Г. *Шамфоръ*, какъ жрецъ, и какъ особа достойная сего званія, вы надрѣжете себѣ жилы бритвою въ двадцати двухъ мѣстахъ, — и однакожь умрете, спуская попомъ нѣсколько мѣсяцовъ.“ — Опять всѣ взглядывающъ одинъ на другаго, и смѣются. „Вы, Г. *Викъ д'Азиръ*, не сами себѣ откроете жилы, но въ припадкѣ подагры велише себѣ пускашь кровь шесть разъ въ одинъ день, и въ слѣдующую ночь умрете. Вы, Г. *Николай*, погибнете на эша-

(*) Такъ называется маленькой романъ, сочиненный Казотомъ.

фотъ; вы, Г. Балли — также на эшафотъ; вы, Г. Мальзербъ — также на эшафотъ. . . . “ Слава Богу! — сказалъ Руше: кажется, Г. Казотъ сердитъ только на Академію; онъ поступилъ съ нею безжалостно; благодареніе Небу, что я. . . — „Вы погибнете также на эшафотъ.“ — Можно биться объ закладъ — закричали госпи — что онъ поклялся перерѣзать всѣхъ! — „Не я поклялся.“ — Кпожь? развѣ Турки, или Ташаре овладѣютъ нами? — „Совсѣмъ нѣтъ; я уже сказалъ вамъ это: одна *Философія*, одинъ *Разумъ* будутъ управлять вами. Философы окажутъ вамъ сіи услуги, — тѣ самые люди, которые безпрестанно будутъ произносить нынѣшнія ваши слова, будутъ повсюду всѣ ваши правила, будутъ ссылааться, подобно вамъ, на стихи Дидеротовы, и на отрывки изъ *Орлеанской Дѣвственницы*. . . .“ — Развѣ не видите, что онъ пошлой дуракъ? — говорили госпи одинъ другому на ухо, ибо Казотъ не перемѣнялъ своего важнаго вида: онъ шумитъ; а вы знаете, что въ шумахъ обыкновенно есть и чудесность. — Правда — сказалъ Шамфоръ: но чудесность его ни мало не весела; онъ слишкомъ изволилъ жаловать эшафоты и висѣлицы. Когда все это сбудется? — „Все, что я ни говорилъ вамъ, исполнится прежде шести лѣтъ.“

Сколько чудесъ! — сказалъ я: для чего вы обо мнѣ не упомянули? — „И съ вами сдѣлается чудо: вы обратитесь къ Христїянству.“ — Громкія восклицанїя. — Слава Богу! — подхвапиль Шамфоръ — я ободряюсь; если намъ суждено погибнуть въ то время, когда Лагарпъ сдѣлается Христїяниномъ — то намъ никогда не умирашь.

Мы женцины весьма счастливы — сказала Дюшесса Граммонъ — что революція до насъ не касается; говорю не касается не пошому, будшо бы мы не мѣшались въ нее, но пошому, что вошло въ обыкновенїе уважать насъ, и что полъ нашъ . . . — „Вашъ полъ, милоспивыя государыни, на сей разъ не защититъ васъ; мѣшайтесь вы, или не мѣшайтесь, но съ вами поступаемо будетъ, какъ съ мужчинами, безъ малѣйшаго различїя.“ — Что это значитъ, Г. Казотъ? вы намъ проповѣдуете преспавленїе Свѣша. — „Этого ничего не знаю; знаю только, что Вашу Свѣшлость и многихъ другихъ госпожь, вмѣстѣ съ вами, повезутъ къ ашафоту на поносной шележкѣ, съ завязанными назадъ руками.“ — Въ этомъ случаѣ надѣюсь покрайней мѣрѣ имѣть карету, обитую чернымъ сукномъ. — „Онѣтъ, сударыня! госпожи, знайте васъ, поѣдутъ на поносной шележкѣ, и съ завязанными назадъ руками.“ — Знаш-

нѣе меня? не уже ли Принцессы крови? —
„Знашиѣе васѣ, сударыня, знашиѣе....“ —
Все общество пришло въ смущеніе, и самъ
хозяинъ нахмурился; шушка уже казалась
неумѣренною. Г-жа Граммонъ, желая раз-
сѣять непріятность, не стала требовать
окончанія послѣдняго отвѣта, но только
прибавила: увидише, господа, что онъ не
дастѣ мнѣ и духовника. — „Такъ точно,
сударыня, вы не будете имѣть его; ни вы,
ниже кто-либо другой. Послѣдній, кому
окажутѣ сіе снисхожденіе, будетѣ“
Казотъ остановился. — Говорише, говори-
ше, кто эшотъ счастливой смертной, ко-
торой будетѣ имѣть преимущество передѣ
другими? — „Сіе преимущество одно толь-
ко у него останетѣся; эшотъ человекѣ
естѣ — Король Французскій.“

При семѣ словѣ хозяинъ дома потчасѣ
вскочилъ съ мѣста, и всѣ гости всшали.
Онъ подошелъ къ Казоту, и съ видомѣ
огорченія сказалъ ему: уже время, дорогой
Казотъ, прекратише эту печальную шушку.
Вы простираете ее слишкомѣ далеко, и вво-
дите въ хлопоты все общество и самихѣ
себя. Казотъ, не отвѣчая ни слова, воз-
намѣрился уйши; Г-жа Граммонъ, кошо-
рой хотѣлось разогнать смущеніе, по-
дошедши къ нему, сказала: Господинъ про-
рокъ! вы объявили намѣ будущія приключе-

нія; для чего же о себѣ ничего не говорите? — Казотъ нѣсколько времени молчалъ, попутивши взоры. — „Милоспивая государыня! читали ль вы у Іосифа объ осадѣ Іерусалима?“ — Безъ сомнѣнія. Кому не извѣстно это мѣсто? Однакожь положимъ на часъ, будто я не читала его. — „Во время осады, одинъ человекъ семь дней сряду, въ виду осажденныхъ и осаждающихъ, по разу въ день обходилъ вокругъ окоповъ, крича голосомъ громкимъ и плачевнымъ: *горе Іерусалиму!* а въ седьмой день закричалъ: *горе Іерусалиму! горе и мнѣ!* и въ шужь минушу пребольшой камень, брошенный изъ машинъ непріятельскихъ, упалъ ему на голову, и размозжилъ его подъ собою.“

Послѣ сего отвѣта Г. Казотъ поклонился и ушелъ.

(Изъ Франц. Журн.)

IV.

С м ѣ с њ:

Въ Лейпцигѣ явилась *Рутная книга* объ *Эстетикѣ*, соч. Г-на Доктора и Профессора *Аста*. Переведемъ изъ нее мѣсто, — не для того чтобъ хотѣли мы увѣрять читателей,

будто во всѣхъ Нѣмецкихъ Университетахъ *Эстетика* преподается такимъ образомъ, какъ училъ Г. Астъ, но чшсбъ показать только, какой безпорядокъ дѣлается отъ страсти къ Метафизикѣ въ головахъ, созданныхъ не для размышленія объ ошвлеченныхъ предметахъ. „Наука — говоритъ Г. Докторъ Астъ — есть созерцаніе и представленіе совершенной гармоніи безконечнаго и конечнаго; Философія есть познаніе конечнаго въ безконечномъ, а Религія есть созерцаніе и познаніе безконечнаго въ конечномъ; или, *яснѣе сказать*: Наука есть пространство, какъ объективное явленіе божественнаго въ земномъ; Философія есть время, какъ субъективное познаніе частнаго въ общемъ, а Религія, единица и мать обѣихъ первыхъ, — есть прѣизданіе и единство пространства и времени въ безконечныхъ идеяхъ о конечномъ.“ — Изъ сего видно, что слушатели Г - на Доктора и Профессора *Аста* получаютъ весьма ясныя понятія о Религіи, Наукѣ и Философіи!

Французы называютъ *Делия великимъ* своимъ Поэтомъ. Положимъ, что сіе пышное шитло можетъ казаться подозрительнымъ для людей безприсрастныхъ; ибо вся Европа знаетъ, что за Рейномъ вели-

кихъ людей считающъ сотнями: однакожь надобно согласишься, что достойнъ занимать мѣсто на ряду съ хорошими Авторами поэтъ, кто первой умѣлъ, не унижая Поэзию, описать подробности сельской жизни, — кто первой началъ прилично употреблять слова, копорыя до того времени не могли входить въ словарь Поэзию, — кто смѣло проповѣдывалъ въ стихахъ спасительныя истины тогда, какъ самое молчаніе вмѣнялось въ злодѣйство честному человеку. Демилъ и по снаршинству своему, и по заслугамъ, и по дарованіямъ, и по учености — о которой, скажемъ мимоходомъ, не всѣ Поэты заботятся — имѣетъ неоспоримыя права на отличное уваженіе, и пользуется имъ неотъемлемо. Публика нетерпѣливо ожидала новой Поэмы — *Воображенія*. Поэма напечатана. Журналисты, впрочемъ соблюдая должное уваженіе къ славному Автору, не усмннлись критически разсматривать твореніе, и сказать, что хорошо въ немъ, что дурно. Явились рецензіи въ Мониторъ, въ Ученомъ Архивѣ, въ Пересмотрѣ, словомъ, во всѣхъ лучшихъ Французскихъ Журналахъ. Не считаемъ нужнымъ помѣщать ихъ въ *Вѣстникъ*; скажемъ только, что рецензіи тѣмъ занимательнѣе, тѣмъ полезнѣе для читателей, чѣмъ извѣстнѣе имя Сочинителя разсматриваемой книги.

Можетъ быть старому Демлю ни къ чему не послужатъ замѣчанія Рецензентовъ; но если онъ истинно любитъ Словесность, если пользу соотечественниковъ предпочитаетъ минутному удовольствію самолюбія: то вѣрно извинитъ ихъ мнимую дерзость.

Г. Дидотъ, славный Парижскій типографщикъ, издалъ новой переводъ Виргиліевыхъ пастушескихъ стихотвореній на Французскомъ языкѣ. Достойно примѣчанія, что Г. Дидотъ самъ перевелъ Эклоги, самъ вырѣзалъ буквы, самъ вылилъ ихъ, и самъ напечаталъ труды свои.

Г. Брандъ, Ректоръ въ Бреславлѣ, издалъ новой Польско - Нѣмецкой Лексиконъ, о кошоромъ Журналисты весьма выгодно ошзываются. Издатель приложилъ Разсужденіе свое о склоненіяхъ и спряженіяхъ Польскаго языка, и въ предисловіи выхвалялъ красоты его и богатство. Известно, что Поляки начали обрабатывать языкъ свой еще при Ягеллонахъ; золотой вѣкъ его былъ въ шестнадцатомъ столѣтїи, въ царствованіе Короля Сигизмунда Августа. Кохановскій, умершій въ 1583 году, оставилъ переводъ Псалмовъ Царя Давида, и нѣсколько другихъ стихотвореній, донны-

нѣ уважаемыхъ его соотечественниками. Наставшія потомъ частыя войны помѣшали Полякамъ упражняться въ Словесности; языкъ ихъ началъ поршиться, а особливо въ правленіе Королей Саксонскаго Дома. При послѣднемъ Королѣ Спаниславѣ Августѣ Словесность пришла въ лучшее состояніе, и въ самыя несчастныя времена обогатилась превосходными сочиненіями. Нарушевичъ, Красицкій, Карпинскій, Венгерскій, Нѣмцевичъ, Шимановскій, Дмоховскій, Трембедкій, суть имена Писателей нашего времени, драгоценныя для любителей Польской Словесности.

Въ С. Петербургѣ изъ типографіи Иферсена черезъ лавку книгопродавца Заикина выходящій въ свѣтъ первая книжка Повѣстей Августа Лафоншена. Мы не знаемъ Издашелей сихъ Повѣстей; но люди, которые участвовали въ переводѣ оныхъ, намъ не безъизвѣстны. Изъ числа сихъ Переводчиковъ одинъ — до прочихъ намъ нѣтъ дѣла — не хотѣлъ бы, чтобъ не спрося у него печатали труды его, которыми никто не имѣетъ права располагать по своей волѣ, а и того менѣе люди безграмотные. Этому неугомонной Переводчикъ почитаетъ самую пустую и неосновательную причину, будто бы побудившую Издашелей напечатать чужіе переводы. „Не у насъ находятся Журналы,

въ которыхъ помѣщены сія Повѣсти — говоряшъ Издашени — а рѣдкой не желалъ бы читашъ Лафонтена. Мы собрали нѣкоторыя изъ сихъ пѣсѣ, и предлагаемъ ихъ читающей публикѣ.“ Нашъ Переводчикъ ашимъ не доволенъ. Не имѣя свободнаго времени объявишъ Издашелямъ права свои другимъ образомъ, онъ проситъ — для составленія вшорой, третей и послѣдующихъ книжекъ, которыя хотяшъ они выдаватъ — ничего не брашъ изъ его запаснаго анбара, пошому что онъ, будучи великой охотникъ хозяйничашъ, любитъ самъ распоряжатъ своею собственностію.

ПОЛИТИКА.

I.

*Замѣчанія о войнѣ 1805 года, и о
Пресбургскомъ мирѣ.*

(Продолженіе.)

Такимъ образомъ Генералъ Маккъ — тотъ самый, который въ Италіи передался Французамъ, попомъ бѣжалъ отъ нихъ — при Ульмѣ воздвигъ себѣ памятникъ безчестія. Мнѣ больно было писать слова сїи; ибо до того времени я жалѣлъ о немъ; жалѣлъ, что, по несчастію, хитрость или ошибка назначила ему такую должность, которой онъ не могъ исправить; я жалѣлъ бы о немъ еще и теперь, если бы онъ поступилъ по крайней мѣрѣ какъ прилично честному Нѣмцу. Стоило ему только захотѣть того, что онъ долженъ былъ сдѣлать; то вѣрно успѣлъ бы пробиться, имѣя при себѣ такое множество ратниковъ, готовыхъ къ сраженію. Война есть ужасное ремесло; шумъ не спрашиваютъ, много ли прольется человеческой крови, да и самъ Генералъ Маккъ прежде не оказывалъ столь нѣжной чувствительности. Развѣ не хотѣлъ ли онъ

сберечь для своего Императора многихъ храбрыхъ воиновъ? но сѣи воины по договору о сдачѣ были потеряны на все время войны, кромѣ малаго числа убѣжавшихъ отъ плѣна, да и изъ нихъ только природные жители явились гдѣ Начальству, а прочіе разсѣялись по всему Сѣверу, или записались въ службу Государствъ чужеземныхъ.

Но Полководецъ не долженъ ни помышлять о такой причинѣ, ни извиняться ею. *Пробитъся* — вотъ къ чему обязывала его честь и должность. Успѣвши въ своемъ предпріятіи, по крайней мѣрѣ онъ спасъ бы половину арміи, которая могла бы еще быть полезна, и Свѣтъ простилъ бы ему все, что прежде ни сдѣлано. Если же не удалось бы предпріятіе, то онъ, какъ солдатъ, исполнилъ бы долгъ свой, и всѣ друзья и неприятели отдавали бы справедливое уваженіе подвигу его. Если бъ онъ лишился жизни; что нужды! онъ предохранилъ бы себя отъ пеперешняго поношенія, и отечество вспоминало бы о немъ съ прискорбіемъ, вмѣсто того, что нынѣ произноситъ имя его съ презрѣніемъ. Божусь, что — не упоминая о судебномъ слѣдствіи, которое ожидаетъ его, но которое, по извѣстнымъ причинамъ, для него не весьма опасно — я ни за всѣ вѣнцы Царскіе, ни за всѣ горы золотыя, не согласился бы взять на себя тяжестъ, которую

онъ принужденъ теперь носить въ своемъ сердцѣ.

Всего удивительнѣе, какимъ образомъ многіе Генералы, бывшіе съ нимъ въ Ульмѣ, согласились отдаться непріятелю! Тутъ не лзя извиняться долгомъ повиновенія; ибо, вѣроятно, прежде былъ держанъ военной совѣтъ, гдѣ каждой могъ объявлять свое мнѣніе. Слѣдственно еслибъ не большинство голосовъ рѣшило сдачу, то ей никогда бы не сбыться. Но я съ своимъ чувствомъ и понятіемъ о чести никакъ не умѣю себѣ представить, какъ рѣшился хоть одинъ изъ Генераловъ подать голосъ на такое униженіе. Положимъ, что Маккъ здѣсь поступилъ самовластно, что не спрашивалъ и не слушалъ своихъ товарищей; надобно ли имъ было повиноваться? Лишь только главной Предводителю начинаетъ говорить о сдачѣ, въ ту минуту онъ перестаетъ быть Начальникомъ, ибо оставляетъ свою должность; кто надѣется, что можетъ отправлять ее съ успѣхомъ, тотъ обязанъ взять на себя права Начальника, копорой съ себя ихъ слагаетъ. Если же сіе разсужденіе казалось несновательнымъ; но не ужели главноначальствующій Генералъ, копорой отъ прусости или для измѣны отдается непріятелю, воленъ безчестить своимъ поступкомъ всѣхъ подчинен-

ныхъ Офицеровъ? не ужели человѣку, имѣющему истинное понятіе о чести и должности, вмѣнишся въ преступленіе, когда онъ сталъ бы провиниться намѣренію, столь вредному для Монарха и Государства? никакъ! Бываютъ случаи и обстоятельства, которыя требуютъ особливыхъ мѣръ, и извиняющъ ихъ. Всѣ Офицеры, бывшіе въ Ульмѣ, должны бы лучше драться съ Маккомъ, нежели согласиться, чшобъ онъ доброе имя ихъ подвергнулъ опасности. Спаршему, или отважнѣйшему Генералу надлежало принять на себя отважное дѣло. Еслибъ Маккъ казался неизлѣчимымъ отъ своей болѣзни, отъ страха сдаваться: надлежало приславить къ нему спражу, и увѣдомить войско о принимаемыхъ мѣрахъ. Всѣ солдаты, имѣя ревностную охоту сражаться, одобрили бы такой поступокъ; нѣсколько словъ объ истинной обязанности, объ истинной воинской славѣ, произнесенныхъ человекомъ, котораго всѣ любящъ, къ которому имѣютъ довѣренность, еще болѣе вдохнуло бы въ нихъ геройской рѣшительности. Тогда съ мужествомъ, съ надеждою на Бога и на свою справедливость, смѣло приступай къ дѣлу! Кто палъ на сраженіи, тотъ умеръ какъ герой, и славно скончалъ свой подвигъ. Удалось предпріятіе — тогда справедливый Императоръ достойно воздалъ бы храбрымъ

своимъ войнамъ; а еслибъ онъ того не сдѣлалъ, наградила бы ихъ собственная совѣсть и уваженіе всей Европы. Не удалось — тогда потеря была бы не болѣе той, какая послѣдовала отъ сдачи; но честь, безцѣнная честь, оспалась бы при несчастныхъ, а непріятель, потерпѣвъ великой ущербъ, научился бы, если не бояться Нѣмецкой храбрости, по крайней мѣрѣ уважать ее. Вышло совсѣмъ противное, и этого никакъ нельзя считать добрымъ знакомъ; ежели шибъ есть что-нибудь хорошее, такъ развѣ то, что въ Ульмѣ строго была наблюдаема воинская подчиненность.

Не могу окончить сей несчастной криптики на Ульмскую сдачу безъ того, чтобы не помѣстить здѣсь слѣдующей эпиграммы, которая можетъ развеселить читателей, и наградить ихъ за претерпѣнную досаду:

„Въ гордой прокламаціи своей Маккъ поклялся, со всѣмъ гарнизономъ питаться лошадинымъ мясомъ. Но, увы! сія пища была очень нездорова; она принудила Генерала сдаться, прежде еще, нежели онъ оповѣдалъ ее (*).“

(*) Прилагается Нѣмецкой подлинникъ эпиграммы и Французское подражаніе оной:

Такъ и должно ! Пускай по крайней мѣрѣ жало саширы колетъ Макка, если бѣ и удалось ему избавишься отъ меча правосудія.

Хотя надлежитъ отдать справедливостъ мужеству Французскихъ солдатъ ; однакожь не лзя сказать , чтобы они приобрѣтенными выгодами — сколь впрочемъ ни важны сїи выгоды — могли хвалишься , какъ слѣдствїемъ подвиговъ знаменитыхъ. Все это , по причинѣ дурнаго плана , по недостатку согласія въ дѣйствїяхъ , и потому что не встрѣчались сопротивленїя , досталось Французамъ такъ легко , что они сами шутили надъ своими успѣхами. Ульмское произшествїе шѣмъ еще пагубно было , что непрїятель самолюбивый , имѣющій высокое понятїе о своемъ достоинствѣ , ушвердился во мнѣнїи своемъ о глупости и слабости Нѣм-

In stolzer Proclamation
 Schwört Mack , mit seiner Garnison
 Von Pferdefleisch zu leben ,
 Doch ach ! das Mahl ihm schlecht bekam
 Es trieb , eh er's noch zu sich nahm ,
 Ihn schon zum Uebergaben ,
 Admirons Mack , ce grand héros ,
 Qui plutôt mange fes chevaux
 Que de se laisser prendre.
 Mais ce repas de Monsieur Mack
 A bientôt gâté l'estomac
 Et l'a forcé de se rendre.

цовъ , и увѣрился въ шомъ , что побѣдить его не можно ; напрошивъ того Австрійскія войска лишились послѣдняго остатка расшорности и самонадѣятельности.

Только при Италіянской арміи сего не случилось. Она носила въ себѣ духъ великаго своего Полководца , Эрцгерцога Карла — и сражалась храбро. Ниже самъ искусный и храбрый Массена ничего не могъ ей сдѣлать. Только превосходная сила непріятельская принудила ее отступитъ назадъ ; но и сего отступленія виною была не многочисленность Французовъ , но несчастныя происшествія въ Германіи и занятіе Тироля , чрезъ которой могъ непріятель зайти въ тылъ Италіянской арміи. Эрцгерцогъ , вѣрный сынъ отечества , видѣлъ Австрійскія области и самую столицу въ опасности. Онъ рѣшился спасти , что можно было ; потянулся назадъ , безпрестанно сражаясь , и никогда не проигрывая : такое отступленіе , достойное какого - нибудь *Моро* , несравненно знаменитѣе , нежели Ульмское дѣло , которое не стоило Французамъ ни малаго труда. Жаль , что Эрцгерцогъ не достигнулъ прекрасной цѣли своей , и что во второй разъ не успѣлъ , какъ избавитель отечества , обвить лавровой вѣнокъ дубовыми листьями. Онъ былъ уже близко къ своей цѣли ; еще нѣсколькo

дней — и, вѣроятно, дѣла пошли бы другимъ порядкомъ.

Можно было предвидѣть, что Наполеонъ, такъ легко управившись съ многолюдною, изъ 80,000 человекъ состоявшею арміею — съ тою самою, копорая должна была остановить его, но копорой половину онъ разсѣялъ, другую взялъ въ пленъ — погонится далѣе за счастьемъ, потому что Австрійцы и шамъ, гдѣ могли, почти никогда не пользовались своими выгодами: Бонапарте отдѣлилъ часть арміи — въ копорей были и Баварскія войска — противъ Тироля и Спиріи, и поспѣшно прошелъ Австрію, не встрѣтивъ на пути многихъ препятствій; ибо корпусъ Генерала Кинмайера не могъ остановить его; Россіянъ также было немного. Не смотря на малочисленность, сіи послѣдніе сдѣлали все, что только можно было сдѣлать; по крайней мѣрѣ останавливали непріятеля, и сражались весьма успешно, а особливо при Кремсѣ. Достоверно извѣстно, что вся дивизія Генерала Мортье истреблена въ семъ сраженіи, и что 1 Генералъ, 6 Офицеровъ, 1500 солдатъ, 5 знаменъ, и 8 пушекъ остались въ рукахъ побѣдителей. Кто знаетъ, какъ трудно малочисленной арміи, отступающей назадъ, стоять противъ сильнаго, съ дикою опрометчивостію наступающаго непріятеля;

потѣ безъ сомнѣнїя удивляется славному сопрошвленїю Россійской колонны; ибо опѣ нее не зависѣло остановишь Французовѣ.

Между тѣмъ было еще время пригото- виться въ Вѣнѣ къ отраженїю грозящаго над- свїя, и взять нужныя къ тому мѣры. Однакожь, къ несчастїю, сего не сдѣлано, или по безпечности, или пошому что со- всѣмъ потеряли присущее духа. Даже не позаботились очистишь цейггаузѣ, един- ственное хранилище военныхъ снарядовъ Имперїи, — хотя по Дунаю легко можно было отправишь ихъ далѣе во внутренность Госу- дарства. Но ежели и пропустили случай упо- требишь сїю мѣру осторожности: развѣ не оставалось еще времени вооружишь всю Вен- герскую націю, которой испытанная, вѣр- носшь и мужество сколько были бы полезны для Австрїйцевѣ, сколько опасны для Фран- цузовѣ? Когда уже оказался недостатокъ въ военныхъ людяхъ — хотя мудроно дога- даться, куда они дѣвались, ибо въ полѣ было по крайней мѣрѣ 230,000 человекѣ — шо надлежало въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, а особливо въ Богемїи, гдѣ корпусъ Эрцгер- цога Фердинанда снова собрался и умножил- ся, въ Сальцбургѣ, въ Спирїи и другихъ, вооружишь всѣхъ жителей.

Знаю, что поголовныя вооруженія ничего не рѣшаютъ, что онѣ часто бывають вредны, и что для непріятеля удобнѣе разорять такія области; однакожь въ семъ случаѣ поголовное вооруженіе было необходимо, какъ средство отчаянное; оно принудило бы непріятеля раздѣлить свою силу, и остановило бы его быстрое шеченіе. Между тѣмъ можно бы выиграть время; подоспѣли бы Россійскія колонны; Эрцгерцогъ Фердинандъ еще болѣе усилился бы въ Богеміи; Венгры выступили бы на границу; Эрцгерцогъ Карлъ пришелъ бы въ самую пору, и Вѣна осталась бы въ совершенной безопасности, или по крайней мѣрѣ непріятель принужденъ былъ бы немедленно снять осаду; вѣроятно не послѣдовало бы сраженія при Аустерлицѣ, или оно окончилось бы другимъ образомъ. Приказъ о поголовномъ вооруженіи вѣрно былъ бы весьма полезенъ, и жители исполнили бъ его съ охотою. Надлежало вездѣ защищаться отъ непріятеля; чего лишились бы жители отъ грабежа, то потеряли они отъ контрибуціи и поборовъ — разницы нѣтъ никакой. Но можетъ быть непріятель не зашелъ бы такъ далеко, или скоро былъ бы принужденъ возвратиться.

Изумленіе и замѣшательство овладѣли всѣми, и не дозволили думать о средствахъ спасенія. Между тѣмъ Французскія колон-

ны спокойно приближались къ Вѣнѣ, и наконецъ заняли ее; но чтобы не дать ни минуты отдохнуть Русскимъ и Австрійскимъ войскамъ, тотчасъ переправились черезъ Дунай. Этого не удалось бы имъ исполнить такъ скоро и легко, если бы Князь Ауерсбергъ не сдѣлалъ непростишальной ошибки, то есть еслибъ, согласно данному повелѣнiю, разрушилъ мостъ, — къ чему все уже было готово. Ему нельзя извинять себя тѣмъ, что его обманули мнимымъ перемирiемъ; ибо медленность въ такихъ случаяхъ бываетъ пагубна. Перемирие, еслибъ оно въ самомъ дѣлѣ заключено было, все еще не миръ, и военныя дѣйствiя могли опять начаться весьма скоро, ибо непрiятель, столь близко находившiйся, не такъ легко согласился бы заключить миръ; слѣдствено должно было исполнить данное повелѣнiе. Отъ сей ошибки Князя Ауерсберга произошло множество бѣдствiй. Предположимъ, что мостъ въ надлежащее время былъ бы взорванъ на воздухъ, — Союзники остановились бы на другомъ берегу Дуная; еслибъ предприимчивый непрiятель захотѣлъ усиленно переправиться, въ чемъ безъ сомнѣнiя Русскiе спали бы мѣшашъ ему; но непременно потерялъ бы много людей, слѣдствено перешелъ бы на другую сторону гораздо въ меньшемъ числѣ. Нѣсколько сраженiй, которыя и прежде были невыгодны для Французовъ,

вѣроятно стоили бы имъ еще большей потерри ; слѣдственно или совсѣмъ непослѣдовало бы сраженія при Аустерлицѣ , или Наполеонъ привелъ бы шуда менѣе войска , отъ чего дѣла пошли бы другимъ порядкомъ :

Тотъ весьма ошибается, кто почитаетъ Аустерлицкое сраженіе , сколь оно впрочемъ ни было кровопролитно , такъ рѣшительнымъ , будто необходимо надлежало заключить миръ послѣ битвы. Если положишься на пишическія описанія Французскихъ *бюллетеней* ; то выходитъ , что Русскіе и Австрійцы *побиты на голову* , и что *малой остатокъ* первыхъ , возвратившійся въ отечество , спасеніемъ своимъ обязанъ великодушію Г - на Бонапарте. Однакожъ извѣстія со стороны Россіянъ и Австрійцевъ обнаружили дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія , что при большихъ газардныхъ играхъ обѣ стороны прячуть кошельки свои, и что каждая въ подобномъ случаѣ увеличиваетъ выигрышъ , уменьшаетъ проигрышъ. Но теперь уже всѣмъ извѣстны донесенія очевидцевъ , безпристрастно и справедливо описавшихъ сіе великое сраженіе.

Изъ упомянутыхъ донесеній видно , что во Французскихъ бюллетеняхъ *солгано* , будто Русскихъ было 80,000, Австрійцевъ 25,000, всего 105,000 человекъ ; а Французская армія будто состояла только изъ 90,000,

кой арріергардъ вовсе не былъ въ дѣлѣ. Вѣриѣе, что Французская армія состояла точно изъ 120,000, ибо корпусъ Барнадошповъ еще за день до сраженія соединился съ главною арміею; напрошивъ того, Русскихъ и Австрійцевъ было только съ небольшимъ 60,000 человекъ.

Если предводителямъ союзныхъ войскъ извѣстна была такая несоразмѣрность въ числѣ людей; то конечно можно назвать смѣлою рѣшительность драться со столь многочисленною арміею. Надлежало предвидѣть, что непріятель ничего не пощадитъ; чѣмъ оспоритъ побѣду, ибо въ противномъ случаѣ положеніе Французовъ было бы весьма сомнительное. Кажется, Наполеонъ въ этомъ былъ увѣренъ очень твердо; потому-то Барнадошповъ корпусъ съ такою поспѣшностію приближался къ главной арміи; поэтому - то непріятель съ такою заботливостію собиралъ всѣ свои силы; поэтому - то Наполеонъ ходилъ по ночамъ ободрять солдатъ, отъ которыхъ зависѣла безопасность короны, возложенной имъ, за годъ прежде, на свою голову. Едва ли и союзныя войска, по причинѣ невыгоднаго мѣстоположенія, могли бы причинить Французамъ сколько вреда, еслибъ Императоры; Всероссійскій и Австрійскій, присутствіемъ Своимъ не воспламенили мужества въ воинахъ. Самъ непріятель мно-

го споспѣшествовалъ шому своею хитростію, умышленно скрывая силу свою, притворяясь болѣе робкимъ, нежели какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и заманивая въ сѣти коварнымъ опсупленіемъ. Но все сіе не имѣло бы непріятныхъ слѣдствій, еслибъ шущь не были вмѣшаны нѣкоторыя ошибки.

Планъ сраженія сдѣланъ Австрійцами, копорымъ, какъ предполагали, было извѣстнѣе тамошнее мѣстоположеніе. Можно ли было сдѣлать еще лучше — не стану говорить о томъ рѣшительно; по крайней мѣрѣ кажется, что Русскіе замѣтили погрѣшности, и предложили съ своей стороны нѣкоторыя перемѣны, копорыя однакожь не были уважены. Главная ошибка въ томъ, что конницу, состоявшую по большой части изъ Австрійцевъ подъ начальствомъ Князя Лихтенштейна, не раздѣлили на части, но всю вмѣстѣ поставили на правомъ крылѣ, гдѣ она мало, или совсѣмъ ни къ чему не служила. Русская пѣхота сражалась чрезвычайно хорошо, а особливо Императорская Гвардія и лѣвое крыло, копорымъ предводительствовалъ опытный Генералъ, Графъ Буксгевденъ. Сіе крыло успѣло придти на мѣсто сраженія прежде всѣхъ, весьма рано, а именно въ семь часовъ. Оно съ неустрашимостію двинулось впередъ; Французское правое крыло, управляемое Генераломъ Даву, встрѣшило его съ упорствомъ; Русскіе при

раза опрокидывали Французовъ, даже били ихъ прикладами, и гнали весьма далеко.

Началось сраженіе въ центрѣ, гдѣ Французы были несравненно сильнѣе Русскихъ. Не смотря на то, сіи послѣдніе наступали впередъ, почти совсѣмъ не стрѣляя; Императорская Гвардія нападала штыками не только на пѣхоту, но даже на конницу. Сраженіе было также кровопролитно, какъ на лѣвомъ крылѣ. Но здѣсь-то оказались слѣдствія великой ошибки, а именно той, что конница не была разставлена въ разныхъ мѣстахъ, для подкрѣпленія пѣхоты. Австрійско-Русскія колонны находились одна отъ другой въ довольно великомъ разстояніи, и промежутки не были прикрыты конницею: по сей причинѣ Французскимъ дивизіонамъ удалось пройти между Россійско-Австрійскими колоннами; положеніе сихъ послѣднихъ сдѣлалось сомнительнымъ, и армія въ двенадцать часовъ отступила къ Аустерлицу въ хорошемъ порядкѣ.

Сіе отступление привело въ опасность лѣвое крыло, все еще сражавшееся съ отличною храбростію; центрѣ Французской арміи подалъ помощь правому своему флангу, отправилъ къ нему три сильныя дивизіона, которые и зашли въ тылъ Русскимъ, находившимся впереди. Не смотря на то, Русскіе, которыхъ было шуть не болѣе десяти ты-

сячь, стояли крѣпко, и уже въ 4 часа принуждены были уступить превосходству въ многолюдствѣ. Они начали подаваться назадъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ, безпрестанно сражаясь; даже много разъ очищали себѣ дорогу, пробиваясь сквозь ряды многочисленнаго непріятеля, а особливо при деревнѣ Урсдѣ, которая была занята Французами, и чрезъ которую надлежало проходить сквозь огонь. Само собою разумѣется, что Французы или много пощерцѣли, или наспращены были — иначе они вѣрно погнались бы за Россійскими полками.

Такимъ образомъ окончилась битва, которую совсѣмъ нельзя сравнивать со сраженіемъ подъ Маренго, и въ которой обѣ стороны дѣйствовали съ чрезвычайнымъ усиленіемъ. Еслибъ Фортуна награждала по заслугамъ, то здѣсь побѣда по всей справедливости принадлежила Русскимъ, которые достойны своей славы. Самъ Наполеонъ сказалъ о нихъ: „Эти Русскіе суть настоящіе живые бастионы!“

Великодушный ихъ ИМПЕРАТОРЪ въ первой разъ явился Героемъ на бранномъ полѣ. Во все сраженіе Онъ находился въ центрѣ арміи, въ мѣстахъ опаснѣйшихъ. Войны, обожающіе своего Монарха, напомнили Ему объ опасностяхъ; Онъ отвѣчалъ спокойно: „Россійскій ИМПЕРАТОРЪ не боится смерти.“

Чье сердце, способное чувствовать и измѣрять все великое, — чье сердце не болѣзнуетъ, что судьба не дозволила Союзникамъ одержать здѣсь совершенной побѣды? Безкорыстныя намѣренія АЛЕКСАНДРОВЫ достойны были лучшей награды. Онъ пришелъ не грабить страны, не порабощать жителей; нѣтъ! Онъ желалъ только участвовать въ восстановленіи равновѣсія и общей тишины въ Европѣ. Ему и удалось бы успѣть въ спасительномъ своемъ намѣреніи, еслибъ одинъ Онъ располагалъ дѣлами. Къ сожалѣнію, сія крашкременная, но богатая слѣдствіями война служилъ новымъ доказательствомъ, что соединенныя войска разныхъ Державъ рѣдко сражаются счастливо.

Пусть же никто не вѣритъ выпущеннымъ изъ Вѣны Французскимъ извѣстіямъ о потерѣ, понесенной союзною арміею, и о состояніи войскъ послѣ битвы при Аустерлицѣ. Всѣ сіи извѣстія увеличены, разкрашены, наполнены противурѣчіями и неправдою. Исторія можетъ быть Романомъ на нѣкоторое только время. Облака дыма при тихой погодѣ покрывали ратное поле подъ Аустерлицомъ; повѣялъ вѣтръ — и обнаружилось число убитыхъ Французовъ: равнымъ образомъ рука времени сниметъ завѣсу — тогда истина откроется во всей наготѣ своей. Кто имѣетъ понятіе о сраженіяхъ вообще, а особливо кто знаетъ о сей крово-

пролистной бившѣ; тогда ясно виднѣть, сколь несправедливы извѣстїя о мнимои потерѣ. По Французскому счету, Союзники потеряли 20,000 человекѣ, а Французы только 800, *восемь сотѣ* (!!), говорю, убитыми и 1500 ранеными; между тѣмъ какъ сами же они признаются, что главная линїя выдерживала безпрестанной огонь, и что Русскїе весьма храбро сражались.

Тогда можно было только смѣяться надъ сими донесенїями; теперь дѣло всѣмъ уже извѣстно. Если Французы не болѣе, то вѣрно же и не менѣе потеряли, нежели Союзники; смѣло можно увѣрять, что по крайней мѣрѣ 10,000 изъ нихъ осталось на мѣстѣ сраженїя. Въ *бюллетеняхъ* сказано, будто *вся Россійская Гвардія истреблена*: вмѣсто того оказалось досповѣрно, что она потеряла убитыми не болѣе 635 человекѣ; напрошивъ того отъ *славнаго и превозносимаго* корпуса Мамелюковѣ пошло домой только 44 человека. Если принять, что Союзники не захопѣли объявить наспоющее число людей убитыхъ; то все-таки они не стали бы считать по той *ариемешикѣ*, которую жалуютъ Французы.

Если въ чемъ-нибудь потеря Союзниковѣ превышаетъ уронъ Французовѣ, такъ это въ *плѣнныхъ*, въ *тяжелыхъ орудїяхъ* и въ *знаменахъ*. Что касается до *взятыхъ въ полонъ*, — Французы и тутъ погрѣшили.

прошивъ истины, объявивъ, будто досталось имъ 22,000, а въ самомъ дѣлѣ они взяли не болѣе 8000, или по крайней мѣрѣ 9,000 человекъ, большею частію раненыхъ. Русскіе также взяли въ плѣнъ многихъ Французовъ, опбили нѣсколько знаменъ и пушекъ. Французы утверждаютъ, будто Русскіе лишились всей своей артиллеріи — опять ложь! Русская армія, возвращаясь въ отечество, имѣла при себѣ болѣе 200 пушекъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Еслибъ нынѣшній Парижскій Конвентъ Іудеевъ собранъ былъ за двадцать лѣтъ прежде, — онъ возбудилъ бы вниманіе въ цѣлой Европѣ, былъ бы любимую матерію разговоровъ для людей образованныхъ. Теперь и кромѣ Іудейскаго Конвента много дѣла просвѣщенной Публикѣ и Журналистамъ. Не смотря на то, сей феноменъ довольно важенъ, по странной цѣли замысловъ Наполеона Бонапарте, которой думаетъ, какъ видно, не объ однихъ только Евреяхъ Французскихъ и Испаліанскихъ. Французскій Сенаторъ Г. Грегуаръ путешествовалъ по Германіи, будто бы для обозрѣнія училищъ. Примѣчено, что въ Берлинѣ и другихъ Нѣ-

мецкихъ городахъ Г. Грегуаръ весьма рѣдко, и то на короткое время, посѣщалъ Нѣмецкія школы; вмѣсто того прилѣжно развѣдывалъ о состояніи *Еврейскихъ обществъ*. Изъ этого заключающъ, что письмо одного богатаго Раввина, придворнаго Агента Брауншвейскаго, Израиля Якобсона, къ Наполеону Бонапарте было слѣдствиемъ сношеній между симъ Раввиномъ и Французскимъ Сенаторомъ. Г. Якобсонъ просилъ Наполеона принять подъ свое покровительство всѣхъ Евреевъ, обитающихъ въ Германіи, и предложилъ 1. учредить во Франціи Верховное Правительство Еврейское подъ предсѣдательствомъ Патриарха; 2. раздѣлить Евреевъ на повѣшы, и въ каждомъ изъ повѣшовъ установить Синодъ, который, состоя подъ вѣдомствомъ Французскаго Правительства, назначалъ бы Раввиновъ, и управлялъ духовными дѣлами; 3. уполномочить Верховное Правительство давать дозволеніе Евреямъ отправлять гражданскія повинности въ каждомъ Государствѣ. Нѣшъ сомнѣнія, что такое *умное* предложеніе полюбилось Г-ну Бонапарте, которой, можетъ быть, наградилъ Жида Брауншвейскаго орденомъ своего Почетнаго Легіона. Это будетъ не новое: Фуршадо и другіе Жиды, нынѣ въ Парижѣ находящіеся, уже украшены сими знаками отличія.

*

Прусскія войска идутъ со всѣхъ сторонъ къ Французскимъ и Баварскимъ границамъ.

Армія состоить болѣе нежели изъ 100,000 человекъ ; сверхъ того около Кисприна собирается запасный соръка - тысячный корпусъ. О Сѣверномъ союзѣ до сихъ поръ еще ничего утвердительно сказать не можно ; однакожь извѣстно , что и Саксонскія войска получили повелѣніе выступить въ походъ : двадцать тысячъ изъ нихъ присоединяются къ 60,000 Прусаковъ , стоящихъ на Верхне-Лаузицкой границѣ. — Экипажи Короля, Фельд-маршала Меллендорфа и всей Королевской свиты , уже отправлены въ армію ; изъ чего заключають , что Его Величество въ скоромъ времени выѣдетъ изъ Берлина. Войны еще не объявлено ; однакожь Прусскій Король , какъ увѣряють уже , далъ знать Франціи , что болѣе не намѣренъ соглашаться на обмѣны своихъ владѣній , и что хочетъ защищать ихъ. Есть люди , которые , помня прошедшее и сожалья , что сей Монархъ упустилъ случай споспѣшествовать благу Европы , думаютъ , что и теперь онъ не приметъ участія въ пораженіи общаго врага : но они ошибаются. Польза Пруссіи и ея отношенія къ окрестнымъ Державамъ необходимо требуютъ мѣръ наступательныхъ. Уже прекращены несогласія между Пруссією и Швецією , и оба Монарха теперь заботятся о безопасности Сѣверной Германіи. Шведскія войска по прежнему заняли Герцогство Лауанбургское отъ имени Короля Англійскаго ; Прусскимъ судамъ , которыя были задержа-

ны въ Шведскихъ гаваняхъ , дана свобода ; Шведскія эскадры удалились отъ Прусскихъ портовъ : всѣ сіи обстоятельство подають поводъ къ пріятнѣйшимъ надеждамъ.

*

Лордъ Лаудердаль все еще находится въ Парижѣ. Увѣряють , что извѣстныя обстоятельства заставили Г - на Бонапарте быть сговорчивѣе , и смягчить свои требованія. Но если представитъ себѣ , что Бонапарте старается заключить миръ единственно для того , чтобъ удержатъ при себѣ все , имъ похищенное , и чтобы навсегда оставитъ дѣла въ томъ состояніи , въ какое онъ привелъ ихъ ; то можно ли думать , будто Англійскіе Министры не догадываются о пагубныхъ его замышляхъ ? можно ли думать , что они пропускатъ нынѣшній случай , когда весь Сѣверъ готовится грянуть на сопоспаша ? Если Бонапарте , скрывая дальнѣйшія намѣренія , старается , по обыкновенію своему , ввернуть какое - нибудь коварное условіе , отъ котораго ожидаетъ себѣ выгодъ : можно ли спастись , чтобы проницательность Англинскихъ Министровъ не опровергнула всѣхъ его замысловъ ? Парижскіе Журналы твердятъ о мирныхъ расположеніяхъ своего Правительсва , и о томъ , какъ нужно возстановитъ спокойствіе въ Европѣ ; между тѣмъ вездѣ приготавливаются къ войнѣ и къ сопротивленію ! Французское Правительсво походитъ на

строфокамила , копорой , спрятавши голову , думаетъ , что никто не видитъ его.

✱

Должно опасаться , что еще у кого -нибудь отнимутъ законныя владѣнїя. Капитанъ Геронимъ Бонапарте , приѣхавшій въ Парижъ , уже получилъ Орденъ Почетнаго Легіона и титулъ Императорскаго Высочества. Онъ приплылъ на корабль Весперанъ о 74 пушкахъ , бывшемъ подъ его начальствомъ. Сей корабль , отдѣлившись отъ эскадры Контръ-Адмирала Вильюме во Флоридскомъ заливѣ , пушился въ Европу , и на пути , у Азорскихъ острововъ , сжегъ шесть Англійскихъ кораблей купеческихъ. Бришпанское Адмиральтейство , увѣдомясь о возвращеніи Геронима въ Европу , немедленно отправило эскадру на встрѣчу непрїятели ; но по несчастію великому Герониму удалось ускользнуть отъ поисковъ. Однакожь надѣются , что Контръ-Адмиралъ Вильюме съ храброю своею дружиною приведенъ будетъ въ одну изъ Англійскихъ пристаней.

✱

Пушечный громъ возвѣстилъ жишелямъ Лондона объ одержанной побѣдѣ въ Калабрии надъ Французами. Англійское войско подъ начальствомъ Генерала Стюарта вышло на берегъ при заливѣ Св. Евфиміи , овладѣло укрѣпленнымъ замкомъ *Амантею* , и взяло въ плѣнъ 600 человекъ непрїятели. Потомъ Стюартъ напалъ на Фран-

цузскаго Генерала Ренье, кощорому сїе сраженїе споило 2000 человекъ ранеными, убитыми и взятыми въ неволю. Пошера Англичанъ маловажна. Генералъ Конперъ доспался въ плѣнъ побѣдителямъ. Такимъ образомъ Англичане овладѣли всею приморскою Калабрїею. Крѣпость Реджіо сдалась на договоръ. Французскій гарнизонъ (668 человекъ), положившій оружіе, опшправленъ въ Мессину, а опшуда въ Генуу. — Знамя Фердинанда IV развѣвается во многихъ городахъ и крѣпостяхъ Калабрїи. Всѣ жители единодушно возспають прошивъ нынѣшняго насильственнаго Правительсшва. — Такъ гласяють почти всѣ извѣсшїя, — кромѣ Неапольскихъ и Парижскихъ, кощорїя содержатъ въ себѣ подробныя описанїя о благоденсшвіи Неаполитанцевъ подъ сѣнїю Іосифа Вонапарте, и о побѣдахъ, одерживаемыхъ Французами надъ мятежниками!!

*

Повелѣнїе о запрещенїи одного Голландскаго Журнала даетъ причину думать, что вся родня Наполеонова имѣетъ непреодолимое опшращенїе опъ свободнаго книгопечатанїя. Еще не забыли, что въ продолженїе переговоровъ, предшествовавшихъ Амьенскому шрактату; Г. Опшо не постыдился предложить объ ограниченїи вольности печатанїя; сшоль драгоцѣнной Англичанамъ! сїе предложенїе тогда опшвергнуто было съ негодованїемъ. Почему знають? можетъ

быть у Бонапарте и теперь заготовлена штабья о книгопечатаніи, на случай заключенія мира. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ Германіи; гдѣ онъ почитаетъ себя полнымъ хозяиномъ; многіе невинные книгопродавцы лишились свободы, а нѣкоторые и жизни за то, что въ лавкахъ своихъ продавали Нѣмецкія книги, которыя не нравились Г-ну Бонапарте. Вотъ что о семъ пишу въ изъ разныхъ мѣстъ: „*Аусбургъ*, 24 *Августа*. Книгопродавцы, здѣшній Спате и Нирнбертскій Пальмъ; взяты изъ домовъ своихъ Французскими жандармами; послѣдній опвезенъ въ Браунау, первый въ Минхенъ, гдѣ сидитъ уже нѣсколько дней въ шюрмѣ. Сіи книгопродавцы, весьма честные и зажиточные граждане, по неосторожности продавали разныя книги и тетради; которыя хотя и не были запрещены отъ Правительства, но не понравились военному начальству чужестранной Державы. Книги сіи суть: *Ардтовъ духъ времени*, *Генцово равновѣсіе*, и *Германія въ своемъ униженнѣйшемъ состояніи*. — Предсательство Королевскаго Правительства до сихъ поръ ничего не могло сдѣлать въ пользу нашихъ согражданъ. — Сказываютъ, что отъ Австрійскаго Правительства требовано выдачи двухъ книгопродавцовъ, одного изъ Линца, другаго изъ Грецца.“ — „*Изъ Минхена*, отъ 28 *Августа*. Книгопродавецъ Пальмъ, опведенный жандармами въ Ульмъ,

будетъ наказанъ весьма строго. Одинъ книгопродавецъ въ Ульмѣ также взятъ подъ стражу.“ — „Изъ Нирнберга, 8 Сентября. Въ числѣ разныхъ книгопродавцовъ, схваченныхъ Французами въ Баваріи, Швабіи и Франконіи за изданіе сочиненія: *Германія въ своемъ униженнѣйшемъ состояніи*, оппведенныхъ въ Браунау и оппданныхъ подъ военной судъ (!!), находился и Г. Пальмъ, хозяинъ одной книжной лавки въ Нирнбергѣ. Въ сію минуту мы получили извѣстіе, что Г. Пальмъ, будучи уличенъ въ изданіи упомянутой книги, осужденъ на смерть, — и *разстрѣлянъ*. Въ тѣхъ же письмахъ, въ которыхъ содержится извѣстіе о семъ происшествіи, прибавляютъ, что несчастный Пальмъ могъ бы спасти себя, еслибъ объявилъ имя сочинителя. Онъ съ твердостію оппрекся оппъ того, и уже на мѣстѣ казни, когда снова потребовали оппъ него признанія, вскричалъ, что лучше умретъ, нежели объявитъ сочинителя! Извѣстно, что послѣ его оспалась вдова и 3 малолѣтнихъ дѣшей. Многія особы опредѣлили уже собрать по подпискѣ не маловажную сумму для вдовы и сиротъ.“ — „Изъ Брандебурга. Многія общества въ Берлинѣ сдѣлали добровольныя складки для вдовы и дѣшей книгопродавца Пальма. Въ здѣшнемъ клубѣ въ одинъ вечеръ собрано около 80 талеровъ.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ , 1806.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Д о з а в т р а .

(Повѣсть Англійской Писательницы Г-жи
Эджевортъ.)

Давно уже я вознамѣрился писать исторію
своей жизни, но до сихъ поръ еще не
начиналъ, все откладывая *до завтра*;
теперь непременно хочу приняться. И
такъ уже много поперяно откладыва-
ніемъ *до завтра*, что надлежало сего дня
сдѣлать.

Отецъ мой былъ челоѣкъ ученый. Въ
то самое время, когда я выходилъ на по-
прище жизни сей, онъ читалъ Біографиче-
скій Словарь. На статью о Великомъ Василіѣ,
пришли сказать ему о моемъ рожденіи.
Отецъ мой воскликнулъ громогласно: „Васи-
лій Епископъ Кесарійскій, Θεологъ и Мора-
листъ, отличился полемическими сочинені-
ями! сынъ мой будетъ называться Василіемъ;

надѣюсь, что онъ пойдетъ по слѣдамъ сего великаго Мужа, будетъ Писателемъ, а можетъ быть еще и Епископомъ.“ При крещеніи назвали меня Василіемъ. Пріятныя надежды моего родителя оправданы въ младенческія лѣта мои многими признаками талантовъ; правду сказать, можно было видѣть ихъ равно во всѣхъ моихъ товарищахъ; однакожь бабюшка видѣла ихъ только во мнѣ одномъ, и заключилъ, что должно употреблять отличное стараніе о моемъ воспитаніи. Онъ не жалѣлъ на то никакихъ издержекъ. Я слышавъ много разъ, что для меня готовится славная участь, началъ было прилѣжно заниматься науками; но скоро узналъ, что выхваляемая дарованія мои много препятствовали успѣхамъ. Мнѣ все казалось, что еще довольно останется времени научиться; полагаясь на будущее достоинство свое, я безпрестанно откладывалъ впередъ, и мало заботился объ ученіи. Привычка откладывать *до завтра* осталась во мнѣ на всегда; она родилась отъ излишняго самонадѣянія, и часто доводила меня до посрамленія.

Опредѣлившись въ публичныя Училища, я слѣдовалъ примѣру лѣнивцовъ, и при всемъ дарованіи своемъ, чаще всѣхъ товарищей получалъ выговоры за уроки. Въсплѣсъ съ лѣшами, усиливалась во мнѣ привычка къ лѣ-

ности, отъ того что слушалъ необдуман-
ные разговоры, а особливо мнѣнія моего ро-
дителя: Одинъ разъ побранивши меня за
лѣность, онъ сказалъ своему пріятелю:
„Остряки всѣ таковы. Здѣсь видите пре-
стѣе изданіе превосходной книги; повѣришь ли,
что Сочинитель ея въ молодыя лѣта былъ
сущимъ лѣнивцемъ, и все откладывалъ до
завтра, точно какъ мой повѣса? а теперь
какъ прославился! Онъ самъ часто призна-
вался мнѣ, что сколько разъ ни предприни-
малъ надъ чѣмъ-нибудь прилѣжно по-
трудиться, никогда не могъ успѣть, какъ
хотѣлось; что всегда ожидалъ вдохновенія,
и писалъ не дѣлая себѣ ни малѣйшаго при-
нужденія. Почти всѣ люди, одаренные выс-
пеннимъ геніемъ, бывающъ лѣнны.“ — Я
спарался употреблять въ свою пользу по-
добные разговоры, и соединилъ въ головѣ
своей понятіе о геніѣ съ понятіемъ о лѣ-
ности; такъ что сей предразсудокъ навсе-
гда оспался во мнѣ, не смотря на всѣ опы-
ты зрѣлаго возраста. Я лишился награды
въ Академіи, пошому что не успѣлъ въ
надлежащее время переписать стиховъ,
мною сочиненныхъ; награжденіе досталось
одному *тулому неждѣ*, которой, кромѣ
прилѣжанія, не имѣлъ никакихъ отличныхъ
качествъ. Всѣ говорили, что стихи мои
были гораздо лучше стиховъ моего соемѣст-
ника; такая неудача спечалила башюшку.

кошорой, видя, что всему причиною собственная его пошачка, захопѣлъ вдругъ перемѣнить обхожденіе со мною. Онъ написалъ пражатѣ на семи листахъ о *лазубныхъ слѣдствіяхъ откладыванія*. — „Пока не выучишь всего этого наизусть — сказалъ мнѣ батюшка — до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ ни ѣсть, ни пить.“ — Я въ самомъ дѣлѣ выучилъ длинное сочиненіе, которое спойло моему отцу великихъ трудовъ, однакожь не могъ исправиться; чувствовалъ вину свою, но не имѣлъ довольно твердости перемѣнить поведеніе. — Скоро потомъ я пропустилъ случай устроить себѣ состояніе. Открылось мѣсто, которое могло бы быть для меня весьма прибыточнымъ. Оно зависѣло отъ одного знакомаго мнѣ Лорда. Полагаясь на общую молву о моихъ дарованіяхъ, онъ поручилъ мнѣ написать Рѣчь, которую долженъ былъ произнести въ Парламентѣ. Я уже выдумалъ основу и расположеніе; но по несчастной привычкѣ своей, не принимался писать, откладывая отъ одного дня до другаго. Приближался срокъ, а Рѣчь все еще была не готова. На канунъ пришли ко мнѣ пріятели, съ кошорыми надлежало заняться. Я начиналъ беспокоиться; но надѣясь на свой талантъ, подумалъ себѣ, что часа въ два успѣю все сдѣлать. Гости мои просидѣли долго; оставшись одинъ, я почув-

сповоалъ великую слабость, и никакъ не могъ обратиться съ мыслями. Рѣшился пораньше встать — но по несчастію проспалъ долго. Въ девятомъ часу пришелъ отъ Лорда слуга за обѣщанною Рѣчью. Не можно описать моего замѣшательства. Я сѣлъ было подлѣ столика, но мысли мои были въ крайней расстройкѣ. Слуга уже съ полчаса дожидался, а я насилу еще написалъ двѣ строчки, очень посредственные. Посланной то и дѣло напоминалъ, что ему приказано скорѣе возвратиться; отъ нетерпѣливой докучки его увеличивалось мое замѣшательство. Наконецъ, видя совершенную невозможность сочинить Рѣчь въ столь короткое время, я написалъ къ Лорду записку, въ которой донесъ ему, что внезапная головная боль помѣшала мнѣ исполнить данное обѣщаніе. На ту пору въ самомъ дѣлѣ голова у меня болѣла — отъ досады и безпокойства. Я проклиналъ свою лѣнь, предвидя слѣдствія. Чего я боялся, то и сдѣлалось. Праздное мѣсто отдано другому, и я лишился покровителя; башюшка жестоко укорялъ меня; казалось бы, что сей случай долженъ послужить для меня урокомъ, однакожь готовились новыя приключенія. . . .

Въ числѣ школьныхъ моихъ товарищей находился одинъ, котораго отецъ долженъ былъ отправиться въ Китай съ Лордомъ

Макаршнеемъ. Я признался ему въ сильномъ желаніи своемъ побывать въ Кипайской Имперіи; онъ отвѣчалъ, что въ этомъ удовольствіи меня не трудно, потому что отецъ его самъ ищетъ человека, умѣющаго рисовать, а въ этомъ я считался не послѣднимъ; пріятель мой далъ слово поговорить своему отцу. Вообще имѣли выгодное мнѣніе о моихъ способностяхъ, полагая, что я сдѣлаю все, за что ни возьмусь; сіе обстоятельство помогло мнѣ получить желаемую должность. Батюшка съ прискорбіемъ смотрѣлъ на мои домогательства; никакъ не могъ забыть, что готовилъ меня для духовнаго званія, и надѣялся когда-нибудь видѣть меня Епископомъ. Я объявилъ ему, что мнѣ, для усовершенствованія ума, должно обозрѣть различные образы жизни въ странахъ далекихъ, — что механическая наука сочинять проповѣди припустила бы мой разумъ, — что я ощущалъ въ себѣ потребность усовершенствованія, и что одна только борьба съ приключеніями въ состояніи обработать мои дарованія.

Батюшка, видя непреклонную мою рѣшительность, совсѣмъ потерялъ надежду на мое Епископство, однакожь все еще думалъ, что изъ меня выйдетъ славный Авторъ; согласился опустить меня въ Кипай, но съ такимъ условіемъ, чтобы я описалъ свое

путешествіе по крайней мѣрѣ въ четырехъ Томахъ, съ приложеніемъ гравированныхъ картинокъ. Я безпрекословно обѣщался исполнить его требованіе, чувствуя въ себѣ искреннее желаніе описать всѣ наблюденія свои въ занимательной странѣ, копорую обозрѣть вознамѣрился.

Имѣя голову наполненную разными прозками и мечшашельными надеждами, я ошѣ ушра до вечера не говорилъ ни о чемъ болѣе, какъ о предпринимаемомъ путешествіи; но по своей привычкѣ всѣ нужныя приготовленія откладывалъ до послѣдней минуты. Уже передъ отъѣздомъ я началъ только собирать ся. Тутъ наполнилась моя комната чемоданами, мѣшками, шюками, книжками, карандашами, красками, изъ копорыхъ надлежало выбирать нужное. Явились купцы, портные, швеи и другіе ремесленники и ремесленницы; родные и пріятели не хотѣли отпустить меня, не простившись; принесено множество записокъ о разныхъ препорученіяхъ. Мнѣ захотѣлось воспользоваться совѣтомъ глубокомысленнаго Локка, ошнотельно приготовленія книжекъ для ежедневныхъ записокъ о путешествіи; началъ сшивать тетради, и разкладывать ихъ въ такомъ порядкѣ, какой предписанъ великимъ Метафизикомъ. Въ сихъ хлопотахъ прошелъ послѣдній день; наступила ночь,

а я ничего еще не сдѣлалъ. Надлежало ѣхать до Портсмута въ легкой почтовой коляскѣ. Всѣ уже сѣли, а ко мнѣ еще не приносили ни бѣлья отъ прачки, ни платья отъ портнаго, и всѣ вещи мои лежали въ безпорядкѣ. Я проклиналъ ремесленниковъ, которые откладываютъ работу, и не выполняютъ даннаго слова. Будучи въ сильномъ движеніи отъ нетерпѣливости, я опрокинулъ чернильницу на приготовленную для дневныхъ записокъ книгу, кою уже награфилъ цѣлую половину; кончилось тѣмъ, что коляска безъ меня уѣхала. Батюшка чрезвычайно опечалился; я подумалъ, что можетъ быть неблагопріятный вѣтеръ помѣшаетъ путешественникамъ отправиться, — что кто-нибудь изъ Посольской свиты подобно мнѣ не успѣлъ выѣхать, и что приѣду въ самую пору. Тоже самое твердилъ я моему батюшкѣ, и успокоилъ его. Онъ согласился отложить отъѣздъ до завтра, потому что ранѣе не лзя было выѣхать. И такъ на другой день я пустился въ дорогу; тотчасъ по прибытіи въ Портсмутъ узналъ, что корабли Индоспанъ и Ліонъ за нѣскольکو часовъ передъ тѣмъ отплыли въ море. Какая несносная досада! я съ ума сходилъ отъ печали. Услышавъ, что небольшое судно отправится въ пунъ съ нѣкоторыми Посольскими вещами, я стремглавъ побѣжалъ къ приспани, нанялъ дорогою цѣною лодку, и

приплыль къ судну въ самую шу минушу ,
когда поднимали на немъ паруса.

Плаваніе наше было благополучно ; жаль
только , что я не могъ пользоваться шѣми
выгодами , которыя надѣялся имѣть опъ об-
ращенія съ учеными людьми , находившимися
на корабляхъ съ Посольствомъ. Мы догнали
ихъ подлѣ Суматры ; тогда - то я почув-
ствовалъ всю важность своей пошері ! Любо-
пытство не давало мнѣ покоя , когда расска-
зывали о сдѣланныхъ разныхъ наблюденіяхъ
въ продолженіе плаванія. Болѣе всего жаль
было мнѣ рѣдкихъ предметовъ Натуральной
Исторіи , которыми можно бы украсить буду-
щее мое сочиненіе ; однакожь я утѣшалъ се-
бя надеждою , что въ столь слаенной Имперіи,
какова Кишайская , найду множество предме-
товъ , которые съ избыткомъ вознаградятъ
мою пошерю.

Наконецъ мы достигли пристани. Тутъ
большую половину ночи я провелъ за рабо-
тою надъ сочиненіемъ краснорѣчиваго предис-
ловія къ будущей книгѣ. Когда ложился
спать , голова моя наполнена была великими
мыслями ; мнѣ приснилось , будто Кишайской
Императоръ , увѣдомясь объ опличныхъ
моихъ талантахъ , поручилъ мнѣ воспитыва-
вать Принцевъ. Звонъ гонгу разбудилъ
меня пошпру. Это значило , что барки ,

на кошорыхъ велѣно везти насъ , опчалили
ошъ берега. Я поспѣшно одѣлся , выбѣжалъ
на бортъ корабля въ самое то время , ког-
да свиша сходила на барки — и былъ весь-
ма доволенъ своею исправносшю. Когда уже
проплыли около двухъ миль , мнѣ вспало на
мысль , что было бы очень хорошо срисовашъ
Китайскіе берега ; въ шужь минушу я бро-
сился за карандашемъ и бумагою — но , увы !
карандашъ и бумага оспались въ кораблѣ на
посшелѣ. Желая всегда имѣть ихъ при
себѣ , я держалъ то и другое въ чемоданѣ.
На канунѣ ввечеру для памяти положилъ
связку въ головахъ ; по ушру , спѣша одѣ-
ваться , забылъ ее , а слуги , ничего не зная
о бумагахъ , взяли только чемоданъ. По край-
ней мѣрѣ я постарался сдѣлать нѣкоторыя
замѣчанія на бумажныхъ лоскушкахъ , не
сомнѣваясь , что послѣ можно будетъ весьма
легко составишь нѣчто полное , а рисунки
сдѣлать наизуспъ. — Мы приѣхали въ Пе-
кинъ , гдѣ помѣспились въ великолѣпномъ
домѣ ; однакожь намъ не дозволяли выхо-
дитъ со двора ни на одинъ шагъ. Насъ по-
сѣщали Мандарины , о кошорыхъ совсѣмъ
нечего писашь. Они безпрестанно дѣлали
намъ однѣ и тѣже привѣспствія , такъ что
даже переводчикамъ надоѣло повпорять ,
что уже много разъ говорено было. Доволь-
но сказашь , какъ одинъ изъ Мандариновъ
входишь въ комнату , какъ поздравляешъ ,

какъ мащеть опахаломъ, пьеть чай; всѣ одинъ на другаго совершенно походятъ. Я началъ уже думать, что не стоило труда ѣздить такъ далеко, чтобъ увидѣть то, о чемъ можно имѣть достапочное понятіе, посмотрѣвши нѣсколько разъ Китайскія шѣни. Одинъ только человекъ, котораго я видѣлъ, заслуживаетъ вниманіе: онъ говорилъ по Французски, и не походилъ на Мандариновъ. Это былъ Экз-Эзуишъ, прежній Миссіонарій, копорой, оправдывая свою должностъ, умѣлъ понравиться Двору, и вступилъ въ службу. Сколько эшошъ казался занимательнымъ, сколько прочіе были несносны. Мнѣ удалось разспросить его о свойствахъ и нравахъ Китайцевъ. Я не могъ насытиться его бесѣдою; столь была она пріятна и поучительна!

Наконецъ намъ объявлено, что Императоръ ожидаетъ Посольства въ Еголѣ. Мысль объ описаніи садовъ сего очаровательнаго жилища пробудила мои шаланты. Я вознамѣрился описать ихъ слогомъ пиитическимъ, но такъ, чтобъ въ немъ свѣтились историческія, философическія и моральныя картины Китайскаго Государства.

Приѣхали въ Еголѣ. Тутъ занялись пригошовленіями къ аудіенціи; къ тому еще

не было удобнаго мѣста для писанья, и я не могъ разложить дорожныхъ своихъ замѣчаній. Карманы мои были наполнены бумажными лоскушками, на которыхъ я сокращенно записывалъ свои наблюденія. Не одинъ разъ раждалась во мнѣ охота привести ихъ въ порядокъ — но никогда не удалось того сдѣлать. Написанное карандашемъ большею частію стерлось. Не смотря на то, я собралъ, что можно было, и все спряхалъ съ подушками въ чемоданъ; казалось, что записки мои должнышвовали быть сбережены въ цѣлости.

Спустя нѣсколько дней, Посольству велѣно обратно ѣхать въ Пекинъ. Прибывши въ сію столицу, мы тотчасъ получили другое повелѣніе немедленно выѣхать изъ Китайскаго Государства. Насилу удалось намъ выпросить себѣ двудневную отсрочку.

Во все время путешествія изъ Пекина въ Кантонъ, я былъ нездоровъ и чувствовалъ нужду въ отдыхѣ; сверхъ того пришла мнѣ охота ловить удою рыбу; въ хорошую погоду большую часть дня проводилъ я въ сей невинной забавѣ. Однакожь я не забывалъ и о томъ, что надлежало привести въ порядокъ мои замѣчанія. Много разъ я принимался за чемоданъ; но можно ли на кораблѣ думать объ ученыхъ трудахъ, которые требуютъ тишины и спокойства?

можно ли писать при безпрестанномъ крикѣ матросовъ, при частыхъ посѣщеніяхъ, и всегдашнихъ забавахъ пассажировъ? Наконецъ мы приплыли къ берегамъ Англїи, — а я не вынималъ ни разу своихъ лоскутковъ, на которыхъ большая часть письма уже спертась.

Не смотря на то, я нѣшился мыслію, что прибавши домой, надосугъ успѣю все сдѣлать. Въ первые дни не было ни минуты свободной; посѣщенія за посѣщеніями! множество любопытныхъ не давало мнѣ покоя; всѣмъ хотѣлось разговаривать съ человекомъ, прибавшимъ изъ Кипая. Могъ ли я быть нечувствительенъ къ такимъ домогательствамъ? Мнѣ казалось, что не прилично сидѣть запершись тогда, какъ имѣю случай наслаждаться удовольствіемъ самолюбія, и пользоваться общепольствами, которыя заславляющъ людей просвѣщенныхъ и знатныхъ искалъ знакомства со мною. Отецъ мой безпрестанно напоминалъ о сочиненіи, пошому особливо, что многіе молодые люди, бывшіе при Посольствѣ, говорились издавать описанія своихъ приключеній въ путешествіи. Мы знали, что кому прежде удастся выдать такое сочиненіе, тотъ болѣе всѣхъ получитъ прибыли.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ нашего приѣзда, объявлено чрезъ Газеты, что „Опи-

саніе путешествія Посольства въ Китай отдано уже въ печать. Оно содержитъ въ себѣ любопытныя подробности о дѣянїяхъ, нравахъ и обыкновенїяхъ Китайцевъ, о городахъ, зданїяхъ, садахъ и проч.“ Отецъ мой поблѣднѣлъ отъ гнѣва, прочитавши сіе извѣстіе. „Вотъ несчастныя слѣдствїя привычки откладывать все *до завтра!* — сказалъ онъ: къ чему служатъ способности, таланты! для чего потеряны издержки на воспитаніе! Проклятая лѣнь, шы всему причиною!“

Сей упрекъ сильно пронулъ меня; я увѣрилъ батюшку, что съ завтрашняго дня прилѣжно займусь работою, и окончу ее въ короткое время. Въ самомъ дѣлѣ на другой день я принялся выкладывать изъ чемодана бумаги. Но, увы! съ чемъ можно сравнить мое огорченіе, когда я увидѣлъ, что всѣ связки были замочены морскою водою! Бумага, заплѣснѣвшая и слѣпившаяся, при самомъ легкомъ прикосновенїи раздиралась, и весьма немного осталось на ней словъ написанныхъ. Не лзя было сосчитать ни одной мысли; насилу, съ великимъ трудомъ удалось мнѣ добраться до нѣкопрыхъ значенїй, которыя могли пригодиться. Часто случалось, что помучившись очень долго, отгадывалъ самую малость. Напримѣръ, полдня потеряно на опи-

крышіе, что значатъ слова: *гоя* — *алла* — *гоя*; наконецъ вспомнилъ я, что въ Кишаѣ работники повторяли слова сѣи, когда тянули по рѣкѣ нашу лодку. Я увидѣлъ, что можно было бы обойтись безъ сего замѣчанія. Много встрѣчалось и такихъ словъ, которыхъ значенія никакъ не вспомнилъ, а отъ того и прочее ни къ чему не служило. Такимъ образомъ матеріалы, которые могли бы составить большую книгу *въ листъ*, чрезвычайно уменьшились. Однакожь я рѣшился дополнить недостатокъ собственными замѣчаніями, политическими и моральными. Въ Лондонѣ, казалось мнѣ, трудно работать, отъ того что безпрестанно мѣшаютъ; я вознамѣрился на нѣкоторое время отправиться къ своему дядѣ *Лозу*, весьма доброму человеку, копорой жилъ въ провинціи, и держалъ поле на арендѣ. Я имѣлъ многія причины надѣяться, что прибытіемъ своимъ обрадую все его семейство; однакожь примѣшилъ великую перемену. Родственники приняли меня очень холодно. Люція, дочь моего дяди, копорую прежде назначали мнѣ въ замужство, была въ великомъ замѣшательствѣ и смущеніи; а это меня крайне обезпокоило.

На другой день поушру маленькіе мои братья — копорые въ то время спали, когда я приѣхалъ — окружили меня съ разными

требованіями. „Вы привезли мнѣ маленькую прѣспочку? — а мнѣ маленькой барабанъ? — а мнѣ Кишайскую куклу?“ — Я засмѣдился, и не зналъ, что отвѣчать имъ. — „Не безпокойте его! — сказалъ Г. Ловъ: кто въ семь лѣтъ не могъ найти свободной минушы написать нѣсколько строчекъ къ своему дядѣ; тому вѣрно недосугъ было думать о препорученіяхъ братьевъ.“

Я извинялся, какъ могъ, и открылся чистосердечно, что всѣ покупки увязаны были въ коробочкѣ, которая по неосторожности упала съ корабля въ воду. Люція примѣшивъ мое огорченіе, сказала, что ни мало не жалѣетъ о своемъ опажалѣ, которое и безъ того могло бы изломаться. Она старалась помирить меня съ опцемъ своимъ и матерью — но не успѣла. Я даже замѣтилъ, что ея предстательство еще болѣе раздражало ихъ.

Будучи въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, я принялся за писанье; но едва успѣлъ начать пять или шесть главъ, услышалъ, что вышло въ свѣтъ сочиненіе Графа Георгія Спаутона. Всѣ надежды мои рушились. Въ крайнемъ безпокойствѣ я оставилъ домъ дяди. Батюшка осыпалъ меня укоризнами, которыхъ я былъ достоинъ по всей справедливости; онъ почиталъ

меня погибшимъ человѣкомъ. Я внутренно терзался; чувствовалъ, чего лишаюсь, теряя Люцію, и твердо рѣшился переменить образъ своей жизни; но исполненіе сего предпріятія все откладывалъ до завтра.

Черезъ два года батюшка скончался. Не могу изобразить, сколь мучительно было для меня грызеніе совѣсти: я зналъ, чего стоили ему огорченія, мною причиняемая; видѣлъ, что его здоровье отчасу слабѣло съ той самой минуты, когда онъ потерялъ надежду на будущую мою знаменитость.

Я занялся новымъ проэктомъ, которой, по моему мнѣнію, обѣщавъ доставить мнѣ легчайшими способами и славу и богатство. Дѣло состояло въ изобрѣшеніи новыя системы Государственныхъ доходовъ, которую вознамѣрился я представить правительству. Меня ободряли особы, имѣвшія у Двора довѣріе. Казалось, что судьба мнѣ благопріятствовала, потому что Министерство приняло проэкты мой во всемъ его пространствѣ; какъ же я огорчился, узнавши, что одинъ бездѣльникъ присвоивалъ себѣ проекты, и отнималъ у меня плодъ трудовъ моихъ! Министръ взялся разобрать наше дѣло; намъ обоимъ надлежало явиться къ нему для представленія своихъ доказательствъ. Несчастной случай лишилъ меня всего. Я проигралъ

дѣло свое, за неявкою для объясненія. Опре-
дѣлено было разсмапривать наше дѣло въ
десятомъ часу; я пришелъ въ половинѣ
одиннадцатаго — и получилъ отказъ.
М-жду шѣмъ проширикъ мой выигралъ,
пошому что пришелъ въ самую пору.
Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ,
почти не имѣя способовъ пропитать
себя, я пошелъ домой; безъ всякаго намѣ-
ренія забрелъ въ публичной кофейной домъ
въ ту самую минуту, когда нѣкто читалъ
въ Газетахъ слѣдующее: „Ежели Г. Левъ,
или наслѣдникъ его, соблаговолишь явиться
къ Г-ну Григорію, то узнаешь о весьма
важныхъ для себя обстоятельствахъ.“ Будучи
въ крайнемъ удивленіи, я самъ прочиталъ
спашью; не откладывая до завтра, по-
бѣжалъ прямо къ назначенному мѣсту, и
узналъ, что одинъ дальній мой родствен-
никъ, весьма богашой человекъ, оставилъ
мнѣ по завѣщанію все свое имѣніе, за то
что я одинъ только изъ всей родни не сто-
илъ ему никакихъ издержекъ. Надобно при-
знаться, что лѣность въ семъ только слу-
чаѣ послужила мнѣ въ пользу. Если бѣ я
былъ поворопливѣе, то вѣрно посѣтилъ бы
своего родственника; онъ могъ бы сдѣлать
мнѣ какое-нибудь одолженіе, и я не полу-
чилъ бы наслѣдства.

Я принялъ имѣніе, получилъ руку
Люціи, старался награждать любезную свою

за ея ко мнѣ привязанность, и былъ счастливъ. Въ продолженіе нѣкошораго времени я велъ себя ошпорожно, и признаюсь, что шѣмъ обязанъ благоразумнымъ совѣшамъ жены моей, и шой власши, кошорую она умѣла взять надо мною.

Недосташки и дурныя качества, кошорыя препятствовали человѣку на пуши къ счастію, бывающъ едва примѣшны, когда судьба его перемѣняется. То же самое сдѣлалось и со мною. Обыкновенная нераспорность моя и привычка опкладывать все *до завтра* подавали случай пріятелямъ моимъ забавно шупишь надо мною; но уже никто не смѣлъ упрекать меня, — какъ бывало прежде. Лѣность мою называли мидою безпечношю, гошовношю на все соглашаться; оба сіи качества, по увѣренію друзей моихъ, дѣлали меня несравненно любезнѣе. Нѣсколько времени я наслаждался совершеннымъ блаженствомъ, и не видалъ никакого неудобства опъ дурной привычки, кошорая все еще господствовала надо мною. Вздумалось мнѣ собрать въ одну книгу все лучшее, что ни было написано о воспитаніи дѣшей. Сію книгу гошовилъ я для маленькаго своего сына, въ кошоромъ уже оказывались способности и дарованія, выше его возраста. Я чрезвычайно любилъ малюшку, и заключалъ о будущей судьбѣ

его то же, что мой отецъ обо мнѣ предсказывалъ. Однакожь я твердо рѣшился предостеречь его отъ привычки, которая дѣлала мнѣ великія огорченія въ жизни.

Въ одинъ день, когда я занимался выписками, жена пришла сказать мнѣ; что маленькая дочь Г-на *Нуна* умерла отъ натуральной оспы, не смотря на то, что передъ тѣмъ за четыре года ей была привита искусственная въ одно время съ моимъ сыномъ, и вопреки увѣренію Доктора, которой утверждалъ, что оспа благополучно пристала къ обоимъ ребѣнкамъ. Жена моя крайне безпокоилась; просила неотступно привить нашему сыну коровью оспу. Въ тотъ самый день хотѣлъ у насъ обѣдать одинъ Докторъ, нашъ пріятель; но по несчастію не приѣхалъ. Я вознамѣрился - было писать къ нему рано поутру, и по своему обыкновенію забывалъ. Люція совѣтовала обстоятельнѣе освѣдомиться о дѣйствіяхъ коровой оспы, которая тогда еще не была введена въ общее употребленіе. Я обѣщался сходить къ одному изъ своихъ пріятелей, котораго дѣшамъ привита была оспа. Люція неотступно просила не терять времени, и чрезвычайно безпокоилась, потому что оспа свирѣпствовала въ городѣ. Я представлялъ ей, что одинъ день не сдѣлаетъ большой разницы; прибавилъ, что немедлен-

но пойду освѣдомиться къ своему пріятелю, и что разспросивши обо всѣхъ подробностяхъ, можемъ обойтись и безъ Доктора. Жена согласилась. Ахъ! она не безъ причины требовала, чтобъ я не откладывалъ. Не могу понять, какъ могъ я просидѣть два часа на одномъ мѣстѣ, доканчивая выписку свою изъ Эмиля. Наконецъ я пошелъ къ пріятелю. За минушу до моего прибытія, дѣти поѣхали прогуливаться. Надобно было дожидаться два или три часа. Я рѣшился оплохить все дѣло *до завтра*. Но, увы! сія отсрочка имѣла для меня пагубныя слѣдствія. Сыну моему привили оспу однимъ или двумя днями позже надлежащаго. Ядъ натуральной оспы уже распространился въ крови его, и началъ дѣйствовать. Бѣдной робенокъ черезъ нѣсколько дней умеръ на рукахъ матери, которая скоро потомъ занемогла жестокою горячкою. Видя, что Люція безпрестанно помится и отчасу слабѣетъ, я вознамѣрился перевезти ее въ деревню. Мы согласились - было продать домъ, и купить себѣ помѣстье. По несчастію, я забылъ снова застраховать домъ свой *въ пожарномъ обществѣ*; въ девятой день по прошествіи перваго срока онъ сгорѣлъ со всѣмъ, что въ немъ ни было.

Теперь приступаю къ описанію самаго любопытнѣйшаго приключенія въ моей

жизни. Случай странный, непредвидѣнный, сдѣлавъ чрезвычайную перемену въ моемъ состоянїи. Лишь только

(Авторъ хотѣлъ продолжать описанїе своихъ приключенїй, откладывавъ со дня на день — и не кончилъ: по сей причинѣ и намъ сказать о немъ болѣе нечего.)

(Съ Польскаго перевода.)

II.

Путешествїе на Везувїй ().*

Авторъ писалъ слѣдующія замѣчанїя карандашемъ, восходя къ вершинѣ огнедышущей горы, писалъ для себя — не для Публики. Извѣстія о послѣднихъ изверженїяхъ Везувїя подали ему причину думать, что сіи замѣчанїя могутъ быть любопытны для читателей. Онъ рѣшился напечатать ихъ въ Журналѣ, не поправляя ничего, боясь нарушить истину; почему и надѣется, что читатели будутъ къ нему снисходительны.

Сего дня, 5 Января 1804 года, въ 7 часовъ по утру, я выѣхалъ изъ Неаполя. Теперь нахожусь въ Портичи. Солнце вышло изъ за-облаковъ восточныхъ; но вершина

(*) Изъ Монитѣра.

Везувія все еще покрыта туманомъ. Нанимаю *Читероне*, кошорой долженъ вести меня къ опшвершю волкана. Беремъ двухъ муловъ, одного для меня, другаго для *Читероне* — и опшправляемся въ пущь свой.

Поднимаюсь вверхъ по дорогѣ, довольно широкой, между виноградными деревьями, опирающимися на шэполи. Ёду прямо къ споронѣ юговосточной. Немного ниже осѣдающихъ паровъ, въ средней области воздушной усмаприваю вершины деревъ: эшо пустынные вязаы. На правой и на лѣвой споронѣ между пучными лозами *лакрийа крипти* показываються смиренныя обиталища виноградарей. Впрочемъ — вездѣ пережженная земля, обнаженныя виноградныя дерева между зоншо-подобными соснами, нѣсколько аловыхъ распеній въ плешняхъ, безчисленное множество капящихся камней, — ни одной пшпцы.

Всхожу на первую площадь. Обнаженная равнина лежитъ передо мною. Вижу двѣ вершины Везувія: на лѣвой споронѣ *Сомма* (*); на правой — нынѣшнее огнедышущее опшвершше. Обѣ вершины покрыты блѣдными облаками. Иду впередъ. *Сомма* спановишся ниже; начинаю различать рвы, изрытые на

(*) Названіе одной вершины.

поверхности волканическаго конуса, до котораго скоро достигну. Лава, излившаяся въ 1766 и 1769 годахъ, покрываетъ долину, по которой иду. Это ужасная закопченная пустыня, гдѣ лава представляется набросанною на черное поле бѣловатою пѣною. Точное сходство съ высохшимъ мохомъ.

Шедши по дорогѣ влѣво, оставивъ конусъ волканическій на правой рукѣ, достигаю подошвы холма, или лучше сказать спѣны, составившейся изъ лавы, которая покрыла Геркуланумъ. Полоса у подошвы сей спѣны усажена виноградными лозами, а скалы заросъ валежникомъ. Холодъ начинаеть пронимать.

Взбираюсь на спѣну, желая посѣтить пустынное жилище, которое вижу на другой сторонѣ. Небо понижается, облака опускаются къ землѣ, наподобіе сѣровашаго дыма или золы, носимой вѣтромъ. Начинаю слышать шумъ вязовъ, окружающихъ обитель.

Пустынный вышелъ ко мнѣ на встрѣчу; придержалъ за узду моего мула; я слѣзъ на землю. Пустынный, ростомъ высокой, съ лицомъ пріятнымъ и показывающимъ чистосердечіе, ввелъ меня въ свою келлію; предложилъ мнѣ хлѣбъ, яблоки

и яицы. Между шѣмъ какъ я завтракалъ, пустынный, облокотясь обѣими руками на столъ, спокойно разговаривалъ. Облака со всѣхъ сторонъ покрыли насъ; не лъзя было ничего видѣть изъ окошка. Въ сей безднѣ паровъ ничего не было слышно, кромѣ отдаленнаго шума волнъ морскихъ въ споронѣ Геркуланума. Можно ли не удивляться тихой обишели Христїянскаго гостепрїимства, шѣсной келліи, споящей во мглѣ тучи, подъ жерломъ огнедышущимъ?

Отшельникъ поднесъ мнѣ книгу, въ которую посѣщители Везувїя, по обыкновенію, что - нибудь вписываютъ. Въ сей книгѣ я не нашелъ ни одной мысли, достойной замѣчанїя. Французы означали только день своего посѣщенїя, или писали по нѣскольку строчекъ въ похвалу гостепрїимнаго пустытника. Огнедышущая гора не вдохнула въ путешественниковъ ни одной важной мысли! Это еще болѣе утвердило во мнѣ прежнее мнѣніе, а именно, что великія матерїи, равно какъ великіе предметы, не возбуждаютъ великихъ мыслей: все величіе сихъ предметовъ находится, такъ сказать, передъ глазами; слѣдственно все, что ни прибавишь отъ себя, послужитъ только къ уменьшенію онаго. *Nascitur ridiculus mus*, можно сказать о всѣхъ горахъ.

Въ два часа съ половиною я оставилъ хижину пустынника; обратно всхожу по оплоному скашу лавы; на лѣвой сторонѣ буеракъ отдѣляетъ меня отъ *Солмы*, на правой простирается равнина подъ конусомъ. Въ семъ ужасномъ мѣстѣ я не нашелъ никакой живой швари — кромѣ одной молодой дѣвушки, сухой, полу-обнаженной, пожелтѣвшей, изнемогшей подъ бременемъ вѣшвей, нарубленныхъ на холмѣ.

Туманъ препятствуетъ мнѣ видѣть предметы; вѣтеръ, дующій съ низу, гонитъ облака съ черной площади къ вершинамъ высокой лавы. Ничего не слышу, кромѣ ходу моего мула.

Спускаюсь съ холма, поворачиваю на право, и опяшь нахожусь на равнинѣ между лавами, — на той самой, которая примыкаетъ къ вулканическому конусу, и по которой я уже ѣхалъ, пробираясь къ обители пустынника. Даже имѣя передъ собою сіи известковые остатки, воображеніе едва въ состояніи предсавить себѣ огненные поля и льющіяся мешаллы при изверженіи Везувія. Можешь бышь Дантъ видѣлъ ихъ, когда описывалъ въ своемъ *Адѣ* огненные пески и вѣчное пламя, тихо падающее, какъ снѣгъ на *Альпы*, когда нѣтъ вѣтра (*con di neve in Alpe senza vento*).

Теперь облака тамъ и здѣсь разступаются ; предо мною открываются попеременно Портичи, Капрея, Ишія, Павзилеппъ, море, усѣянное бѣлыми парусами рыбацкихъ лодокъ, и берегъ Неапольскаго залива съ оранжевыми деревьями. Находясь въ адѣ, вижу рай. — Приближаюсь къ подошвѣ конуса. Мы оставляемъ муловъ ; проводникъ даетъ мнѣ длинную палку ; начинаемъ взбираться на огромную кучу золы. Облака опять сходятся, туманъ сгущается, шма становится непроницаемѣе.

Я на вершинѣ Везувія ; пишу сидя надъ отверстіемъ волкана, и готовлюсь идти во внутренность жерла. Солнце иногда показывается сквозь завѣсу паровъ, окружающихъ гору. Это мѣщаетъ мнѣ взглянуть на прекраснѣйшую картину въ мѣрѣ, — и усугубляетъ ужасность сего мѣста. Кажется, что Везувій, раздѣляемый туманомъ отъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній дольныхъ, находится среди несбитаемой пустыни ; никакой видъ цвѣтущаго города не уменьшаетъ страха, меня одержащаго.

Предлагаю пушеводителю сойти во внутренность жерла. Онъ говоритъ о неудобствахъ — чтобъ выманить больше денегъ. Договариваемся о цѣнѣ, которую хочу получить теперь же. Плачу. Пре-

проводникъ скидаетъ съ себя плащъ. Идемъ по краю бездны, и ищемъ удобнѣйшаго мѣста сойти внизъ. Проводникъ останавливаетъ меня, и напоминаетъ, чтобъ я приготовился. Спускаемся.

Теперь мы на днѣ пропасти (*). Не могу описать хаосъ, здѣсь господствующій.

Представьте себѣ яму, глубиною въ триста футовъ, пространствомъ около мили въ окружности, — яму, которая снѣны къверху расширяются, на подобіе лейки. Сія снѣны изрыты огненнымъ веществомъ, выбрасываемымъ наружу. Выпуклости между рытвинами походятъ на кирпичныя подпоры, которыя поддерживали зданія у древнихъ Римлянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ висятъ огромные утесы; ихъ опломки, перемѣшанные съ горами золы, покрываютъ пропасть. — Дно ямы взрыто по разнымъ направленіямъ. Почти на срединѣ недавно явились широкіе колодези, или небольшія отверстія, которыя извергали пламя въ 1798 году, когда Французы находились въ Неаполѣ. — Въ разныхъ мѣстахъ пропасти, а особливо къ сторонѣ *Торре дель Греко*, под-

(*) Сходить во внутренность жерла трудно, но опасно, — разумѣется когда Везувій спокоенъ. Въ случаѣ изверженія — неминуемая гибель.

нимаются облака дыму. На сторонѣ къ *Казертѣ* показывается пламень. Погружая руку въ золу на нѣсколько дюймовъ, чувственную жаръ подъ ея поверхностью.

Вообще вся пропасть цвѣтомъ походитъ на погасшій уголь. Но всемогущее Провидѣніе умѣетъ украсить и самыя ужаснѣйшіе предметы. Лава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расписана лазурною, свѣтлоголубою, помаранцевою и желтою красками; верхи гранитныхъ чурбановъ, отъ дѣйствія огня, загнулись, наподобіе пальмы, или лисьевъ *медвѣжей лалы*. Волканическая матерія, охладѣвшая на скалахъ, по которымъ стекла, изобразила тамъ розы, здѣсь подсвѣчники, въ другомъ мѣстѣ ленты; игрою случая составились подобія животныхъ, расшеній и различныхъ фигуръ, находимыхъ въ агатахъ. Я замѣтилъ лебедя изъ бѣлой лавы на голубоватомъ утесѣ, очень сходно изображеннаго; можно божишься, что видите предъ собою прекрасную птицу, опдыхающую на тихой поверхности воды, спрятавши голову подъ крыло; длинная шея лежитъ на спинѣ, подобно трубкѣ шелку.

Здѣсь я нашелъ такую же тишину, какую примѣтилъ въ лѣсахъ Южной Амери-

ки ; удержавши въ себѣ дыханіе, ничего не слышалъ , кромѣ движенія жилы въ вискахъ и біенія сердца. Только изрѣдка дуновение вѣтра , падающаго съ вершины конуса въ бездну , шумитъ въ моей одеждѣ , или сеститъ въ палкѣ ; также слышу иногда звукъ катящихся камней подъ ногами моего путешеля. Глухой отголосокъ, подобной звуку металла или стекла , отдаётся нѣсколько разъ , — потомъ все утихаетъ. Сравните сію мершвенную тишину съ громами, здѣсь же раздающимися, когда вулканъ изрыгаетъ огни изъ своего чрева , и покрываетъ землю пѣною.

Здѣсь можно предасться философическимъ размышленіямъ , и — если вздумается, пожалѣть о бѣдности челоѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ славныя перемѣны въ Имперіяхъ въ сравненіи съ великими произшесствіями Натуры, измѣняющей лице земли и морей? Люди были бы счастливы еще, еслибъ сами взаимно не мучили себя въ короткое время сожитія. Но, уввы! каждой разъ, когда Везувій разверзаетъ прспасни свои для поглощенія городовъ, каждой разъ ярость его застаетъ людей обатренныхъ кровію и омоченныхъ слезами! Какіе признаки гражданскаго общежитія, какіе признаки сущесшвованія людей найдены

въ наше время подъ волканическимъ пепломъ? орудія казни, осповы въ цѣпяхъ (*).

Времена переменяются; судьба людей также непостоянна. Плиній лишился жизни за то, что хотѣлъ посмотрѣть издали на огнедышущую гору, — а я въ самомъ жерлѣ ея сижу спокойно; смотрю на дымъ, выходящій передо мною изъ пропасти. Думаю, что въ нѣсколькихъ саженьяхъ подъ моими ногами находится бездна огненная; думаю, что вулканъ въ сію минуту можетъ выбросить меня вмѣстѣ съ раздробленными грудями мрамора.

Какой случай завелъ меня въ сіе мѣсто? по какому случаю бури Американскаго океана выбросили меня на берега Лавинскія? *Lavina que venit littora*. Не могу не вспомнить здѣсь о волненіи жизни человѣческой, гдѣ — какъ говоритъ Св. Августинъ — все преисполнено бѣдствій, и гдѣ въ самой надеждѣ нѣтъ счастья. *Rem plenam miseriae, freta beatitudinis inaniem*. Родясь на скалахъ Арморика, я прежде всего услышалъ шумъ волнующагося моря; сколько разъ видѣлъ я на чуждыхъ берегахъ, какъ волны разбивались объ утесы? можно ли было предсказать, что у гробницъ Сципіоновой и Виргиліевой услышу стонъ тѣхъ волнъ, кото-

(*) При открытіи города Помпеи.

рыя нѣкогда разстлалась у ногъ моихъ при берегахъ Англїи, или на пескахъ Канадскихъ? Имя мое находится въ хижинѣ дикаго жишеля Флориды; теперъ оно вписано въ книгу пусшынника горы Везувїя! Когда положу страннической жезлъ и маншю у дверей родительскаго дома?

Завидую жребїю тѣхъ, которые никогда не оставляли своего отечества, и у которыхъ нечего другимъ разсказывать.

Шатобріанъ.

Послѣднія строки суть изліяніе сильнаго чувства; — онъ показывающъ, что написавшій ихъ не можешъ быть истинно счастливъ до тѣхъ поръ, пока не *положитъ странническаго жезла и мантин у дверей родительскаго дома.* Не смотря на то, Г. Шатобріанъ счастію предпочитаетъ славу; приобретаемую сочиненїями, достойными потомства. Надобно замѣтить, что Г. Шатобріанъ — Авторъ; одаренный богатѣйшимъ воображенїемъ — ничего не дозволяетъ себѣ описывать такого, чего не видалъ своими глазами. Онъ прежде обозрѣлъ Американскїя пусшынї, жилъ между Дикими; потомъ уже изобразилъ сіи пусшынї, хижины и нравы жителей. Занимаясь теперъ сочиненїемъ, въ которомъ Греція должна быть театромъ происшествїй, онъ похалъ обозрѣвать Грецію. Г. Шатобріанъ не намѣренъ узнавать нра-

вы и обычаи нынѣшнихъ Грековъ; онѣ хочеть только видѣть мѣста, прославленные великими Мужами и дѣянїями, которые не погибнутъ во вѣки. Путешествїе окончился въ нѣсколько мѣсяцовъ. Г. Шапобрианъ будетъ писать изъ Аѳинъ, изъ Фивъ, изъ Константинополя, съ Троянской равнины къ одному прїятелю, который имѣетъ дозволеніе сообщать письма его Журналистамъ, для печатанїя въ Изданїяхъ.

III.

О пышности похоронъ у древнихъ Римлянъ.

Въ то время, когда политическое состояніе Европы, почти исключительно, занимало наблюдателя военными дѣйствїями, преобразившими твердую землю, мы на нѣсколько минутъ обратили мысленные взоры свои на торжества, при которыхъ плѣнные останки безсмертнаго Героя Британїи (Нельсона) преданы землѣ. Сїи торжества служатъ новымъ доказательствомъ глубокаго почтенїя, которымъ каждой истинной Англичанинъ преисполненъ къ великому своему соотечественнику. Погребеніе совершено съ такою распочинательною пышностію, какой надлежало ожидать только отъ обла-

дашелей богатыхъ колоній ; чужестранцу могла она казаться излишнимъ хвастовствомъ — но только чужестранцу, не Англичанину.

Любитель древностей, ежедневно болѣе и болѣе удостовѣряющійся въ истинѣ старинной пословицы — *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ* — здѣсь опять долженъ вспомнить о Римлянахъ, которыхъ несметныя сокровища и любовь къ пышности оказывались при похоронахъ, какъ и при всѣхъ случаяхъ торжественныхъ. Слѣдующее описание, можетъ быть, займетъ читателей — по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не имѣютъ ни времени, ни охоты рыться въ запыленныхъ архивахъ, и собирать изъ разныхъ книгъ извѣстія о погребальныхъ обрядахъ у древнихъ обладателей Мира, въ цвѣтущее время ихъ величія.

Требовалось нѣсколько дней для приготовления къ погребенію тѣла, соотвѣтственно достоинству умершаго (*funus indicivum*). Немедленно по кончинѣ обмывали тѣло покойника, и напирали драгоценнѣйшими благовонными мазями, для предохраненія отъ порчи ; потомъ одѣвали его въ нарядное, самое богатое платье ; на Неронѣ была одежда бѣлая, вышканная съ золотомъ ; — возлагали на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ ; если

же покойникъ при жизни своей получилъ вѣнокъ въ награду за храбрость, по симъ украшали его, и полагали на возвышенномъ, великолѣпномъ одрѣ. Кипарисовое дерево, посвященное Плутону, выставляемо было передъ домомъ умершаго; оно служило для предостереженія мимоходящихъ. Тогда думали, что взглянувшій на мертвеца сдѣлался нечистымъ. Маркъ Катонъ расплодилъ въ Римѣ дерева кипарисныя.

Тѣло стояло на одрѣ семь дней. Въ продолженіе сего времени друзья и родственники покойника носили печальную одежду. Въ осьмой день, по объявленіи всѣмъ чрезъ провозвѣстника о торжествованіи, начинались похороны.

Ближайшіе родственники, наследники, или оппущенники (*liberti*), выносили тѣло на великолѣпныхъ носилкахъ, копорыя иногда были дѣланы изъ слоновой кости, покрыты багряницею, выпканною съ золотомъ, украшены цѣшами и вѣнками. Безчисленное множество пламенниковъ освѣщало шествіе, хотя обрядъ совершался при дневномъ свѣтѣ. *Усредитель* (*designator*) каждому назначалъ мѣсто, для соблюденія порядка. Впереди шли трубачи и флейщики, копорыхъ, по закону Двенадцати таблицъ, было употребляемо не болѣе десяти; они играли пе-

чальную симфонію. Подъ звукъ флейтъ вызли наняшыя *плакальщицы* (*praeficae*), которыя соспавляли въ Римѣ особой цехъ; онѣ издавали плачевные вопли (*lensus*, *pac-pia*) громче или тише, смотря по договору и по цѣнѣ; старшая управляла всѣмъ хоромъ, и отличалась отъ другихъ воплемъ и кривляньями. За ними слѣдовали *милы*, которыя забавляли народъ веселыми своими шушками, и которыхъ *предводитель* (*archimimus*) старался подражать ухваткамъ и голосу покойника. Известно, что добрый Императоръ Веспасіанъ, при всей щедрости своей, не избѣжалъ укоризны въ сребролюбіи. При погребеніи тѣла его главной Пантс-мимъ, по имени Фаворъ, спросилъ Прокураторовъ, во сколько станутъ похороны? Услышавши въ отвѣтъ — въ 10 *милліоновъ* *сестерціевъ*, онъ вскричалъ: „отсчитайте мнѣ 100,000, и бросьте мое тѣло въ Тибръ!“ — Другой при похоронахъ одного гражданина, обращаясь къ тѣлу, сказалъ: „объяви Августу, что по завѣщанію его не все заплачено народу.“ Тиберій, услышавъ объ этомъ, приказалъ позвать къ себѣ Пантомима, выдастъ ему принадлежащую часть, и въ ту же минуту лишитъ его жизни, *для того чтобъ онъ увѣдомилъ Августа о полученіи своей доли.*

Опущенники умершаго, въ шапкахъ (*pileati*), провожали тѣло. Многіе въ завѣ-

щаніяхъ своихъ давали свободу всѣмъ невольникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чѣмъ они находились при погребеніи. Ликторы, въ черныхъ плащяхъ съ обращенными внизъ топорами, шли въ своемъ мѣстѣ. Восковыя изображенія (imagines) предковъ покойника, споявшія обыкновенно въ чертогахъ вельможъ Римскихъ, одѣшья въ нарядныя плащя, на почетныхъ креслахъ, были предноси-мы тѣлу; иногда возили ихъ каждое на особой колесницѣ, копорыхъ число не рѣдко простиралось до нѣсколькихъ сошенъ; шупъ же несли изображенія областей и народовъ, побѣжденных покойникомъ, городовъ имъ покоренныхъ, вѣнцовъ и почетныхъ знаковъ, полученныхъ имъ въ награду. Передъ тѣломъ Марцелла несео было шесть сошъ подушекъ съ такими изображеніями; при погребеніи Силы — шесть тысячъ. Иногда чиновники и воины, съ обращенными внизъ копьями, или совсѣмъ не имѣя при себѣ оружія сего, провождали шествіе.

За тѣломъ покойника шли родственники его и друзья въ печальной одеждѣ; сыновья съ закушанными головами, дочери съ опкрытыми, и распрепавъ волосы, — тѣ и другія вопреки обыкновенному порядку. За ними слѣдовали правительствующія особы, Сенаторы и Рыцари безъ украшеній, безъ

почетныхъ знаковъ. Многочисленный народъ заключалъ шествіе.

Все собраніе шло черезъ великую площадь (forum). Тамъ останавливались подлѣ Орашорскаго мѣста; покойника полагали на одрѣ; около его ставили восковыя изображенія почетныхъ прародителей, предъ которыми, какъ виновниками знаменитыхъ дѣяній покойника, сынъ, родственникъ, или одинъ изъ Сенаторовъ, произносилъ похвальное Слово умершему. Однакожь Ливій и Цицеронъ жалуются, что въ подобныхъ случаяхъ выставляли много ложныхъ предковъ, и что въ надгробныхъ Словахъ исчислялись шакіе подвиги, профетіи и консульства, которыхъ никогда не бывало.

Съ площади несли шло къ приговоренному костру за городъ. Обыкновенно сооружали костеръ на подобіе четырехугольнаго жертвенника изъ еловаго и сосноваго дерева, и изъ другихъ веществъ, удобно загорающихся. Чтобы прогнать дурной запахъ, не только ставили вокругъ кипарисы, но жгли на кострѣ разные ароматы, какъ-то ладанъ, шафранъ, смирну, нардъ, корицу, анисъ и другіе. Вся Аравія приносила дань для сей роскоши. Плиній увѣряетъ, что Неронъ при погребеніи Пoppей, своей супруги, столько сжегъ ароматовъ, сколько въ одинъ годъ рождается ихъ въ Аравіи.

Возлагали шѣло вмѣстѣ съ одромъ на костеръ; одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ, опворотивъ лице свое, зажигалъ пламянникомъ срубъ; присутствующіе бросали въ огонь одежды покойниковы, украшенія, оружіе, почешные знаки, полученные имъ въ награду, словомъ, все, что ни было ему любезно въ жизни, — бросали даже собственное свое платье. При погребеніи Юлія Цезаря музыканты и актеры бросали на срубъ одежды свои, которыя сдѣланы были изъ опнятыхъ у непріятеля корыстей; легіоны бросали въ огонь свое оружіе; даже многія женщины дѣлали шле съ уборами своими и дѣшей своихъ.

По сожженіи костра, окропляли золу виномъ, собирали остатки покойника, и полагали ихъ въ мраморной серебряной или золошой урнѣ.

Такимъ образомъ оканчивались похороны. Разумѣется, что весь обрядъ продолжался отъ утра до вечера, то есть часовъ десять или двенадцать. По свидѣтельству древнихъ Писателей, издержки для однихъ похоронъ не рѣдко простирались до 400,000 шалеровъ на наши деньги (около 800,000 рублей), — кромѣ обрядовъ, опправляемыхъ сряду нѣсколько дней въ память покойника, кромѣ жертвъ, приносимыхъ въ разныхъ мѣстахъ шѣни умершаго. По окончаніи похоронъ, ближніе родственники и друзья учреждали

великолѣпное пиршество, и раздавали народу значное количество сыраго мяса. Сперва гладіаторскія игры и другія назначаемы были только въ память велихъ полководцовъ и другихъ мужей знаменитѣйшихъ. При похоронахъ Марка Эмилиа Лепидія двадцать двѣ пары бойцовъ три дни забавляли зрителей своимъ искусствомъ: но въ 580 году послѣ построенія Рима въ честь Т. Фламинія, уже 37 паръ бойцовъ сражалось, и игры продолжались четыре дни. Право, которое сначала было предоспавлено только знаменитѣйшимъ чиновникамъ государственнымъ, въ позднѣйшія времена присвоили себѣ богатые частные люди; они даже опредѣляли въ своихъ завѣщаніяхъ число бойцовъ (иногда до нѣсколькихъ сотенъ просширавшееся), которые должны были дѣйствовать на играхъ. Спрасль къ гладіаторскимъ упражненіямъ наконецъ сдѣлалась столь общою, что не только Сенапору и Рыцари, но даже особы женскаго пола являлись на позорищахъ, и показывали народу свое искусство.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала.)

IV.

*Судъ о двухъ Французскихъ переводахъ
Виргиліевой Энеиды.*

Когда Делиль выдалъ свою Энеиду, всѣ потчасъ увидѣли, что превосходный переводчикъ Георгикъ далеко отсталъ отъ Виргилія и — отъ самаго себя. Г. Гаспонъ почти въ то же время, или немного прежде, напечаталъ свой переводъ трехъ первыхъ пѣсней Энеиды. Нѣкоторые Французскіе Литтераторы сравнивали оба перевода; слѣдствіе сего сравненія побудило Г-на Гаспона выдать еще три пѣсни въ началѣ нынѣшняго года.

Въ одномъ Французскомъ Журналѣ разсмотрѣны нѣкоторыя мѣста обоихъ переводовъ. Вотъ приговоръ: „Оба перевода, Делилевъ и Гаспоновъ, далеки отъ подлинника, — во первыхъ потому, что не возможно было сравниться съ Латинскимъ твореніемъ, во вторыхъ — что наши стихотворцы мало употребляли стараній, или покрайней мѣрѣ счастливыхъ стараній, приблизиться къ подлиннику. Переводчики имѣютъ хорошія мѣста и дурныя; они на пуши своемъ падаютъ, и опять поднимающа, иногда вмѣстѣ, иногда порознь; между тѣмъ нельзя сказать рѣшительно, кто изъ нихъ чаще падалъ, и

кто лучше поднимался. Впрочемъ кажется, что Г. Гаспонъ прилѣжнѣе трудился надъ своимъ дѣломъ. Переводъ Энеиды былъ для него упражненіемъ и спрасію цѣлой жизни. Гаспонъ все сдѣлалъ, что могъ, — но сдѣлалъ много, очень много уже и шѣмъ, что заставилъ сомнѣваться, кому принадлежатъ пальма побѣды, ему ли, или Аплету, которой и при старости своей, подобно Энтеллу, можетъ еще управиться съ молодыми высокоумными нашими Даресами. Побѣда не была бы сомнительною, или лучше сказать, Г. Гаспонъ оставилъ бы поприще, еслибъ Делиль перевелъ Энеиду съ такою исправностію, какъ Георгики. Но Г. Делиль, не знаю для чего, захопѣлъ написать въ короткое время много стиховъ, почитая за стихотворной жаръ, за счастливое вдохновеніе плодовишую и небрежную легкость писать стихи — сію легкость, которую даже самыя тупыя головы приобретаютъ съ помощію долговременнаго упражненія и навыка. Г. Делиль перевелъ Энеиду будто на подрядъ, забывъ уваженіе къ совершенству образца, къ ожиданію публики, и къ собственнѣйшей славѣ. Нѣкоторыя мѣста, разбросанныя въ переводѣ, тщательнѣе обработанныя, выспавлены кажется для засвидѣтельствованія, что Переводчикъ могъ сдѣлать, и чего не сдѣлалъ. Все прочее писано нерадиво, едва читано, едва исправле-

но книгопродавцемъ. Сей переводъ походитъ на спишки, написанные въ чернѣ; гдѣ на скорую руку набросаны идеи и рифмы, и гдѣ изрѣдка появляющіяся хорошія строчки. Напрошивъ того Г. Гаспонъ переводилъ ревностно и шерпѣливо; онъ уважалъ *Виргилія*, и боялся своего чашашеля, — а такая боязнь есть начало таланта, равно какъ страхъ Господень есть начало премудрости.“

(Изъ Франц. Журн.)

V.

Біографическое извѣстіе о Померанцевой ().*

Мы лишились въ Г-жѣ. *Померанцевой* весьма пріятной *Актрисы*. Почитаемъ долгомъ сообщить Публикѣ біографическое о ней описаніе, въ засвидѣтельствваніе того уваженія, которое она заслужила своимъ талантомъ.

Анна Аванасьевна Померанцева родилась въ 1754 году Генваря 27 го. Въ 1766 мѣ, когда *Московской Театръ* находился подъ вѣденіемъ *Полковника Типова*, она явилась на сценѣ *Люциндю* въ *Лѣкарѣ по неволѣ*, извѣстной *Мольеровой* *Комедіи*. Сыгравъ нѣ-

(*) Присланная спашья. Изд.

сколько ролей любовницъ, по живости и рѣзвости, перемѣщена была на роли служанокъ. Померанцевой очень трудно было образовашь себя. Репертуаръ погдашняго Театра, по недоспашку оригинальныхъ пїесъ, состоялъ изъ Французскихъ переводовъ. Она не имѣла передъ собою образца, опъ котораго могла бѣ занимашь; была косноязычна, бѣлокура; имѣла сѣрые глаза. Извѣстно, что бѣлокурья, во всѣхъ роляхъ, кромѣ помныхъ любовницъ, очень много теряющъ передъ черноволосыми; ибо черны лица не явственнo видны со сцены. Не смотря на то, Померанцева тонкостью игры, опщѣнками въ словахъ, веселостью, рѣзвостью, лукавствомъ, жаромъ, такъ умѣла плѣнять зрителей, что недоспашки ея были всѣми забыты. Любители Театра и теперь съ восхищеніемъ вспоминающъ прекрасную игру ея въ *Тартюфъ*, въ *Ревниволъ*, въ *Игрокъ*, въ *Счастливолъ волокиплъ* и во многихъ другихъ Комедіяхъ.

Померанцева представляла не однѣхъ только служанокъ. Г. *Аблесимовъ*, сочиня *Мѣльника*, — прекрасную Оперу, въ которой завязка и развязка съ такою простотою, съ такимъ правдоподобіемъ сдѣланы, что *Мѣльникъ* можетъ почестъся единственнымъ на *Руссколъ* и даже на всѣхъ Театрахъ — доставилъ Померанцевой въ роль *Фетиньи*

новой случай оказать свои дарованія. Она прекрасно играла Русскую крестьянку. Ухватка, нарѣчіе, походка, даже взгляды — все было вѣрно и точно. Зрители забывали, что нѣсколько дней назадъ видѣли въ ней хитрую *Мартонъ*; имъ казалось, что передъ ними дѣйствуетъ Русская крестьянка. Такимъ образомъ *Померанцева* почти въ каждой роли доставляла зрителямъ удовольствіе, а себя приобретала славу.

Былобъ слишкомъ продолжительнo изчислять всѣ роли, хорошо игранныя этою искусною Актрисою. Не вольно останавливаюсь на *Невзорѣ* изъ *Новаго семейства*. Вотъ роль, которая съ перваго взгляду кажется неважною, но которая въ самомъ дѣлѣ требуетъ, чтобъ Актриса съ большимъ вниманіемъ ее разобрала. *Померанцева* показала въ этой роли не только искусство свое, но и вкусъ, который всегда былъ путеводителемъ изящныхъ талантовъ. *Невзора* выходитъ, проводя гостей, съ которыми по сельскому обычаю выпила лишнюю рюмку вина; представивъ пьяную женщину, не возбудивъ обращенія въ зрителей, есть большое искусство, и *Померанцева* такъ умно брала на себя видъ полупьяной, что никогда не отворачивала отъ себя зрителей; напрошивъ всѣ съ удовольствіемъ на нее смотрѣли.

Играя большею частію комическія роли, она никогда не дѣлала изъ себя фарса; не хопѣла незаслуженныхъ рукоплесканій; знала, что хорошая Актриса должна изобразить странности того лица, которое представляешь, но не выславлять на показъ своихъ глупостей; знала, что не всякая натуральная игра пріятна; живо чувствовала, что лучше заславить глупыхъ зѣвать, нежели умныхъ зажмуриваться.

Померанцева, всегда располагая себя по способностямъ, какъ скоро почувствовала, что время лишило ее прежней веселости и живости, оставила роли служанокъ, и принялась за комическихъ шарухъ. Она принуждена была снова образовывать себя; нѣтъ сомнѣнія, что сорокалѣтней женщинѣ такой переломъ былъ довольно труденъ. Г-жу *Брумбахъ* въ *Вертолрахъ*, *Старостиху Ивановну* въ *Лизъ*, *Глупикову* въ *Люви и добродѣтели*, она играла прекрасно; но *Аграфену* въ *Рекрутскомъ наборѣ* представляла неподражаемо. Упомленная горестъ, отчаяніе, боязнь лишиться сына, послѣдней опрады своей, материнская любовь и нѣжность — особливо въ шѣ минушы, когда *Бурмистръ* велишь ей заклать сына, когда *Герасимъ* выкупаешъ *Архила*, и когда она съ сыномъ прощается навсегда — выражались ею безпримѣрно.

Прежде *Померанцева* рѣдко бывала больна; но въ 1805 году Октября 8, во время представленія второй части *Русалки*, сдѣлался съ нею ударъ. Уваженіе къ Публикѣ и страсть къ Театру были въ ней такъ велики, что она непременно хотѣла доиграть *Олеру*; насилу могли уговорить ее. Послѣ четырехмѣсячной болѣзни, *Померанцева* опять явилась на сценѣ. Последнюю роль играла *Чванкину* въ *Хвостунѣ* 16 Сентября; 20 приѣзжала на пробу *Серебряной свадьбы*, будучи здорова и весела; на другой день поутру упала отъ сильнаго удара паралича, и въ 12 часовъ скончалась.

Померанцева, кромѣ отличнаго достоинства искусной Актрисы, была хорошая жена, добрая мать и любезная женщина. Во все время службы своей прилѣжностью къ должности и пріятнымъ обращеніемъ заслуживала любовь и почтеніе какъ отъ управлявшихъ Театромъ, такъ и отъ своихъ товарищей.

N. N.

VI.

Признаніе (*).

(Подражаніе Французскому.)

Кшо въ страсти нѣжной васъ, Зелидѣ,
увѣряешъ,
Или обманушъ потъ, иль хочешъ обманушъ :
И я тебя любилъ, объ этомъ всякой знаетъ,
И я обманывалъ — увѣрена въ томъ будь.
Счастливей вспомни день, когда передъ тобою
Смиренно преклонясь, ошѣша ожидалъ,
Вдыхалъ шокрашно я, и слезы лилъ рѣкою :
Въ займы я слезы тѣ изъ ближней рѣчки
взялъ.
Въ день Ангела, тебя стихами я поздравилъ,
Ты Музою тогда воскипцлась моей :
Въ томъ день ошъ Лизы я стопы къ тебѣ
направилъ,
Я шу же похвалу, божусь, читалъ и ей.
Ты вспомни время то, какъ на меня сердцлась,
Схвацивши писполешъ, хотѣлъ я предъ тобой
Скончатъ мученіе; ты скоро умягчилась...
А эшотъ писполешъ, по чесши, былъ пу-
стой.
Потомъ я страстное письмо тебѣ вручаю,
Какъ будшо ошъ другой его я получилъ;

(*) Идашель проситъ у Г-на Автора извиненія. Обстоятельства не дозволили напечатать сіи стихи ранѣе.

Тебѣ всѣмъ жертвуя, письмо я раздираю:
Не я сихъ нѣжныхъ строкъ, Дамонъ пред-
метомъ былъ.

На балъ нѣкогда ты Флорою явилась;
Я ревностно въ шомъ день тебѣ старался
льстить:

Но нѣжность вся моя тогда къ тому клонилась,
Чтобъ ревность и любовь въ Лаурѣ возбудить.
Пошомъ съ тобой меня на время разлучили: —
И шухъ мой умыселъ причиной главной былъ;
По милости моей тебя тогда бранили,
А я съ весельемъ день Лаурѣ посвятилъ.

Однажды въ ревности къ тебѣ я пришворился,
Хоть поводу къ тому совсѣмъ ты не дала;
Скажу тебѣ: тогда я къ Хлоѣ шеропился,
Чтобъ вечеръ съ ней побыть; она меня звала.
Покрышой блѣдностью, съ признаками пом-
ленья,

Я въ слѣдующій день къ тебѣ явился въ
домъ;

Ты думала, что спросить причиною мученья?
Да Хлоя можетъ быть тебѣ порукой
въ шомъ.

Чемужь смѣешься ты? возможно ль мнѣ не
вѣрить? —

„Тебѣ ль меня, мой другъ, такъ можно обо-
льстить?“

Я знаю наизусть науку лицемѣрить,
И шрудно въ хитрости со мною равнымъ
быть! —

Ты думалъ, что къ тебѣ любовью пылая,
Невѣрносшей твоихъ я видѣть не могла?
Нѣтъ! я, невѣрному всечасно опомщая,
Въ что кратѣ лукавѣе, чѣмъ ты, всегда была.“

— вѣ.

VII.

С л ѣ с ъ.

Въ Мадридѣ вышелъ Французско - Испанскій Словарь, собранный Г - мь Кампани, Членомъ Исторической Академіи. Въ предисловіи Авторъ съ такимъ усердіемъ выхвалялъ языкъ своего отечества, что чужестранцамъ легко могла бы придти охота учиться поиспански, еслибъ не знали они, что уже около двухъ столѣтій за Пиренейскими горами науки въ успѣхахъ своихъ далеко отспали отъ прочихъ странъ Европы, и еслибъ Испанцы писали болѣе на природномъ своемъ языкѣ. Но, къ сожалѣнію, съ послѣднихъ годовъ царствованія Филиппа II, схоластической невразумительной языкъ былъ исключительно уважаемъ въ Испаніи, и заразилъ даже Юриспруденцію, модную науку тогдашняго времени. Извѣстно, что послѣ возрожденія наукъ до конца шестнадцатаго столѣтія, во всей Европѣ писали болѣе латини, и что весьма немногіе занимались своимъ отечественнымъ языкомъ. Однакожь въ Испаніи есть много книгъ, на при-

родномъ языкѣ писанныхъ, въ которыхъ содержатся основанія многихъ полезныхъ наукъ, усовершенствованныя въ другихъ Государствахъ, гдѣ свобода писанья споспѣшествовала распространенію знаній. Духовный и гражданскій деспотизмъ привелъ въ упадокъ націю, которая болѣе сильнѣе играла первую роль въ Европѣ, и языкъ коей, по свидѣтельству Серванта и Вольшера, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Миланѣ, въ Неаполѣ, былъ почти въ такомъ же употребленіи, какъ въ самомъ Мадридѣ.

✱

Въ Шропскомъ Графствѣ, въ Англіи, ведется человеколюбивое обыкновеніе, которое дѣлаетъ великую честь тамошнимъ жителямъ. Учреждено особое заведеніе для облегченія судьбы несчастныхъ, содержащихся въ шюрмѣ, должниковъ и преступниковъ. Первымъ доставляются способы пропитанія во все время тюремнаго заключенія; ихъ награждаютъ за прилѣжность и за доброе поведеніе, а по увольненіи даютъ имъ разныя орудія, которыми они могли бы исправлять работы, и шѣмъ приобретать себѣ и своимъ семействамъ честное пропитаніе. Содержащихся за проступки также награждаютъ, если они прилѣжны, если ведутъ себя хорошо и раскаиваются въ прежнихъ шалостяхъ; по увольненіи снабжаютъ ихъ одеждою, нужными ремесленными орудіями,

и даже деньгами, чшобы могли чѣмъ содер-
жашь себя на первой случай, и не покуси-
лись бы снова прибѣгнуть къ порочнымъ сред-
ствамъ.

*

Одинъ Персъ каждой разъ, выходя изъ
чертоговъ . Государя, ощупывалъ обѣими
руками свою голову, чшобы увѣриться,
точно ли она осталась еще на плечахъ.

Г. Аржансонъ, спустя часъ послѣ того,
какъ лишился Министерскаго мѣста, напи-
салъ къ Г - ну Жаннелю, Интенданшу
почтѣ : „Любезный Жаннель! если вы *еще*
помните обо мнѣ, то пожалуйста прикажи-
те отослать мои письма въ Ормъ.“

Лудовикъ XII говорилъ, что законы
суть Цари надъ Царями.

*

„Я часто нахожу — такъ пишеть
нѣкоторая забавница къ Издашелю одного
Французскаго Журнала — похвалы *Журналу*
Обжоръ (*). Понимаю все достоинство сего
Изданія, и чшпая оное удивляюсь, какъ
умные люди умѣють употреблять свои спо-
собности на дѣла благородныя; но почему
одинъ только изъ *смертныхъ грѣховъ*,

(*) Journal de Gourmands — названіе извѣстна-
го Періодическаго Изданія.

почему одно только *объяденіе* прославляе-
 ся умными людьми? развѣ другіе *смертные*
грѣхи не достойны равной чести? Я думаю
 иначе, и утверждаю, что если не всякой
 получивъ себѣ въ удѣлъ дарованіе быть об-
 жорою, если не всякой находилъ свое удо-
 вольствіе въ объяденіи, за то у всякаго
 есть свой любимой грѣхъ; слѣдственно для
 каждаго грѣха нуженъ особой Панигиристъ и
 особой Журналъ. Я, на примѣръ, до страсти
 люблю *лѣность*, и почитаю самымъ пріят-
 нѣйшимъ для себя удовольствіемъ *никого не*
дѣлать *far niente*; пошому предполагаю изда-
 вать *Журналъ для лѣнтяевъ*, и хочу показать
 моимъ современникамъ всѣ тайны успокоенія,
 бездѣйствія и сладострастной праздности для
 людей всѣхъ состояній; ибо вы сами знаете,
 что лѣность вельможи должна быть отлич-
 на отъ лѣности слуги. И такъ въ Журна-
 лѣ моемъ будутъ помѣщены правила для
 всѣхъ людей и для всѣхъ временъ года и
 дня. Сохраню различіе между лѣпнею праз-
 дностію и зимнею, между лѣнью ночною и
 и послѣобѣденною. Приведу славные при-
 мѣры лѣни, выбранные изъ Исторіи Сибя-
 ришовъ, Индіанъ, Восточныхъ и Италіян-
 скихъ празднолюбцевъ; словомъ, всячески по-
 стараюсь обогатить мой Журналъ полезнымъ
 и пріятнымъ. Если вы одобрите мое намѣре-
 ніе, то не сомнѣваюсь въ счастливомъ успѣ-
 хѣ“ и проч.

ПОЛИТИКА.

I.

*Замѣтанія о войнѣ 1805 года, и о
Пресбургскомъ мирѣ.*

(Окончаніе.)

Еслибѣ Россійская армія въ самомъ дѣлѣ была такъ слаба, еслибѣ она въ самомъ дѣлѣ была истреблена, — какъ объявляютъ Французскія донесенія; то малой остатокъ ея не иначе какъ развѣ сверхъестественнымъ только образомъ могъ бы уцѣлѣть; ибо многочисленнымъ Французскимъ войскамъ ничего не стоило бы погнався за нею, и изрубить до одного человѣка. Самъ же Бонапарте на канунѣ сраженія торжественно увѣрялъ, что „вся сія армія на другой день ввечеру будетъ истреблена.“ Извѣстно, что Наполеонъ любитъ спясть въ словѣ, и не упускаетъ случая пользоваться обстоятельствомъ; теперь спрашивается: почему здѣсь этого не случилось? Слѣдственно, можно ли вѣрить Французскимъ газетамъ, въ которыхъ писано, будто по предшательству Австрійскаго Императора, предложившаго мирныя условія, и будто положась на его увѣренія, что Русскіе пойдутъ прямо домой, Наполеонъ раздумалъ ихъ преслѣдовать? Это

ещолько же доспойно вѣрояшїя, какъ и то, что Россійскїе полки попали на замерзшіе пруды Аустерлицкїе, проломилн ледъ, и пошонули. Мнѣ очень жалки нѣмые обшашелн снхъ прудовъ, если у ннхъ нѣтъ другой ннщн, кромѣ ушопшнхъ шруповъ : вѣ такомъ случаѣ всѣ они должны были бы умереть съ голоду !

И такъ сїя бншва, сдѣлавшая сильное впечатлѣніе вѣ Кабинетахъ Монарховъ и вѣ кофейныхъ домахъ, вѣ женскихъ будуарахъ и вѣ дѣтскихъ комнатахъ, была рѣшительная не потому, что одна сторона будто бы побнша на голову — нбо и Союзники и Французы были равно ослаблены взаимнымъ дѣйствїемъ, но первые чувствовали болѣе опъ того, что непрїатель былъ многочисленнѣе — но особливо по той причинѣ, что шпрахъ заспавилъ Австрїйскаго Императора просить мира.

Сей миръ дѣйствнтельно подписанъ скоро послѣ заключенїя перемирїя. Еслибъ Наполеонъ поступилъ великодушнѣе, еслибъ онъ явилъ болѣе умѣренности вѣ своихъ требова- нїяхъ; то все еще можно было бы радоваться о прекращенїи бѣдствїй челобчества. Но та- кой миръ, по несчастїю, не можетъ радовать никого, — нже шѣхъ, которые ничего не теряютъ.

Еще разъ повторю, что уже сказаль я сначала : желательн было бы, чтобъ Ав-

епрѳя не заключала мира, или по крайней мѣрѣ заключила бы его не такъ послѣшно. Нѣмецкой Императорѣ, которому очень мало уже перьяшъ оставалось, долженъ былъ опважиться на всѣ крайности, а особливо зная положеніе Французской арміи послѣ Аустерлицкой битвы. Я все утверждаю, что сіе сраженіе было слѣдствіемъ чрезвычайной рѣшительности со стороны Наполеона. Онъ видѣлъ, что надобно пуститься на удачу, не дожидаясь бѣды, со всѣхъ сторонъ угрожавшей. Свѣжая Россійская колонна, изъ 45,000 человекъ состоявшая, приближалась къ Моравіи, и скоро могла соединиться съ прочими; въ Богеміи Эрцгерцогъ Фердинандъ усилился, и хотѣлъ уже идти впередъ; въ Спиріи перевѣсъ склонялся на сторону Австрійцевъ; Эрцгерцогъ Карлъ спѣшилъ къ мѣсту сраженія; Русскіе, Англичане и Шведы находились въ области Ганноверской; длинная цѣпь соединенныхъ войскъ Прусскихъ, Гессенскихъ и Саксонскихъ, которыхъ назначеніе было неизвѣстно, заставляла опасаться; прибавьше еще — Французская армія, не смотря на то, что получала подкрѣпленія, была ослаблена потерями, раздробленіями и необходимостію оставлять въ крѣпостяхъ гарнизоны: какъ же могъ не видѣть Наполеонъ, сколь опасно было его положеніе, тѣмъ болѣе, что онъ находился далеко отъ границъ Французскихъ?

И такъ оставалось пуститься на удачу, чтобы, сколько возмозноштъ дозволяла, предотвратитъ великую бѣду, которая долженствовала постигнуть Французовъ по соединеніи всѣхъ войскъ Россійско - Австрійскихъ. Бонапарте нѣкоторымъ образомъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи; но то удивительно, что заключивъ миръ, онъ получилъ такія выгоды, какихъ сомнительное положеніе его никакъ не обѣщало.

Кажется, все шло на бѣду Австріи. Она не во время начала войну, — не во время же заключила миръ. Можетъ бытъ, надлежало бы потерпѣть не болѣе восьми дней — и дѣла приняли бы другой видъ, такъ что отъ Союзниковъ зависѣло бы предписать мирныя условія. — „Друзья! когда еще разъ одержимъ такую побѣду, то мы пропали!“ сказалъ нѣкогда *Фридрихъ единственныи*; не могъ ли то же сказать Бонапарте на поляхъ Моравскихъ? — Можетъ бытъ еовсе не дошло бы до такой *побѣды*, или лучше сказать, можетъ бытъ Французамъ, при всей доброй волѣ ихъ, при всѣхъ стараніяхъ и напряженіяхъ, не удалось бы начать дѣла: ибо еслибъ Наполеонъ приказалъ корпусу Генерала Мармона, Баварцамъ и другимъ вспомогательнымъ войскамъ съ возмознѣйшею поспѣшностію идти къ себѣ; то и Союзники также въ скоромъ времени могли усиливаться бо-

лѣе непріятеля. Двенадцати - тысячный корпусъ Генерала Эссена дополнилъ бы весь уронъ; между тѣмъ 45,000 человекъ приближались къ арміи; Эрцгерцогъ Фердинандъ въ Богеміи счастливо прогналъ Баварцовъ, и угрожалъ нападеніемъ на правое крыло главной Французской арміи; Эрцгерцогъ Карлъ былъ уже недалеко отъ Вѣны, которую хотѣлъ освободить отъ осады. Еслибъ Генералъ Мармонъ пошелъ къ главной арміи, тогда Австрійской корпусъ, находившійся въ Спиріи, двинулся бы черезъ Сальцбургъ къ верхней Австріи, слѣдственно зашелъ бы въ тылъ главной арміи Французской. О томъ уже не говорю, что Эрцгерцогъ Карлъ безъ сомнѣнія въ самомъ скоромъ времени устроилъ бы поголовное вооруженіе въ Венгріи. При такихъ обстоятельствахъ каково было бы Французамъ? — Наполеонъ все сіе видѣлъ; еслибъ послѣ Аустерлицкаго сраженія не удалось ему заключить миръ, то онъ вѣрно сталъ бы думать о безопасномъ отступленіи.

Спрашивается: при состояніи, въ какомъ находились Французы, потерявши множество людей на *исполнинскомъ*, какъ они сами говорятъ, сраженіи, терпя недоспашокъ въ сѣстныхъ принасахъ, видя кругомъ опасности, не былъ ли бы онъ принужденъ отступать назадъ? въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. — Но положимъ,

что Наполеонъ, уповая на свое счастье, на искусство, на отважность солдатъ своихъ, осмался бы въ Моравіи; положимъ, что онъ опять рѣшился бы драться съ Союзниками, получившими подкрѣпленіе: въ такомъ случаѣ весьма не трудно угадать слѣдствія, а особливо еслибъ Эрцгерцогу Карлу было ввѣрено главное начальство. Французы были бы разбишы, и съ такою же поспѣшностію отправились бы въ обратную путь, съ какою шли впередъ. Хотя опытной Наполеонъ умѣлъ бы искусно управлять движеніями опсшупающаго своего войска; однакъ ему все было бы весьма трудно съ честью возвратишься во свояси. Союзныя войска съ новыми силами и бодростію преслѣдовали бы Французовъ, не давая имъ опдыха; погода и дороги затрудняли бы опсшупленіе; разоренные жишели Вѣны и всей Австріи, безъ сомнѣнія, не ласково приняли бы незваныхъ госпей своихъ. Еслибъ Французы пошли черезъ Баварію: Русскіе, Шведы и Англичане поспѣшили бы къ нимъ на встрѣчу изъ Ганноверской области. Французамъ надлежало бы сихъ побѣдитъ, — а это дѣло невозможное при подобныхъ обстоятельствахъ. Шестъ тыеячь Французовъ, находившихся въ Гамельнѣ, были не очень опасны; наблюденіе за ними можно бы поручитъ Ганноверскому войску. Съверная Французская армія опасалась Пруса-

ковъ и Гессенцовъ, спюявшихъ въ Вестфаліи. Ибо кто знаетъ, какую сторону приняла бы Пруссія съ своимъ Союзникомъ въ подобномъ случаѣ? — Слѣдственно, по всѣмъ вѣроятностямъ, Французы взяли бы направленіе черезъ Австрію къ Италіи, чтобы соединиться съ арміею Генерала Массены; но и тутъ встрѣпились бы трудности: ибо не только Австрійской корпусъ, оставшійся въ Спиріи, но снова одушевленные любовію къ отечеству Нижне - Австрійцы, а особливо Тирольцы, могли бы противупоставить имъ важныя препоны. — Впрочемъ очень вѣроятно, что Французская армія могла бы соединиться съ корпусомъ Массены, и чрезъ то получить значное подкрѣпленіе; могло также статься, что съ стороны въ продолженіе нѣкотораго времени дѣйствовали бы съ переменнымъ счастьемъ: но тогда уже Французамъ не лзя было бы думать не только о новомъ вступленіи въ Австрію, но ниже объ удержаніи за собою настоящей позиціи. Противуположная сила, по присоединеніи къ ней новыхъ войскъ Россійскихъ, представила бы Французамъ великія трудности; особливо же не надобно забывать, что Русскіе и Англичане сошли на твердую землю въ Нижней Италіи. Не хочу утверждать, будто они, соединясь съ Неаполитанцами, составили бы страшную силу; однакожь Генераль Сен - Сиръ со слабымъ, по большей части

изъ Италіянской народной Гвардіи состоявшимъ корпусомъ, едва ли помѣшалъ бы имъ пройти въ Верхнюю Италію; при томъ же, увидѣвъ счастливое начало, вѣроятно оправили бы изъ Корфу новую помощь. Всякой непріятель, даже слабой, спрашенъ, когда стоитъ за спиною арміи; слѣдственно Французы, чшобъ спастись отъ очевидной опасности, принуждены были бы какъ можно скорѣе пробираться въ Италіянское Королевство; — а такое отступленіе конечно не было бы для нихъ самое выгодное.

Можетъ быть здѣсь возразятъ: „Французы, отдохнувши послѣ Аусшерлицкаго сраженія, погнались бы за Союзниками, и одержали бы надъ ними рѣшительную побѣду; тогда, что было бы съ прочими корпусами Россіянъ? что было бы съ отдѣленными корпусами Эрцгерцоговъ Карла и Фердинанда?“ — Это не что иное, какъ только предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли спастся, чшобы изнуренные Французы помышляли о новомъ нападеніи? Моглиль они ожидать счастливыхъ слѣдствій, сразясь съ Россіянами, не только не пришедшими въ крайнее изнеможеніе, но еще подкрѣпленными корпусомъ Генерала Эссена? Но положимъ на часъ, что на это рѣшились бы Французы; въ такомъ случаѣ они мало выиграли бы, подаваясь впередъ, и чрезъ то ослабляя

свои силы; а нападеніе со стороны Эрдгерцога Карла шѣмъ было бы удачнѣе и рѣшительнѣе. Сверхъ того, почему знаешь, какое намѣреніе имѣла оскорбленная Пруссія, и не ожидала ли она счастливой минуты приложишь свою тяжесть къ сторонамъ Союзниковъ, и дать перевѣсъ ихъ дѣйсвіямъ?

Здѣсь предстоитъ случай сказать нѣчто о политикѣ Пруссіи, вразсужденіи окончившейся войны. Сочинитель сихъ замѣчаній напередъ признается, что онъ, чувствуя слабость силъ своихъ, не можетъ опредѣлить цѣну тайнственной мудрости Прусскаго Кабинета, а еще болѣе проникнуть въ его намѣренія; впрочемъ онъ увѣряетъ своею честью, что хранитъ глубокое почтеніе, и преисполненъ благодарности къ Правительству, которое и въ прежнюю войну и въ нынѣшнюю помышляло о безопасности сѣверной Германіи. Однакожь онъ не можетъ не желать, чтобы Пруссія при теперешнихъ обстоятельствахъ отказалась отъ своей холодной политики, и чтобы перестала быть вооруженною зрительницею ужасныхъ военныхъ происшествій. Сочинитель, имѣя въ виду систему, принятую, какъ казалось, Прусскимъ Кабинетомъ, не ожидалъ такого равнодушія: ибо хотя Пруссія, представляя разныя затрудненія, задержала на нѣкоторое время Россійскія

колонны, — а отъ сей медленности, можеть бышь, зависѣли неудачи; однакожь пребываніе Россійскаго Монарха въ Берлинѣ возбуждало въ насъ нѣкоторыя пріятныя надежды. О! еслибъ сіи надежды совершились: сколько было бы отвращено бѣдстей!

Пруссія изъ всѣхъ Нѣмецкихъ Державъ была одна, которую Франція — ежели не боялась, по крайней мѣрѣ уважала ее. — Нѣтъ сомнѣнія, что смѣлой языкъ, благородное слово, подкрѣпленное воинскими приговорами, дало бы дѣламъ совсѣмъ другое направленіе. Если уже сіе крошечное Правительство не хотѣло опуступать отъ своихъ неутральныхъ правилъ, которыя могли бышь для него полезны, но вредны для конституціи и благосостоянія Нѣмецкой Имперіи; то по крайней мѣрѣ не надлежало смотрѣшь сквозь пальцы на дерзновенное вторженіе въ Анспахскую область, — чтобы не дать повода *умѣренность* почищать *робостію*. Когда столь нагло нарушенъ законъ неутралиитета, въ ту самую минуту Пруссія имѣла неопровержимое право уничтожить пракшты, которые свято хранила до того времени. Еслибъ она сдѣлала это съ напряженіемъ, свойственнымъ ей; то Муза Исторіи конечно не вписала бы въ книгу свою кровопролитнаго сраженія при Аустерлицѣ, а можеть бышь и постыдной сдачи Ульма.

Французская главная армія долженствовала бы придти въ безсиліе отъ раздѣленія; она имѣла бы дѣло съ войскомъ, въ которомъ не совсѣмъ еще погасъ духъ великаго Фридерика, и которое еще въ революціонную войну, даже послѣ несчастнаго сраженія, заставило уважать себя. Гессенцы и Саксонцы, еслибъ только захотѣли соединиться съ Прусаками, немногочисленность свою замѣнили бы мужествомъ и жаркою любовію къ отечеству. Такія войска, подъ предводительствомъ хорошихъ Генераловъ, оказали бы великую помощь, — и дѣла пошли бы другимъ порядкомъ.

Какой сильной отводъ можно бы сдѣлать, отправивъ корпусы изъ Вестфаліи противъ Франціи и Батавской Республики! Сначала тамъ находилось очень мало непріятельскаго войска; слѣдственно при вступленіи въ Голландію не встрѣшилось бы много препятствій. Даже по составленіи сѣверной арміи — а это уже и показываетъ, что Французы опасались нападенія съ сей стороны — даже по составленіи сѣверной арміи Прусаки и Гессенцы могли бы удачно пройти впередъ, а за ними вѣроятно послѣдовали бы Россіяне и Шведы. Тогда Французамъ оставалось бы для защищенія своего отечества скорѣе переправляться обратно за Рейнъ, — разумѣется, еслибъ отъ нихъ

зависѣло сіе исполнишь. Можетъ быть, при согласныхъ, обдуманыхъ дѣйствіяхъ, Союзникамъ удалось бы еще далѣе прогнать Французовъ: тогда, были бы принуждены сами кланяться тѣмъ, которые теперь заставили другихъ просить мира; ибо Франція не могла твердо полагаться на слабыхъ своихъ Нѣмецкихъ союзниковъ.

Даже послѣ Аустерлицкаго сраженія было еще время, и можетъ быть самое удобнѣйшее для Пруссіи, мстить за насильственное нарушеніе неутраченного, и усмирить высокомернаго непріятеля, которой тогда уже находился весьма въ слабомъ состояніи. Но что послѣдовало бы съ нимъ, еслибъ Пруссія соединила свѣжія войска свои съ союзными! какое сильное подкрѣпленіе получили бы Союзники! какъ мужественно пошли бы они отмщать за кровь храброй своей братіи! Французы принуждены были бы опшупать — и какъ опшупать! Нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что Австрія тогда не была бы доведена до изнеможенія, Россія не имѣла бы причины огорчаться, Ганноверъ принадлежалъ бы законному своему Владѣтелю: но за то уже и Франція не приняла бы велишельнаго тона; Баварія и Виртембергъ не соединились бы съ нею, и не думали бы о Королевскомъ достоинствѣ; Нѣмецкое Рыцарство не было бы разрушено, и проч. Тогда

Нѣмцы все еще имѣли бы общее отечество, не только не истощенное, не только не обремененное оковами порабощенія, но можетъ быть возносящееся на степень величія и славы. Германія, сильная по своему союзу, могла бы сама написать мирныя статьи, и дать себѣ новую Конспицуцію, утвержденную на основаніи справедливомъ и прочномъ.

Но — къ сожалѣнію! — сіе удобное время минуло. Дай Богъ, чтобъ не было когда-нибудь причины жалѣть, для чего не пользовались онымъ! Настанетъ ли еще столь благопріятной случай? сомнительно; развѣ только соединеніе первостепенныхъ Державъ Европейскихъ дастъ возможность Германіи и другимъ странамъ свергнуть съ себя чуждое иго, и сдѣлаться независимыми по прежнему.

Слабая Австрія — которая не умѣла ни начинать войны въ надлежащее время, ни оканчивать ее въ пору — сама готовила печальной жребій для Германіи. Я согласенъ, что достопочтенный *Вестфальскій* миръ, еще до заключенія трактата Люневильскаго, такъ обвѣщаль, что не могъ уже служить надежнымъ покровомъ; согласенъ, что старомодной Нѣмецкой мундиръ не годится въ наше время; что связки, державшія сіе искусственное тѣло Государственное, такъ ослабѣли, такъ обвисли, что цѣлая

машина уже поперяла единство: но развѣ почтенная Германія не могла сама себѣ дать новаго учрежденія? Правда, это для нее работа трудная, однако жь не невозможная. Для сего не надобно было ни припѣснять кого - либо, ни опнимать правѣ и законныхъ владѣній; только законодательная и военная части конспишущіи требовали нѣкоторыхъ, соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ, переменѣ, чтобы права всѣхъ Чиновъ получили защиту отъ внутренняго и внѣшняго перевѣсу. Послѣ того, что недавно случилось, Германія едва ли удержитъ себя и на прежней степени; по видимому все основано на правилѣ, *divide et imperabis*, *раздѣли — и будешь нательствовать.*

Пресбургской мирѣ гораздо важнѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели какимъ кажется съ перваго взгляду. Онѣ чрезвычайно увеличилъ силу Франціи, а Германію привелъ въ состояніе зависимости, и сдѣлалъ ее страной, которой угрожаютъ опасности отъ стороны Италіи и отъ Рейна. Германія уже не существуетъ; ни что не можетъ спасти ее.

Австрія, обширнѣйшее Нѣмецкое Государство, и почка, на которой утверждена корона Нѣмецкой Имперіи, уже не полагаясь на прочность сей короны, и слѣдуя примѣру Франціи, возложила на себя другую Им-

ператорскую корону, наследственную. Сие обстоятельство должно охладить въ Австріи привязанность ея къ Германіи, которая не одинъ разъ уже показала, что мало заботится о своемъ Императорѣ. Пруссія еще прежде ослабила узы, которыми соединяли ее съ Имперіею. Такимъ образомъ пошатнулись двѣ, самыя твердыя опоры, которыми могли бы еще поддерживать вѣшное зданіе. Послѣ этого, чего ожидать малымъ частямъ, весьма не крѣпко соединеннымъ между собою? Австрія, когдабъ и хотѣла защищать ихъ, теперь слаба сама по себѣ, а еще болѣе ослаблена войною и несчастнымъ миромъ. Пруссія, по видимому, сама готова способствовать конечному разрушенію Германіи. Если смотрѣть на дѣла окомъ безпристрастнымъ, патриотическимъ; то, кажется, не остается уже ничего ни желать, ни надеяться.

Все, что сдѣлано до сихъ поръ, и что будетъ сдѣлано въ слѣдствіе Пресбургскаго трактата, есть только одно начало. Кажется, что Франція и Пруссія условились между собою дать Германіи новое образованіе. Малыя государства лишаются своей независимости, и сдѣлаются подвластными сильнѣйшимъ Держavamъ. Пруссія увеличиваться будетъ до тѣхъ поръ, пока могущество ея сравнится съ могуществомъ Австріи, когда сія

Держава займешъ степень, на которой прежде стояла. Австрія спанешъ думать о средствахъ вознаграждать свои потери приобретениями съ другой стороны. Франція, пользуясь своимъ перевѣсомъ въ политической системѣ, съ помощію войскъ остающихся на Нѣмецкой землѣ, опредѣлитъ, что допанешся на часть каждому изъ сильнѣйшихъ Государей; кромѣ Имперій Австрійской и Прусской, мы услышимъ еще о Королевствахъ Баварскомъ, Виртембергскомъ, Франконскомъ, Баденскомъ, Гессен - Кассельскомъ, Гессен - Дармштадскомъ, Саксонскомъ и Веспфальскомъ.

О когда бы сія великая политико - химическая шажба окончилась мирно, дружелюбно! когда бы новая цѣпь сія одушевилась однимъ чувствомъ! Это одно средство сохранить себя отъ непріятельскаго ига. Взаимное опчужденіе Монарховъ, тайные умыслы вразсужденіи разширенія своихъ владѣній, будутъ предпечею конечной гибели; но согласіе, единомысліе и Франція сама прошивъ себя соорудила стѣну, а можетъ быть выкопала могилу.

Даже при нынѣшнемъ несчастномъ времени должно благодарить Судьбу, еслибъ она не только для Германіи, но для всей Европы установила твердую политическую

систему, возделанное равновѣсіе, прочной миръ. Только длинной рядъ мирныхъ годовъ можетъ залѣчить раны бѣдствій, прешерпѣнныхъ человѣчествомъ; только продолжительная тишина можетъ снова водворить въ Европѣ безопасность, порядокъ, благонравіе, и слѣдственно счастье. Хвала и честь всѣмъ Государямъ, желающимъ мира!

(Съ Нѣмецкаго.)

Примѣч. Издат. Сія спашья писана скоро послѣ заключенія Пресбургскаго трактата. По обстоятельствуамъ тогдашняго времени, догадки Автора могли казаться правдоподобнѣйшими изъ всѣхъ возможныхъ: нынѣ дѣла приняли другое направленіе. Впрочемъ мы благодарны Автору, что онъ сообщилъ намъ многія историческія замѣчанія о достопамятномъ походѣ. Для насъ занимательна сія спашья потому еще, что Нѣмецкій Папріотъ, живущій въ Южной Германіи, посвятилъ ее **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.**

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Г. Фоксъ умеръ въ субботу 13 Сентября въ 6 часовъ по полудни въ Чизвикѣ, на рукахъ Лорда Голланда, своего племянника, имѣя отъ роду 57 лѣтъ. Образъ

мыслей и поведеніе сего знаменитаго Мужа извѣстны каждому. Отличныя таланты его, любовь къ нему народная; долговременное засѣданіе въ Парламентѣ въ качествѣ Депутата Вестминстерскаго, участіе, которое принималъ Фоксъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ, сдѣлали имя его славнымъ не только въ Англіи, но во всей Европѣ. Онъ былъ второй сынъ Лорда Голланда, и родился 13 Января 1749 года; учился въ Эпонской Коллегіи, потомъ въ Оксфордскомъ Университетѣ. Скоро по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ, Фоксъ былъ выбранъ въ Члены Парламента, когда еще не доспигъ до совершеннаго возраста. Во время Министерства Лорда Норша, онъ вступилъ въ отправленіе должности перваго Лорда Адмиральтейства, потомъ управлялъ Казначействомъ. Внезапно получивъ увольненіе, Фоксъ взялъ сторону Оппозиціи, и держался ее до тѣхъ поръ, пока Лордъ Норшъ не сложилъ съ себя званія Министра. При Маркизѣ Рокингамѣ, Фоксу ввѣрена была должность Государственнаго Секретаря, отъ которой онъ отказался немедленно послѣ смерти сего Министра. Потомъ Фоксъ составилъ извѣстную коалицію съ Лордомъ Норшомъ, и опять вступилъ въ Министерство. Въ сіе-то время онъ предложилъ билль объ Индіи, которой былъ принятъ Нижнимъ Парламен-

шомъ, но опринутъ Перами Королевства : сей случай заставилъ всѣхъ Министровъ удалиться. Фоксъ, сдѣлавшись главою Оппозиціи, ошачался удивительнымъ своимъ краснорѣчіемъ въ спорахъ противъ Пипша, во все время его Министерства. Дѣло объ Регеншпфѣ, судъ надъ Гастингсомъ, а особливо Французская революція, подавали ему частые случаи оспаривать пальму краснорѣчія у великаго своего противника. По смерти Пипша, Фоксъ наименованъ Государственнымъ Секретаремъ внѣшнихъ дѣлъ. Кажется, что труды и усердіе къ службѣ сократили жизнь его — и въ такое время, когда опечесство имѣло величайшую нужду въ его дарованіяхъ.

Въ день кончины Г-на Фокса, чрезвычайная придворная газета сообщила Лондонской публикѣ важное извѣстіе о взятіи города и крѣпости Буаносъ-Айреса, что въ Южной Америкѣ. Генералъ Бересфордъ и Сиръ Томъ Попгамъ, высадивши войска на твердую землю, и побивши Испанцевъ, овладѣли крѣпостью въ Іюль мѣсяцѣ. Англичанъ было только 1,700; напротивъ того число непріятелей простиралось до 4,000 человекъ. Англія приобрѣла сею побѣдою весьма укрѣпленной городъ въ богатѣйшей странѣ Южной Америки, и неисощимый источникъ новыхъ сокровищъ. Часть войска,

которую сажаютъ на корабли въ Плимутъ , отпрапляется въ Буэносъ-Айресъ для подкрѣпленія корпуса Генерала Бересфорда.

*

Г. Бонапарте отправилъ свою гвардію на почтовыхъ къ споронѣ Рейна , куда и самъ , какъ увѣряютъ , поѣдетъ очень скоро ; войска , стоявшія въ лагеряхъ при Мёдонѣ , и многія другія , идутъ въ Германію ; въ Голландіи составляется большая армія ; все движется , все угрожаетъ войною — только одни Парижскіе журналисты не хотятъ слышать о войнѣ. „ Не смотря на всѣ слухи — напечатано въ Аргусъ — мы не повѣримъ войнѣ до тѣхъ поръ , пока не услышимъ грома битвы ! “ Однакожь многіе Французскіе журналисты дѣлали вылазки прошивъ Пруссіи. Генералъ Кнобельсдорфъ , новой Посланникъ , заступившій мѣсто Маркиза Луккезини , спрашивалъ у Французскаго правительства , что значатъ оскорбительныя статьи прошивъ Пруссіи , печатаемыя въ разныхъ публичныхъ листкахъ ? Ему отвѣчали , что статьи сіи , не будучи помѣщены въ Монитёръ , не заключаютъ въ себѣ никакой досповѣрности , и что журналисты имѣютъ право объявлять свои мнѣнія о дѣлахъ политическихъ.

*

Доброе согласіе , господствующее между Россіею , Швеціею и Пруссіею , и тѣсной союзъ

между сею послѣднею Державою, Саксоніею и Гессеномъ, крайне озабочивающъ новаго Покровителя Германіи. Непрїяшно для Наполеона, кошорой можетъ быть уже сочинилъ въ головѣ своей планъ о раздѣлѣ Пруссїи — непрїяшно для него, что Фридрихъ Вильгельмъ обнаженнымъ мечемъ проводитъ черту на границахъ своего Королевства. Нынѣ Пруссїя не боится никакихъ угрозъ. Хотя она все еще продолжаетъ вести переговоры со Франціею, однакожь надобно думать, что говоритъ уже такимъ языкомъ, къ кошорому не привыкли уши Талейрана и Бонапарте. Извѣстно, что Г. Лафоре, Французской Посланникъ, скоро послѣ отъѣзда Короля изъ Верлина, просилъ для себя пропускныхъ видовъ, и что Прусскій Повѣренный въ дѣлахъ выѣхалъ изъ Гаги.

*

Е. В. Король Георгъ возвелъ Генераль-Майора Сира Джона Стюарта въ Кавалеры Ордена Бани, и дозволилъ ему принять шишулъ Графа, пожалованный Королемъ обѣихъ Сицилій Фердинандомъ IV, за слабую побѣду, одержанную имъ въ Калабрїи. Сей Генераль, какъ нынѣ уже заподлинно извѣстно, съ 5,000 Англичанъ разбилъ 9,000 Французовъ, которые потеряли — считая убитыхъ, раненыхъ и доставшихся въ плѣнъ — 4000 человекъ. — Въ Калабрїи совершаются неслыханныя жестоко-

сти именемъ Иосифа Бонапарте надъ подданными Короля Фердинанда, кошорые остались вѣрными законному своему Государю. Помѣщенныя въ Неаполитанскомъ Монистерѣ извѣстїя о варварскихъ успѣхахъ Французовъ прошивъ такъ называемыхъ мяшежниковъ, весьма походящъ на реляціи голоколѣннаго войска, за двенадцать лѣтъ передъ симъ разорявшаго Вандею. Превращеніе въ пепелъ деревень, расхищеніе городовъ, мучительное побіеніе духовныхъ особъ, женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, *подозрѣваемыхъ* въ вѣрности къ Бурбонамъ шаковыя подвиги, объявляемые похитишелемъ Неаполитанскаго престола въ оффиціальныхъ своихъ журналахъ — подвиги, кошорыхъ самъ онъ есть виновникомъ и свидѣшелемъ!

Можно наполнишь нѣсколько шомовъ описаніемъ бѣдствій, прешерпѣнныхъ чело-вѣчествомъ въ послѣдніе три мѣсяца. Въ Іюлѣ на островѣ Мальшѣ взлетѣлъ на воздухъ магазинъ съ 370 бочками пороха, и 1600 бомбъ и гранатъ. Всѣ дома сосѣдственныя обрушились, 1300 чело-вѣкъ лишились, одни жизни, другіе здоровья. — Августа 26, въ Римѣ чувствовано было сильное землетрясеніе, которое причинило много вреда, и стоило многимъ жизни, а особливо въ окрестностяхъ сего города. —

Въ началѣ Сентября, въ Швицкомѣ Кантонѣ отпорвалась отъ горы пребогшая гряда земли, и покрыла собою чешыре деревни, Ловерцъ, Буфингенъ, Гольдау и Решельнь, надъ копорыми явилась новая гора, совсѣмъ перемѣнившая видъ мѣстоположенія.

Одинъ путешественникъ пишетъ изъ Люцерна слѣдующее: „Мы отправились туда, гдѣ прежде находилась деревня Ловерцъ. Какое печальное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ! мы нашли дома, отодвинутые на четверть мили отъ прежняго мѣста, и окруженные каменными горами, обогренными кровію. — Болѣе всего удивило насъ, что гряды, отдѣлившіяся отъ горы Руфи, стоявшей въ двухъ миляхъ отъ Ловерца, скапаясь внизъ, отбросили колокольню шаговъ на сорокъ, не сдѣлавъ ей ни малѣйшаго поврежденія. Напрошивъ того церковь сокрушена въ дребезги, и лампы ея найдены за полмили отъ Ловерца. Озеро, извѣстное подъ симъ же именемъ, уменьшилось цѣлою третью; не осталось ниже слѣдовъ острова Шванау; 114 домовъ, стоявшихъ около озера, погнуло. Въ Севенѣ исчезло только чешыре дома; трактиръ солнца очутился въ 600 шагахъ отъ прежняго мѣста.

„Теперь раскапываютъ землю, и открываютъ множество труповъ. Городъ Люцернъ

отправилъ 2,000 человекъ, чтобы спасти Аршъ, которому угрожаетъ крайняя опасность. Несчастные жители его съ минуты на минуту ждуть погибели отъ наводненія. Городъ Цугъ находится также въ мучительномъ состояніи; онъ неминуемо погибнетъ, если вода промочетъ съ сей стороны гору, составившуюся изъ насыпи и развалинъ. — Г. Зай, изъ Арша, увѣряетъ, что число людей, лишившихся жизни простирается до 1400.“

✱

Опшоманская Порта прислала увольненіе отъ должностей Господарямъ Валахіи и Молдавіи, Князьямъ Морузи и Ипсилантію; на ихъ мѣста назначены Князь Каллимахи и Князь Суццо. Сіе произшествіе доспойно замѣчанія по двумъ обстоятельствомъ: во-первыхъ — оно случилось скоро по прибытіи въ Констаншинополь Французскаго Посла Генерала Себастіани; во-вторыхъ — Порта обѣщалась, по договору съ нѣкоторою Державою, смѣнять Господарей не прежде, какъ по прошествіи семи лѣтъ. . . .

КОНЕЦЪ ХХІХ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

СЕНТЯБРЬ, №. 17.

	Стран.
I. Мужъ развратительъ.	3
II. Сцена изъ Эсхиловой Трагедіи, называемой: Седмъ вождей подъ Оивами.	41
III. О числѣ больныхъ, и объ операціяхъ, сдѣланныхъ въ Голицынской публичной Больницѣ въ продолженіе 1805 года.	47
IV. Смѣсь.	35
V. Письмо къ Издателю.	56
VI. Достопамятная прозба, поданная отъ Венгерскихъ Чиновъ Эрцгерцогу Палапину.	60
VII. Таблица о Государственныхъ доходахъ и расходахъ Франціи со времёнъ Филиппа Августа до Наполеона Бонапарте.	65
VIII. Рѣчь, произнесенная Лудовикою Бонапарте къ Чинамъ Голландскимъ.	66
IX. Какъ обходятся въ Англіи съ нынѣшними Французскими Адми-	

	Стран.
ралами, и какъ обходились съ прежними Королевскими.	72
X. Извѣстія и замѣтанія.	73

СЕНТЯБРЬ, №. 18.

I. О Греческихъ Риторихъ и Риторикъ.	81
II. Историческое извѣстіе объ Орлеанской Дѣвственницѣ.	104
III. Анекдоты изъ жизни Дюкло.	109
IV. Стихи, поднесенные Принцу Баварскому отъ Общества глухонѣмыхъ, въ Парижѣ.	115
V. Безсмертіе.	116
VI. Смѣсь.	—
VII. Замѣтанія о войнѣ 1805 года, и о Пресбургскомъ мирѣ.	120
VIII. Нота Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ Г-на Башера, поданная Регенсбургскому Сейму.	145
IX. Извѣстія и замѣтанія.	149

ОКТАБРЬ, No. 19.

	Стран.
I. О Греческихъ Риторяхъ и Риторикъ. (Окончаніе.)	161
II. Сатира къ С . . . объ истинномъ благородствѣ.	195
III. Казопово предсказаніе.	201
IV. Смѣсь.	209
V. Замѣтанія о войнѣ 1805 года, и о Пресбургскомъ мирѣ. (Продолженіе.)	215
VI. Извѣстія и замѣтанія.	233

ОКТАБРЬ No. 20.

	Стран.
I. До завтра.	241
II. Путешествіе на Везувій.	262
III. О пышности похоронъ у древнихъ Римлянъ.	273
IV. Судъ о двухъ Французскихъ переводахъ <i>Виргиліевой Энеиды</i> .	281
V. Біографическое извѣстіе о Поме-ранцевой.	283
VI. Признаніе.	288
VII. Смѣсь.	290
VIII. Замѣтанія о войнѣ 1805 года, и о Пресбургскомъ мирѣ.	294
IX. Извѣстія и замѣтанія.	310
